

Pro et Contra

№ 3 (30) 2005

Том 9

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
Выходит шесть раз в год

Главный редактор

Мария Липман

**Заместитель
главного редактора**

Александр Стариков

Редактор

Наталия Иванова

**Ответственный
секретарь**

Анна Солодуха

Дизайн

Лидия Левина

Верстка

Дмитрий Басистый

Проверка и корректура

Арнольд Кун

Консультационный совет

Владимир Барановский

Борис Дубин

Фарид Закария

Томас Карозерс

Эндрю Качинс

Анатолий Ливен

Мари Мендрас

Вадим Радаев

Кирилл Рогов

Валерий Тишков

Дмитрий Тренин

Лилия Шевцова

Константин Эггерт

Евгений Ясин

Учредитель

Фонд Карнеги

за международный мир

(Carnegie Endowment

for International Peace)

Издание осуществляется

при материальной

поддержке

Фонда Макартуров

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Свидетельство о регистрации № 015220 от 26 августа 1996 года

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Тверская, 16/2, Московский центр Карнеги

Телефон: (095) 935-8904. Факс: (095) 935-8906

E-mail: editor@carnegie.ru. Электронные версии: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/>

ISSN 1560-8913

Распространяется бесплатно. Подписано в печать 18 января 2006 года. Формат 60x90¹/₈. Тираж 4 000 экз. Издательство «Гендальф»

© Carnegie Endowment for International Peace, 2006

ОТ РЕДАКТОРА

Уверенность в том, что в ближайшие десятилетия Китай догонит и перегонит ведущие мировые державы, постепенно становится всеобщей. Стремительный рост экономики, неслыханная дешевизна труда, с которой не может конкурировать никто, неизменный экономический успех китайских меньшинств за рубежом, укрепление авторитета Китая — сегодня в Азии,

а завтра, глядишь, и во всем мире — все это убеждает в том, что нынешнее столетие может стать веком Китая.

Возвышение КНР происходит в условиях полного отсутствия внутривнутриполитической конкуренции и серьезного ограничения гражданских прав.

Успехи сегодняшнего коммунистического Китая опрокидывают прекраснотушную теорию, будто с ростом материального благополучия у человека появляется потребность в свободе. Возможно, правы те, кто говорит, что все наоборот: пока горожанин богатеет, он не склонен протестовать. Со времени кровавых событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году в КНР не возникло никаких организованных демократических движений.

Но угрозы стабильному развитию Китая возникают с других направлений. Это и зависимость страны от мировых рынков, и слабая банковская система, и демографические проблемы самой населенной страны мира, и острая нехватка природных ресурсов, без которых задыхается быстро развивающаяся экономика, и неурегулированная проблема Тайваня, и коррупция.

Кроме того, КНР все еще остается бедной страной: почти половину ее населения составляют сельские жители, живущие в бесправии и нищете. Их душат налогами и лишают земли — местные партийные начальники, превратившиеся в фактических собственников, регулярно продают сельскохозяйственную землю под выгодную застройку, оставляя крестьян без средств к существованию. Согласно официальным дан-

ными, в одном только 2004 году в стране произошло 70 тысяч аграрных беспорядков. В декабре 2005-го при подавлении очередного восстания не менее 10 человек были убиты. Растущий разрыв в доходах между состоятельными и нищими создает опасность организованного крестьянского движения.

Отсутствие политических свобод может «аукнуться» Китаю с неожиданной стороны. Пока что в КНР охотно и умело производят продукцию лишь под чужими брендами, но не создают своих. От копирования чужого до собственных масштабных научных исследований и высокотехнологических разработок — гигантское расстояние. Сумеет ли КНР посрамить тех, кто убежден, что созидание чего-либо принципиально нового невозможно без свободы личности и политической открытости? Сможет ли коммунистический Китай в нынешнем столетии преодолеть препятствия, стоящие на его пути, и в самом деле превратиться в сверхдержаву? Когда речь идет о столь огромном и многогранном объекте, прогнозы неизбежно носят гадательный характер. В своих материалах авторы очередного *Pro et Contra* делятся своими представлениями о современном Китае, его внутренней жизни и его отношениях с внешним миром.

В статье **Василия Михеева** проводится детальный разбор рисков и угроз, стоящих на пути успешного развития Китая. Признавая серьезность подобных опасностей, автор подчеркивает, что «мир должен быть заинтересован в продолжении динамичного и устойчивого роста в Китае. В случае глубокого экономического кризиса в этой стране, — пишет Михеев, — ситуация, развиваясь по “принципу домино”, поставит под угрозу перспективы развития восточноазиатской, а вслед за ней и мировой экономики». О серьезных внутренних проблемах Китая говорит и **Минсин Пей**, который полагает, что в Китае необходимо провести политические реформы, поскольку важнейшим фактором нестабильности является авторитарное правление. **Ольга Борох** и **Александр Ломанов** посвяти-

ли свой материал проходящей в КНР идеологической дискуссии. Компартия вынуждена корректировать идеологические установки, поскольку нарастающее имущественное расслоение вызывает недовольство населения. Кроме того, объясняют авторы, свою роль сыграл «идеологический вызов со стороны неофициальных левых интеллектуалов: правящая компартия не хочет, чтобы ее считали покровителем неолиберализма, опасаясь дальнейшего ослабления марксистско-маоистских идеологических устоев, которые составляют основу легитимности коммунистического правления».

Мартин Вулф, идя наперекор общему мнению, утверждает, что Китай развивается вовсе не стремительно, а, напротив, слишком медленно. Его вывод основан на сравнении экономического роста Китая с послевоенными показателями Японии и Южной Кореи. **Дмитрий Тренин** анализирует трехсторонние отношения Пекин — Москва — Вашингтон. Эта треугольная конструкция, сформировавшаяся в начале 70-х годов прошлого века, по мнению автора, вновь приобретает реальные черты. Но «если в 1970-е инициатором “треугольного строительства”, “проси-

телем”, — пишет Тренин, — была наиболее слабая вершина — Пекин, а главным бенефициарием — наиболее сильная, то есть Вашингтон, на нынешнем этапе инициатива тоже исходила от самой слабой стороны — Москвы, но в максимальном выигрыше может оказаться уже Пекин». **Александр Гольц** рассматривает эволюцию военно-технического сотрудничества между Китаем и Россией и приходит к выводу, что «логика наращивания военного экспорта в Китай приводит ко все большей ее [России] вовлеченности в военно-политические замыслы Пекина».

За пределами главной темы мы публикуем статью **Ксении Юдаевой**, которая рассуждает о том, каким образом можно снизить зависимость отечественной экономики от колебаний мировых цен на энергоносители, при том что специализация нашей страны на экспорте этой продукции безусловно сохранится. Материал **Жанны Зайончковской** посвящен проблеме острого дефицита рабочей силы, которая стоит перед Российской Федерацией. Автор убежден, что соседство Китая поможет справиться с нехваткой трудовых ресурсов не только на Дальнем Востоке, но и в России в целом.

Мария Липман, главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

ФАКТОР КИТАЯ В НОВОМ СТОЛЕТИИ.....

6 Китайская головоломка

ВАСИЛИЙ МИХЕЕВ

«Как поведет себя экономически мощный Китай, нарастивший военные мускулы? Не станет ли он диктовать остальному миру свои правила игры? Чтобы отмежеваться от тезиса о китайской угрозе, новое руководство страны выдвинуло лозунг “мирного возвышения” КНР. Однако в отсутствие доверия к стратегическим замыслам Китая этот лозунг может быть истолкован как своего рода дымовая завеса. Очевидно, что при обсуждении и оценке проблем китайского развития дают себя знать не только всевозможные идеологические догмы и политическая ангажированность, но и разного рода фобии, порой иррациональные».

18 Опасное бездействие

МИНСИН ПЕЙ

«...Некоторые трудности, с которыми сталкивается Китай, связаны с проблемой быстрого перехода развивающейся страны к рыночной экономике. Расставание с социализмом в любом государстве проходит нелегко. А если речь идет о самой многонаселенной стране мира, то вероятность социально-экономической катастрофы очень велика. За последние годы в китайские города переселилось не менее 114 млн сельских жителей. В этих обстоятельствах не стоит удивляться тому, что усилия Китая по созданию новой системы социальной защиты пока не увенчались успехом».

20 Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР

ОЛЬГА БОРОХ, АЛЕКСАНДР ЛОМАНОВ

«...Еще есть третий, тупиковый путь построения капитализма латиноамериканского типа, который более всего тревожит китайские власти и экспертное сообщество... Перед лицом этой опасности защитники эффективности и сторонники справедливости могут выступать как союзники. “Новые левые” критикуют социальные недостатки рыночного капитализма, неолibera-

льства связывают возникновение несправедливости с чиновничьим злоупотреблением властью и обменом ее на деньги. Их позиции не исключают друг друга, поскольку Китаю нужно преодолеть издержки как политической монополии власти, так и экономической монополии капитала».

40 Почему Китай развивается так медленно?

МАРТИН ВУЛФ

«Все восторги по поводу успехов Китая почти неизбежно заканчиваются вопросом: как долго могут сохраняться такие темпы роста? Вопрос очевидный и даже банальный, но вместе с тем не вполне корректный, поскольку он подразумевает, что экономический рост этого азиатского гиганта за последние 25 лет — нечто из ряда вон выходящее. Между тем примечательно не то, что китайская экономика растет так быстро, а, напротив, то, что это происходит так медленно».

43 Россия между Китаем и Америкой

ДМИТРИЙ ТРЕНИН

«Нынешний китайско-российско-американский треугольник, конечно, несопоставим по значению с “фигурой”, существовавшей в период холодной войны. Соединенные Штаты являются не “стороной” в биполярном мироустройстве, а центром существующей международной системы. КНР только выдвигается на позиции “второй державы”, и это выдвижение займет, как минимум, два десятилетия (без учета возможных рисков для внутреннего развития Китая). Россия, несмотря на риторику ее руководителей, на самом деле впервые за 250 лет встретила начало очередного столетия не как традиционная великая держава, а как страна второго эшелона».

54 Торговый партнер, военный союзник

АЛЕКСАНДР ГОЛЬЦ

«В то время как экономический резон участия России в совместных военных маневрах с Китаем

просматривается вполне отчетливо, военно-политические мотивы российского руководства куда менее ясны. Похоже, что комплекс неполноценности все настойчивее дает себя знать в российской военной политике. Не имея ресурсов для того, чтобы действительно играть существенную роль на азиатской сцене, Россия пытается создать хотя бы видимость своего активного присутствия. Для Китая «Мирная миссия-2005» – элемент сложной игры, в которой угрозы, адресованные США, крупнейшему торговому партнеру КНР, четко продуманы и строго дозированы».

СТАТЬИ.....

58 Как нам диверсифицировать экспорт?

КСЕНИЯ ЮДАЕВА

«За исключением некоторых видов вооружений Россия наукоемкую продукцию не экспортирует, хотя по мировым меркам ведущие российские технические институты и университеты находятся на довольно высоком уровне по качеству образования. Если Россия что-то и экспортирует в этой сфере, то только сами «мозги». Является ли сырьевая ориентация фактором, тормозящим экономическое развитие России? Почему России не удалось задействовать в международном разделении труда высококвалифицированные научные и инженерные кадры? Что нужно делать, чтобы изменить ситуацию?»

72 Перед лицом иммиграции

ЖАННА ЗАЙОНЧКОВСКАЯ

«Раньше проблема территориального перераспределения населения в нашей стране

заклучалась в том, чтобы создать экономический стимул для переезда в регионы, нуждающиеся в притоке работников... О людских ресурсах можно было не беспокоиться: за исключением отдельных непродолжительных периодов их вполне хватало. Теперь же демографическая ткань слишком тонка: не считая северокавказских республик, в стране не осталось регионов с избыточными людскими ресурсами. Демографическая ситуация изменилась принципиально, в том числе и в региональном плане, и традиционные методы для ее регулирования уже не приносят результата».

РЕЦЕНЗИИ

88 Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева.

АЛЕКСЕЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ

93 *S. Rosefield. Russia in the 21st Century: The Prodigal Superpower.*

ВАДИМ КОНОНЕНКО

98 ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк.

ДМИТРИЙ ЗАМЯТИН

104 *И.В. Карацуба, И.В. Курукин, Н.П. Соколов.* Выбирая свою историю: «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов.

ВАДИМ ПАРСАМОВ

111 Наши авторы

112 Contents and Summaries

Китайская ГОЛОВЛОМКА

На смену тезису о неизбежном коллапсе Китая пришла широкая дискуссия о возможных угрозах, рисках и вызовах, перед которыми стоит китайское развитие | **ВАСИЛИЙ МИХЕЕВ**

Феноменальный экономический рост Китая за последние 25 лет (в среднем около 9 проц. в год), в ходе которого его доля в мировом ВВП увеличилась с 1 до 6 проц., позволил этой стране стать одним из самых влиятельных игроков на глобальной сцене ¹. При сохранении данной тенденции (а китайское руководство твердо намерено не терять темпов) КНР к середине XXI столетия обещает стать крупнейшей экономикой мира. Так, глава отдела анализа мировой экономики инвестиционной корпорации *Goldman Sacks Group* Джим О'Нил недавно выступил с прогнозом, согласно которому Китай по объему ВВП превзойдет к 2040 году США ². Многие эксперты склонны с ним согласиться, а некоторые в качестве такой даты называют даже 2020-й ³. Заложив внушительный экономический фундамент, Китай стремится на этой основе укрепить свои политические позиции на международной арене, нарастить стратегическую мощь, чтобы на равных с другими мировыми лидерами участвовать в формировании нового миропорядка. Столь выдающееся развитие крупнейшей по населению страны вызывает неоднозначное отношение в мире. Типичны две противоположные реакции наблюдателей. Одни под впечатлением от стремительной динамики китайской эволюции описывают данное явление в апологетических тонах, превознося китай-

скую модель развития (такой подход довольно распространен, в частности, в нашей стране) и предсказывая, что XXI век будет «веком Китая». Другие же, наоборот, предрекают скорый и неизбежный крах «китайского чуда». Понятно, что у каждого из этих мнений есть своя идеологическая и прагматическая подоплека.

Что тревожит в китайском развитии?

Пессимистический взгляд на китайский феномен вырастает на почве опасений и порой даже навязчивых страхов в мировых центрах силы, связанных с появлением грозного конкурента, который, как полагают, со временем (и это время не за горами) неизбежно начнет претендовать на роль мирового гегемона, желающего направлять развитие человечества и процессы глобализации в собственных интересах. Возможно, своего рода психологической компенсацией таких страхов и являются мрачные пророчества о катаклизмах, подстерегающих Китай в недалеком будущем, которые стали популярны в последнее десятилетие. Начало катастрофическим прогнозам развития ситуации в Поднебесной положили публикации американских авторов Гордона Чана, Джо Стадвелла и Пола Кругмана ⁴. Чан в книге «Грядущий крах Китая» предупреждает, что уже в ближайшие годы руководство КНР не справится с задачей поддержания высо-

ких темпов экономического роста, а значит, нынешнему политическому режиму не суждено продержаться у власти более пяти лет. Ему вторит Стадвелл, который в работе, опубликованной в 2002 году, заявил: экономические основания современного Китая «построены на песке». И, что особенно важно, оба автора настаивают на том, будто к краху Китая приведут сами проводимые им экономические реформы, сколь бы эффективными они ни казались со стороны. Как нетрудно было предвидеть, в КНР «теория краха» была истолкована как часть недружествен-

тического сообщества. Для западных демократий экономически он «свой», «рыночный», а политически — «чужой», «недемократичный», «авторитарный», «репрессивный». Существенный момент такого восприятия — доктринальный. По западным представлениям, продолжительный и устойчивый экономический рост невозможен при отсутствии демократических институтов. Следовательно, рано или поздно экономическое развитие в КНР придет в неразрешимое противоречие с политическим режимом и начнется дестабилизация, чреватая опас-

“Самая глубокая причина, подпитывающая настороженное отношение к развитию Китая, — «кентаврический» характер его режима”.

ной кампании, инициированной Западом и призванной затормозить развитие страны. Особое раздражение у китайского руководства вызвало высказанное критически настроенными авторами предостережение зарубежным инвесторам не швырять легкомысленно миллионы долларов «в бездонную яму» китайской экономики. Учитывая важную роль психологического фактора в бесперебойном функционировании рыночных механизмов, такого рода призывы были чреваты ощутимым ущербом развитию китайской экономики.

Но, пожалуй, самая глубокая причина, подпитывающая настороженное отношение к развитию Китая, — «кентаврический» характер его режима. Если, с одной стороны, КНР продемонстрировала невиданный по масштабам и радикализму поворот к рыночной экономике и к политике открытых дверей, то, с другой — она в полной мере сохранила жесткую монополию коммунистической партии на власть. Отсюда и противоречивость восприятия Китая внешним миром, его раздваивающийся образ в глазах демокра-

ными последствиями для всего мира. Но еще важнее другое — острый дефицит доверия демократического Запада к коммунистическому Китаю. Если демократия по определению прозрачна и предсказуема, то авторитаризм закрыт, склонен к произволу и односторонности в международных отношениях. Как поведет себя экономически мощный Китай, нарастивший военные мускулы? Не станет ли он диктовать остальному миру свои правила игры? Так в мировом сообществе рождаются алармистские настроения. Чтобы отмежеваться от тезиса о китайской угрозе, новое руководство страны выдвинуло лозунг «мирного возвышения» КНР. Однако в отсутствие доверия к стратегическим замыслам Китая этот лозунг может быть истолкован как своего рода дымовая завеса. Очевидно, что при обсуждении и оценке проблем китайского развития присутствуют как антикитайский «черный» пиар, так и китайская самореклама и автопиар, за которыми стоят вполне конкретные интересы, и здесь дают себя знать не только всевозможные идеологические догмы и политическая ангажированность, но

и разного рода страхи, фобии, подозрения, порой иррациональные. А раз так, то очень важно при анализе угроз, вызовов и рисков, связанных с экономическим развитием КНР, постараться отделить привходящие, искажающие суть дела моменты от объективного анализа реальных и потенциальных факторов возможной опасности.

Сейчас тезис о неизбежном коллапсе Китая, о том, что он ни при каких обстоятельствах не добьется экономического процветания, уже миновал пик своей популярности. Ему на смену пришла широкая дискуссия о возможных угрозах, рисках и вызовах, перед которыми стоит китайское развитие. Повышенное внимание этой проблеме уделяет и новое руководство КНР. Нарастающие ожидания глубокого кризиса в стране, способного негативно отразиться на мировой ситуации, вынуждает дать ясные ответы на три вопроса:

- каковы неблагоприятные сценарии развития Китая и чем это грозит миру?
- как вовремя разглядеть реальную угрозу глубокого кризиса в КНР?
- какие меры следует предпринять глобальному сообществу, чтобы нейтрализовать или хотя бы уменьшить собственные риски, связанные со срывом китайского экономического роста и последующей политической и социальной дестабилизацией в стране?

Насколько вероятен глубокий кризис в Китае

Как известно, кризисы — неотъемлемый элемент любого развития. И Китай здесь не исключение. Но тонкость в том, что кризис, как крайнее обострение противоречий в социально-экономической системе, может разрешиться либо дальнейшим ее совершенствованием, либо ее разрушением. Всё зависит от глубины кризиса, от управляемости системы, от точности и своевременности

политических решений и корректировок. По современным представлениям, развитие есть «балансирование между состоянием абсолютной преэминентности и отсутствия новизны — и состоянием неустойчивости, дестабилизации и принятия всё новых порций новизны»⁶. Поэтому повышенными рисками сопровождается любое реформирование. Социально-политические и экономические преобразования неизбежно дестабилизируют ситуацию, приводя в конечном счете или к стабилизации системы на новом, более высоком, уровне, или к ее распаду и деградации. И чем радикальнее реформы, тем больше сопутствующие им риски.

В случае Китая положение усугубляется тем, что стремительное реформирование экономики проводилось и проводится в огромной многонаселенной стране, где далеко не изжито наследие традиционализма, где нет прочных основ современной политической культуры и гражданского общества. Еще Алексис де Токвиль заметил, что в отсутствие традиции свободы быстрые реформы и изменения опасны. Вот почему тревога по поводу того, что события в Китае могут развиваться по неблагоприятному сценарию, — не фантом, не «черный» пиар и не чей-то злой умысел. Правда, до сих пор стране удавалось избегать катастрофических обострений ситуации. Новое китайское руководство, не обольщаясь собственной пропагандой экономических успехов страны, старается оперативно решать (и пока решает) возникающие проблемы, своевременно корректирует курс. А это значит, что наступление глубокого кризиса в КНР всё еще не фатально. Властная монополия Коммунистической партии Китая (КПК) служила до последнего времени тем якорем, который стабилизировал систему в период быстрых социально-экономических изменений. Но по мере усложнения общественной системы возрастает нагрузка на политическую составляющую,

повышаются требования к ее гибкости, увеличивается цена ошибочных решений в ситуации, когда в обществе отсутствует политическая оппозиция, способная предложить разумные альтернативы.

Как бы то ни было, внешнему миру, чтобы максимально обезопасить себя, необходимо создать своего рода «систему раннего обнаружения» признаков глубокого кризиса в Китае, отслеживать факторы, которые могут послужить его «детонаторами». Понятно, что речь идет не о каких-то отдельных кризисных проявлениях, а о наложении друг на друга кризисов в разных сферах китайского общества, «спусковыми крючками» для которых могут стать самые разные обстоятельства — как внешние, так и внутренние, как социально-экономические, так и политические. К классификации и анализу таких факторов, или «детонаторов», мы и переходим.

Внешнеэкономические «детонаторы» и как их нейтрализовать

Наибольшую опасность в провоцировании глубокого кризиса в Китае представляет обострение ситуации на мировых финансовых рынках, особенно если оно придется на время активной либерализации китайского финансового и валютного рынка, предполагаемой в 2006—2007 годах. Это период «линьки», когда национальный фондовый рынок

ощущением национальных валютных резервов, а также оттоком иностранного капитала, многократной девальвацией юаня и кризисом внешней задолженности. Вряд ли стоит специально подчеркивать, что в случае реализации в Китае сценария финансового краха социальные и политические последствия могут быть самыми драматическими.

Второй «детонатор» — мировой энергетический кризис, сопровождаемый продолжительным ростом цен на нефть и нефтепродукты. И это при том, что КНР слишком поздно (уже в период высоких цен на углеводороды) приступила к созданию национального резервного нефтяного фонда.

Последствиями могут стать:

- рост внутренних цен на нефть и бензин на фоне продолжающегося в стране автомобильного бума, что будет стоить китайской экономике, по нашим оценкам, 1—1,5 проц. прироста ВВП;
- раскручивание инфляционной спирали;
- удорожание и, как следствие, падение темпов роста (а то и сокращение объема) экспорта — локомотива китайского развития.

Третий внешнеэкономический фактор, способный спровоцировать кризис, — это ухудшение конъюнктуры на тех мировых товарных рынках, на которые ориентирован китайский вывоз. Сам по себе данный фактор вряд ли смертельно опасен, но при

“Глубокий экономический кризис в Китае поставит под угрозу перспективы развития восточноазиатской и мировой экономики”.

и не завоевавший пока международного признания юань беззащитны и крайне уязвимы. Обвал на глобальных финансовых рынках или даже финансовый кризис азиатского масштаба могут аукнуться в КНР крахом фондовых бирж, обострением проблемы «плохих кредитов», банкротством банков, исто-

его наложении на финансовый «детонатор» может проявиться кумулятивный эффект.

Уместно отметить, что все потенциальные кризисы, о которых шла речь, индуцируются глобальными факторами, то есть сбоями в функционировании мировых экономических механизмов — финансовых, производствен-

ных, торговых. Экономический катаклизм в Китае, спровоцированный этими глобальными факторами, способен ударить («эффект рикошета») по мировой экономике, заметно обострив кризисные явления в ней и затруднив их преодоление. Достаточно сказать, что на КНР приходится 15 проц. роста мировой экономики⁷. Ясно, что в обстоятельствах мирового кризиса (или мировых кризисов) шансы оказания внешней помощи Китаю в его попытках справиться с трудностями будут близки к нулю. Каждый в ситуации форс-мажора стремится прежде всего к собственному спасению, а не к поддержке режима, воспринимаемого как политически «чужой». Даже более того, в ситуации кризиса актуализируется угроза намеренного блокирования китайского развития, с тем чтобы затормозить процесс упрочения международных позиций страны. Но и без того индуцированный извне экономический кризис может детонировать серьезнейшие сбои в ключевых сферах жизни КНР — внутриполитической, социальной, идеологической.

Между тем мир должен быть заинтересован в продолжении динамичного и устойчивого роста в Китае. В случае глубокого экономического кризиса в этой стране ситуация, развиваясь по «принципу домино», поставит под угрозу перспективы развития восточноазиатской, а вслед за ней и мировой экономики. Вероятные реакции международного капитала на срыв экономического роста в КНР — сворачивание собственных производств и изъятие капиталов из страны либо, наоборот, агрессивный захват китайских активов в надежде закрепиться на китайских финансовых рынках после преодоления кризиса — могут только усугубить проблемы.

Для мирового сообщества было бы правильнее действовать упреждающе, предпринять профилактические меры, например углубляя экономический и финансовый диалог с Китаем, чтобы выработать антикризис-

ную политику еще до того, как кризис станет неизбежностью. При этом целесообразно сосредоточиться на самых уязвимых сферах китайской экономики — финансовых институтах и государственных предприятиях. Речь может идти о помощи в реструктуризации банковского сектора КНР, в совершенствовании работы фондовых и валютных рынков, в реализации программ слияний и поглощений, а также схем выкупа «плохих активов» в обмен на акции. Важно только, чтобы банковский сектор не оказался полностью под контролем иностранного капитала, так как это несет с собой опасность всплеска антизападных, националистических настроений, что лишь еще больше осложнит ситуацию. Рабочей площадкой для согласования мер, призванных предотвратить или преодолеть экономический кризис, мог бы стать регулярный диалоговый формат «Семерка/Восьмерка» — Китай.

Внутренние «детонаторы»

Эндогенные факторы возникновения и эскалации глубокого кризиса в Китае (внутриполитические, внутрипартийные, идеологические, социальные, коррупционные и пр.) представляют собой весьма разнородную совокупность. Их общий знаменатель — та или иная причинная связь с экономикой и ее состоянием, с экономическим ростом, с экономической политикой. Они могут быть проявлениями экономического кризиса, его следствиями или его катализаторами. Дело в том, что бурное экономическое развитие Китая сопровождается серьезными издержками в виде нарастающей — чем дальше, тем больше, — политической и социальной нестабильности.

Обратимся вначале к внутриполитическим «детонаторам». Одним из последствий быстрого, но географически несбалансированного, с огромными перепадами между регионами, роста стало обострение проти-

воречий между региональными элитами, а также между Центром и регионами. Это усиливает в Китае центристские тенденции вплоть до сепаратизма и порождает политические разногласия внутри китайского руководства — условно между группой Цзян Цзэминя, сохранившей свои позиции во властных структурах и после ухода прежнего лидера со всех официальных постов, и новыми лидерами в лице тандема Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао. И дело не в том, что такие разногласия якобы отражают борьбу между «консерваторами» и «рефор-

людей. Новые же китайские руководители приступили к антикоррупционным чисткам как среди сторонников Цзяна, так и в собственных рядах. Это свидетельствует об их стремлении навести порядок во всех без исключения эшелонах власти. Но тем самым может быть нарушено равновесие между политическими и бизнес-элитами, способное привести к их конфронтации и в конечном счете к сбоям в реализации экономической стратегии развития. Однако и отказ от борьбы с коррупцией, обострение этой опасной социальной болезни чреваты разного рода

“Одним из последствий быстрого, но географически несбалансированного роста стало обострение противоречий между региональными элитами”.

маторами», сторонниками и противниками рыночных реформ и открытости, а в том, на какие бизнес-элиты ориентируются основные группировки наверху китайской властной пирамиды. «Группа Цзяна» опирается на восточные приморские бизнес-элиты свободных экономических зон, выигрывающие от быстрого экономического роста и заинтересованные в продолжении его прежними темпами, тогда как «группа Ху — Вэня» ищет поддержки преимущественно во внутренних провинциях Китая и выступает за более умеренные показатели экономического развития, опасаясь, что «перегрев» экономики — через серию дефицитов и скачков цен — приведет к нежелательным социальным последствиям.

В контексте межэлитных противоречий можно рассматривать и такой специфический «детонатор», как коррупция. Сама набирающая силу в стране антикоррупционная борьба несет в себе риски нарушения баланса сил. Во времена Цзян Цзэминя кампания против этого зла велась за пределами клана Цзяна, не затрагивая приближенных к нему

неблагоприятными последствиями: социальными взрывами, ценовыми, ресурсными, инвестиционными деформациями и перекосами, повышением цены развития, возрастающей неэффективностью аппарата государственного управления.

Нельзя обойти вниманием и сферу идеологии, поскольку она самым непосредственным образом связана с выбором и обоснованием экономической стратегии. Если кризис коммунистической идеологии в КНР пришелся на те же годы, что и в бывшем Советском Союзе, то есть на конец 1980-х, когда в нее были инкорпорированы рыночные принципы, то теперь наступает черед кризиса уже рыночной идеологии. Набирает силу антитеза идеологическому мейнстриму, построенному на сращивании экономического либерализма и политического авторитаризма. Опасность заключается в институционализации левой идеологии равенства, что может затормозить продвижение вперед рыночных реформ с соответствующими разрушительными социальными последствиями.

Вероятные реакции извне на глубокий кризис в Китае

Наиболее интригующий вопрос перед лицом возможного глубокого кризиса в КНР — способна ли Коммунистическая партия Китая справиться с таким серьезным катаклизмом, не меняя существующей политической системы и удерживая в своих руках монополию на власть? С этим вопросом связан другой: а есть ли в Китае силы, иные, чем КПК, которые могли бы вывести страну из кризиса, если он разразится?

Отвечая на поставленные вопросы, было бы неправильно исключить внутреннюю эволюцию китайского политического режима и

созрела для такой радикальной трансформации КПК, не вызовет ли это рокового раскола в ее руководстве и в обществе. Во-вторых, как совместить социал-демократию европейского образца с однопартийностью и монополией партии на власть? Что касается двухпартийного проекта КПК — Гоминьдан, то для его реализации прежде должен быть решен «тайваньский вопрос». А это сама по себе сложнейшая и тающая огромные риски проблема, о чем речь пойдет ниже.

Очевиден и еще один ответ, к которому подталкивает либеральная мысль: широкомасштабные демократические реформы в КНР и переход от авторитарной «социали-

“Безоговорочная международная поддержка КПК не гарантирует успеха в предотвращении разного рода катаклизмов”.

самой КПК. Известно об интересе китайских коммунистов к шведской и иным европейским моделям социализма. Всё чаще слышны голоса о целесообразности замены коммунистической доктрины КПК социал-демократической.

Существует также вариант трансформации режима в двухпартийный. Так, на волне контактов Пекина с руководством Гоминьдана (главная оппозиционная сила на Тайване), имевших место в 2005 году, стала обсуждаться идея возвращения — после воссоединения с Тайванем — к существовавшей до образования КНР двухпартийной системе КПК — Гоминьдан. Гоминьдан мог бы собрать вокруг себя не только свой тайваньский электорат, но и всех тех в континентальном Китае, кто недоволен коммунистами, оппозиционно к ним настроен.

Понятно, что оба этих варианта означали бы управляемую и контролируемую компартией политическую эволюцию режима. Важно уяснить себе, во-первых, насколько

стической демократии» к рыночной демократии западного образца. С таким выбором связаны свои опасности. Действительно ли в Китае имеются зрелые силы за пределами КПК, которые были бы способны вывести страну из глубокого кризиса, если он возникнет? В результате нескольких десятилетий быстрого развития экономики в КНР происходит становление новых источников экономической, политической и интеллектуальной инициативы. Это в первую очередь частный бизнес, «средний класс» и сообщество интеллектуалов современного типа. Некоторые аналитики полагают, что подобные силы готовы взять под контроль кризисную ситуацию. Но в достаточной ли мере просчитаны сопряженные с этим риски? Есть большая вероятность того, что в случае ускоренной демократизации к власти придет крупный капитал, который создаст отнюдь не демократический режим западного образца, а коррумпированный авторитаризм или даже коррумпированную диктату-

ру, — такого рода примеров в новейшей истории предостаточно. Что касается среднего класса, то его формирование из-за резкой социальной дифференциации и огромного разрыва между полюсами бедности и богатства происходит крайне медленно. По критериям западной теории социальной стратификации подавляющую часть китайского населения нельзя отнести к среднему классу, а тех, кого можно, — это в лучшем случае низший средний класс⁸. При таком раскладе социальных сил ускоренная демократизация и уход КПК от власти могут привести к возникновению идеологического вакуума и мощному контрнаступлению консервативных и ортодоксально-коммунистических сил, которые, манипулируя массовым сознанием, готовы разжечь агрессивный национализм и активизировать ретроградные настроения. Ясно, что подобное развитие событий создаст еще большие угрозы и риски развитию как самого Китая, так и всего мира.

Как бы то ни было, до тех пор пока компартия обеспечивает экономический рост и социальную стабильность в КНР, ее власть легитимна в глазах и китайского народа, и мирового сообщества, в том числе Запада, который по большому счету не заинтересован в коллапсе (с последующим хаосом) огромной и уже глубоко втянутой в мировую экономику страны. Значит, задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, не раскачивать до опасных пределов лодку китайской государственности, а с другой — достаточно энергично подталкивать китайское руководство к повышению «качества власти» в стране: содействовать становлению и укреплению позиций среднего класса, поддерживать конструктивную часть китайской политической элиты, приветствовать демократизирующие тенденции в самой компартии, стимулировать формирование политических механизмов, делающих возможным диалог между

КПК и новыми источниками политической инициативы в стране.

Здесь неприемлемы крайние позиции: как уверенность в том, будто политическое развитие Китая — это его сугубо внутреннее дело, не терпящее никакого вмешательства извне (очевидно, что в глобализирующемся мире такая постановка вопроса некорректна), так и убеждение, что власть компартии должна быть любой ценой и как можно скорее демонтирована. В предвосхищении очередного нажима Запада с требованиями демократизации идеологические инстанции КНР энергично продвигают свои контрдоводы, предостерегая, что утрата контроля КПК над ситуацией в период кризиса, и особенно если дело дойдет до социального взрыва, непременно вызовет хаос в стране, массовые волнения, рост агрессивного ханьского национализма, выплеск трансграничной преступности с территории Китая, захлестывающую мир волну нелегальной эмиграции китайцев в невиданных доселе масштабах. Короче говоря, если следовать такой логике, миру не остается ничего другого, как в своих же интересах всеми силами поддерживать КПК. Однако нельзя сказать, чтобы это была чистой воды пропагандистская «страшилка». При определенных обстоятельствах политическая и социальная дестабилизация в КНР действительно создаст для внешнего мира очень серьезные опасности и трудноразрешимые проблемы.

Тем более важно, чтобы политическая система Китая приобрела дополнительный запас прочности на основе появления новых сил, способных взять под контроль ситуацию в случае, если это не удастся сделать компартии. Прогнозируя — в краткосрочной и среднесрочной перспективе — реакцию мирового сообщества на глубокий кризис в КНР, можно с большой степенью уверенности предположить, что мир будет заинтересован скорее не в низвержении монополии КПК на

власть, а в как можно более быстром и безболезненном выходе страны из кризиса. Ставка же на то, чтобы содействовать падению КПК («падающего толкни») в момент глубокого кризиса, не встретит широкой поддержки и будет расценена с большой долей вероятности как авантюрная. В самом деле, вряд ли кто-нибудь сегодня отважится дать гарантию, что в Китае действительно созрели какие-то внесистемные силы, способные лучше справиться с возможным кризисом, чем КПК. Но вместе с тем и безоговорочная международная поддержка Коммунистической партии Китая не гарантирует успеха в предотвращении разного рода катаклизмов, особенно в долгосрочной перспективе.

Оптимальным было бы оказать поддержку КПК в обмен на ее обязательство не препятствовать возникновению механизмов преодоления кризиса, параллельных партийному, которые опирались бы на реалии политически диверсифицирующегося китайского общества. Желательно, чтобы китайская власть принимала в расчет и прислушивалась к возникающим в процессе экономического развития новым внутренним источникам экономической, политической и интеллектуальной инициативы. Ясно одно: начинать такой диалог с китайским руководством мировому сообществу надо загодя — в момент кризиса это станет практически невозможно.

Мир объективно заинтересован в том, чтобы усилить внутривнутриполитические позиции конструктивной части китайской политической элиты, содействовать укреплению среднего класса в стране и формированию социально-политической среды, призванной обеспечить надежный баланс стремительно дифференцирующихся социальных интересов и групп китайского общества. И для эволюции КНР в этом направлении уже складываются условия. Так, Китай готов учиться у Запада распознавать, предотвращать и — в случае возникновения — преодолевать

кризисы. Он тщательно анализирует опыт антикризисной политики западных стран, встраивает антикризисные защитные механизмы в планы экономического развития. В Конституцию КНР включена статья о чрезвычайном положении в широком его понимании, то есть предусматривающая не только антикризисные военно-политические меры, но и отражение угроз экономического, социального и другого происхождения. Китайское руководство инициирует активный диалог с западными политическими элитами, прежде всего социал-демократической ориентации, изучает их стратегию и тактику государственного управления, включая антикризисные меры. Всё это настраивает скорее на оптимистический лад.

Казус Тайваня

Если в целом международная политическая обстановка в краткосрочной и долгосрочной перспективе благоприятствует Китаю и не угрожает его безопасности, то этого нельзя сказать о некоторых факторах «промежуточной», региональной природы. Речь идет о проблемах Тайваня и Гонконга/Сянганя, которые могут сыграть, особенно первый, роль крайне опасных «детонаторов» глубокого кризиса. Проблема Тайваня стоит особняком среди других угроз, способных обрушить экономический рост КНР. При этом она не коренится в экономике и не проистекает из нее. Она целиком лежит в сфере «незыблемых» принципов китайской политики, которые отвергают доктрину «двух Китаев». С другой стороны, и США (а вместе с ними и мировое сообщество) оказываются заложниками этой проблемы, будучи столь же «незыблемо» связаны своими международными обязательствами перед Тайванем. Так что определенное развитие событий на острове может послужить *casus belli* для Китая и одновременно *casus foederis* для США, что, конечно же, крайне опасно для всего мира.

Что касается проблемы Гонконга, то она заключается в нарастающей там активности демократической оппозиции, опирающейся на связи с Западом. Через этот канал усиливаются демократические ожидания и требования политических реформ в Китае. Другими словами, перед нами долговременный фактор, исподволь подтачивающий политический статус-кво в стране. Новые власти КНР стоят перед непростым вопросом: как реагировать на подобное демократическое давление из Гонконга? Тем более что это удобный рычаг, с помощью которого можно модерировать ситуацию в Китае извне. И хотя такого давления самого по себе явно недостаточно, чтобы спровоцировать крупные демократические выступления в стране, но в момент экономического или социального обострения гонконгский фактор способен подлить масла в огонь.

“Проблема Тайваня лежит в сфере «незыблемых» принципов китайской политики, которые отвергают доктрину «двух Китаев»”.

Возвращаясь к Тайваню, отметим, что связанная с ним проблема потенциально представляет собой крайне опасное обоюдоострое оружие в руках как КНР, так и Соединенных Штатов, и очень важно сделать так, чтобы оно не было использовано ни одной из сторон. Сценарий кризиса нетрудно себе представить: провозглашение Тайванем независимости — ответные военные действия Китая — международные санкции против агрессора — кризис экспортного сектора, отток иностранного капитала — товарно-сырьевые дефициты, инфляция — сокращение производства и ВВП, падение занятости — социальный взрыв — внутренний кризис компартии... Всё это в том случае, если КНР решится на военные действия. Как реагировать мировому сообще-

ству на подобное развитие событий? Ввести санкции по полной программе или ограничиться формальным осуждением? Ответ не до конца ясен и самим США, которые в соответствии с Законом о Тайване обязаны оказать ему военную помощь. Какого рода будет эта помощь? Не рискует ли такой конфликт перерасти в полномасштабную войну между двумя странами?

Очевидно одно: надо стремиться всеми средствами не допустить развития ситуации по военному варианту. Для этого следует сделать ставку на те политические силы на Тайване, которые не склонны форсировать обретение островом независимости. Требуется твердо отстаивать мнение о неприемлемости военного сценария объединения, так чтобы у китайского руководства не оставалось никаких иллюзий относительно того, что военное решение проблемы по

типу американских действий в Югославии, Ираке и Афганистане сойдет ему с рук. Вместе с тем было бы неразумно порождать беспочвенные надежды на Тайване — создавать впечатление, будто мировое сообщество готово поддержать провозглашение островом независимости. Китайское руководство объективно само заинтересовано в сохранении нынешнего статус-кво, для чего достаточно поддерживать те политические силы на Тайване (прежде всего Гоминьдан), которые обещают не поднимать вопроса о независимости в течение ближайших 50 лет.

Подводя итоги

Итак, является ли Китай сам по себе угрозой миру? Экономически «свой», но политически еще «чужой» для рыночных демократий,

он прямой военной *угрозы* другим странам не несет. Экономически КНР — как новый игрок на мировых рынках и набирающий силу конкурент — бросает *вызовы* рыночным демократиям. *Риски* же состоят в том, что глубокий кризис в Китае, ставшем стратегически значимым фактором мировой экономики и политики, таит угрозу для глобального развития. Единственная потенциальная опасность военного характера, исходящая от КНР, связана с тайваньской проблемой, но и она не кажется неотвратимой.

Экономический провал в Китае может нанести удар по мировым рынкам и многим транснациональным корпорациям, однако в среднесрочной перспективе это не вызовет глобального финансового, энергетического или товарного кризиса.

Китайские вызовы миру можно представить так:

- Китай, укрепившийся на мировых товарных рынках и активно устремившийся на мировые рынки капитала, готов играть по их правилам, но при этом заинтересован в формировании новых, более отвечающих китайским интересам, международных торговых, инвестиционных и инновационных правил игры.
 - Китай, утвердивший свое место в международной политике, выступает партнером и одновременно конкурентом мировых и региональных лидеров, оставаясь для них пока политически «чужим», и это создает проблему для мирового сообщества, которая требует своего решения.
 - Китай усилил собственную роль в региональных конфликтах и миротворческих акциях ООН, что вынуждает признанных мировых и региональных лидеров считаться с его интересами.
 - Хотя превращение Китая в полноценную глобальную державу пока еще дело будущего, но уже сегодня он является региональной державой с глобальными амбициями, и восточноазиатским региональным игрокам придется принять это как данность.
 - Китай требует к себе нового подхода и в формате двусторонних отношений с учетом его нового веса и места в мире.
- Риски, связанные с политикой мирового сообщества по отношению к Китаю, выглядят следующим образом:
- Видеть в развитии Китая и укреплении его позиций в мире угрозу рыночным демократиям, акцентируя политическую «чуждость» Китая, и на этом основании блокировать его интеграцию в мировую экономику и политику. Ответные действия Китая чреваты конфронтацией и рецидивами игры «с нулевой суммой».
 - Полностью уступить давлению Китая в проведении им собственной линии на мировых рынках и в мировой политике, что может обернуться потерями для рыночных демократий.
 - Относиться к Китаю по-старому, не признавая его возросшей роли в мире и не ведя поиска новых подходов, учитывающих его изменившийся вес в международной экономике и политике. Такая линия поведения означала бы упущенную выгоду для партнеров-соперников КНР.
 - Риски создает и само по себе быстрое экономическое развитие Китая, оказывающее мощнейшее давление на мировые ресурсы и окружающую среду. Мир может начать противиться стремительной модернизации Китая, вернувшись к концепции сдерживания, но уже на новой основе.
- Что касается последнего пункта, то здесь возможны два ответа — деструктивный и конструктивный: один приведет к новому витку конфронтации, другой — к налаживанию стратегического взаимодействия мирового сообщества с КНР по всем направлениям (экономика, военная сфера, инфраструктура, образование, энергетика и т. д.).

Практическое взаимодействие с Китаем по природоохранной тематике возможно уже сегодня. Он, в отличие от Третьего мира, способен «переварить» экологическую помощь Запада и, более того, может выступать соразработчиком экологических проектов.

Короче говоря, проблемы КНР и ее развития, оказывающие влияние на мир, могут быть удовлетворительно решены только на

основе совместного — китайского и мирового — к ним подхода, в рамках которого взаимодействие с Китаем переходило бы:

- от политики сдерживания к политике вовлечения,
- от политики вовлечения к политике интеграции,
- от политики интеграции к политике соразвития и ответственности за мировой прогресс. ■

Примечания ¹ Подробно о китайском развитии и его показателях см.: *Китай: угрозы, риски, вызовы развитию* / Под ред. В. Михеева. М.: Московский центр Карнеги, 2005.

² См.: *К 2050 году* Россия обгонит Италию и Германию по уровню жизни // <http://pda.lenta.ru/news/2005/03/03/dolchevita/>

³ См., например: *Врона А.* Новая эра Среднего царства: Судьба масштабных китайских реформ решится в ближайшие годы // Эксперт. № 27. 2000. 17 июля.

⁴ *Chang G. G.* The Coming Collapse of China. N. Y.: Random House, 2001; *Studdwell J.* The China Dream: The Elusive Quest for the Greatest Untapped Market on Earth. N. Y.: Atlantic Monthly Press, 2002.

См. также: Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. С. 510–516.

⁵ См.: *Власова О., Попов В., Хазбиев А.* Великий поход // Эксперт. № 25. 2005. 4 июля (<http://www.nes.ru/russian/about/MassMedia/Popov-Expert-04-07-05.htm>).

⁶ *Блехер Л., Любарский Г.* Главный русский спор: От западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. М.: Академический Проект, 2003. С. 398–399, а также 392–398.

⁷ См.: <http://un.by/news/world/2004/09-02-04-2.html>

⁸ См., например: *Островский А.* Новые горизонты китайской экономики в XXI веке // <http://rusref.nm.ru/china2.htm>

Опасное бездействие

Экономический успех Китая отвлекает внимание от его внутривнутриполитических проблем | **МИНСИН ПЕЙ**

Китайская поговорка гласит: «Капля красоты может скрыть сотню уродливых пятен». В сегодняшнем Китае едва ли есть что-нибудь столь же прекрасное, как его бурный экономический рост. Но было бы опрометчиво не придавать значения нестабильности, которую несет с собой китайская авторитарная политика. Динамичное развитие экономики, возможно, отодвигает на задний план множество рисков, связанных с внутренней политикой Китая, которые, если не уметь ими управлять, могут привести к взрыву, угрожающему самому существованию режима. Экономика Китая, безусловно, находится на подъеме, но при этом возрастает и угроза политического кризиса.

Важно отметить, что некоторые трудности, с которыми сталкивается Китай, связаны с проблемой быстрого перехода развивающейся страны к рыночной экономике. Расставание с социализмом в любом государстве проходит нелегко. А если речь идет о самой многонаселенной стране мира, то вероятность социально-экономической катастрофы очень велика. Например, следует ожидать неравенства в распределении доходов. В Китае в период с 1980 по 1997 год оно увеличилось на 50 процентов. Миграция рабочей силы — процесс естественный, но Китай переживает самое крупное в истории перемещение сельского населения. За последние годы в китайские города пере-

селось не менее 114 млн сельских жителей, и ожидается, что в ближайшие десятилетия приток населения в города составит еще 250–300 млн человек. В этих обстоятельствах не стоит удивляться тому, что усилия Китая по созданию новой системы социальной защиты пока не увенчались успехом (особенно учитывая ее социалистические корни). Такие задачи для любого правительства сравнимы с подвигами Геракла.

Но китайское правительство — это не просто «любое» правительство. Это правительство, которое опирается на хрупкий политический фундамент, низкий уровень законности и коррумпированные властные структуры. Хуже того, последовательно отдавая основной приоритет экономическому росту, оно рассматривает все требования, касающиеся ограничения его власти и полномочий, как угрозу достижению главной цели — ускоренной модернизации страны. Результат такой политики — недостаточное обеспечение сферы образования, здравоохранения и защиты окружающей среды. Вряд ли это вызовет удивление, поскольку стимулирование экономического роста способствует карьерному продвижению государственных чиновников. Вот почему китай-

ПЕРЕВОД СТАТЬИ **МИНСИНА ПЕЯ** (MINXIN PEI) "DANGEROUS DENIALS", ОПУБЛИКОВАННОЙ В СПЕЦИАЛЬНОМ ВЫПУСКЕ ЖУРНАЛА *FOREIGN POLICY* (ЯНВАРЬ/ФЕВРАЛЬ 2005 г.). ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ *FOREIGN POLICY* WWW.FOREIGNPOLICY.COM © CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE.

ские элиты направляют огромную часть имеющихся ресурсов на строительство шикарных торговых центров, фабрик и даже гоночных трасс для «Формулы-1», пренебрегая инвестициями в социальную сферу, которая может принести отдачу лишь в отдаленной перспективе. Тем, кто удивляется, каким образом Китаю удается из года в год поддерживать высокие темпы развития экономики, при том что его политическая система настолько прогнила, можно ответить, что устойчивый рост отчасти обеспечивается именно самой прогнившей системой.

Коммунистическая партия Китая осознаёт, что люди позволят системе разлагаться лишь до определенного предела. Всё

его способность устоять в междоусобной войне, кажется, заметно укрепилась после 1989 года — со времени трагических событий на площади Тяньаньмэнь. Недавний переход власти от Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао прошел спокойнее, чем ожидалось. Возможно, это означает, что партия достигла более высокой степени институциональной зрелости, но может оказаться, что уже слишком поздно: китайское общество становится плюралистичным и уверенно заявляет о своих требованиях. Хотя китайским правителям и удалось объединить под эгидой власти различные элиты — партийных деятелей, чиновников, интеллектуалов и бизнесменов, — но долговечность этого альянса под вопросом.

“Хотя китайским правителям и удалось объединить под эгидой власти различные элиты, но долговечность этого альянса под вопросом”.

бóльшие опасения вызывает коррупция. Неспособность партии контролировать действия своих должностных лиц, многие из которых заняты безудержным разграблением государственного имущества, является одной из самых острых проблем Пекина. Инсайдеры успешно приватизировали государственную власть и используют ее для достижения личных целей. Их лояльность партии вызывает сомнения (если она вообще имеет место). Нынешняя ситуация в партии напоминает паническое изъятие вкладов из банка из-за опасений грядущего краха, что лишь ускоряет ее распад: все большее число партийных функционеров спешат как можно скорее «обналичить» свои полномочия.

Конечно, китайское правительство, как и другие авторитарные режимы, постоянно сталкивается с угрозой внутренней борьбы за власть. И здесь Пекин не только умеет возражать любым голосам «против», но и

Как и в других странах, политика, которая не учитывает интересов рядовых граждан, неизбежно порождает отчуждение, возмущение и гнев. Это не означает, что социальная революция в Китае неотвратима. Однако, если кризис все же разразится, трудно предположить, что произойдет.

К счастью, все эти риски можно снизить при условии, что Китай противопоставит им смелые политические реформы, а не будет по-прежнему отрицать наличие серьезных проблем и откладывать их решение. Хотя, быть может, мы выдаем желаемое за действительное. До сих пор Пекин явно предпочитал мириться с существующими угрозами, а не рисковать, сделав выбор в пользу демократических реформ. Единственно, что можно сказать с уверенностью, — политические риски в Китае нарастают. А такую реальность вряд ли можно назвать прекрасной. ■

Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР

Компартия вынуждена корректировать идеологические установки, поскольку нарастающее имущественное расслоение вызывает недовольство населения | **ОЛЬГА БОРОХ, АЛЕКСАНДР ЛОМАНОВ**

В начале октября 2005 года в Пекине состоялся 5-й пленум ЦК Коммунистической партии Китая 16-го созыва, посвященный обсуждению пятилетнего плана на 2006—2010 годы. Это был первый важный партийный форум, на котором китайский партийно-государственный руководитель Ху Цзиньтао выступал в качестве лидера-единоначальника, обладающего максимальной полнотой власти ¹.

Рассуждения о том, что Ху Цзиньтао был бы рад осуществить радикальные реформы, но ему мешает «старая гвардия», больше не имеют под собой серьезных оснований. Не сбылись надежды зарубежных аналитиков, мечтавших увидеть в Ху «китайского Горбачёва». Напротив, при новом руководстве контроль над СМИ и изданием литературы, затрагивающей острые политические вопросы, стал даже строже, чем это было в 1990-е при Цзян Цзэмине.

Однако еще большим заблуждением была бы попытка представить Ху Цзиньтао косным и консервативным аппаратчиком, который стремится избежать перемен. Власть решительно не допускает открытого спора о проблемах перехода страны к многопартийной парламентской демократии, она жестко огра-

ничивает обсуждение трагических страниц недавней истории, включая события мая—июня 1989 года на площади Тяньаньмэнь. Вместе с тем запреты на упоминание ряда политических и исторических проблем уживаются с растущей откровенностью при анализе социально-экономической ситуации в Китайской Народной Республике. Вопросы острого имущественного расслоения, коррупции, экологического и сырьевого кризиса обсуждаются открыто. Китайские СМИ избегают возлагать вину за возникшие проблемы на прежних лидеров страны, но при этом обнародуют все больше тревожных цифр ².

На долю председателя Ху выпала трудная задача смены модели реформ, разработанной четверть века назад Дэн Сяопином. Именно эта тема стала главной в коммунистическом пленуме ЦК КПК, призванного «изменить взгляд на развитие» и «создать новую модель развития». Приступая к «реформированию реформ», китайские власти концентрируют идеологические усилия на двух основных направлениях: это пропаганда нового, социально справедливого экономического курса и борьба с либеральной идеологией, воспринимаемой как вызов политической устойчивости КНР.

Гармония для Поднебесной

Хотя официальный курс правящей компартии на построение социализма в годы реформ формально не менялся, реальная политика последнего десятилетия XX века поставила рыночную эффективность выше распределительной справедливости. Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао пытаются исправить диспропорции, накопившиеся в период ускоренного развития рыночной системы. Политика элитарного авторитаризма 1990-х способствовала формированию новой социальной структуры, в которой «народные массы», служившие прежде опорой партийной власти, утратили былое главенствующее положение. Появление в обществе высших и низших слоев, имущественное расслоение, формирование групп с различными интересами, готовых добиваться собственной выгоды в ущерб другим, — все это побудило новые власти КНР перевести тему сбалансированного развития экономики на более высокий концептуальный уровень.

Появился новый лозунг строительства «социалистического гармоничного общества», который вошел в официальную политическую лексику в конце 2004 года. В пер-

нов китайцев доступ к бесплатному среднему образованию и недорогому здравоохранению, позаботиться о сохранении окружающей среды, снизить расход энергии и сырья.

Еще в сентябре 2004-го 4-й пленум ЦК КПК 16-го созыва провозгласил, что социальной базой компартии является общество, в котором весь народ способен полностью реализовать свои возможности, чтобы каждый человек получил свою долю и все жили в гармонии друг с другом. Власти сообщили, что и впредь собираются защищать «развитие жизненных сил» передовых регионов и тех отраслей экономики, которые обладают конкурентными преимуществами, а также социальных групп, обогатившихся первыми в соответствии с заветами Дэн Сяопина. Но уже настало время позаботиться об отстающих районах и отраслях, о бедствующих социальных группах. Чтобы избежать социального взрыва, КПК призывает общество всеми силами ратовать за сплоченность и взаимопомощь, поощрять «хорошее поветрие поддержки бедных», выступать за создание между людьми атмосферы равенства и любви, спаянности и гармонии. При этом власти признали необходимость согла-

“Вместо старого курса на «опережающее процветание» для самых предприимчивых власти КНР обещают создать условия для «совместного процветания» всех”.

вой половине 2005-го он занял во внутрикитайской пропаганде ведущее место, и решения октябрьского пленума ЦК КПК закрепили эту тенденцию. Власть признала, что возникшая в конце 1970-х годов модель Дэн Сяопина, ориентированная на «опережающее обогащение» наиболее активной части общества и поддержание высоких темпов роста ВВП, уже исчерпала свой потенциал. Пришло время обратить внимание на качество роста, попытаться сгладить социальные противоречия, дать сотням миллио-

сования различных интересов, существующих внутри общества, и формирования механизмов, которые позволяли бы социальным группам отстаивать свои интересы «разумным правовым» путем без ущерба для стабильности в обществе³.

В феврале 2005 года Ху Цзиньтао выступил перед руководящими кадровыми работниками провинциального уровня с речью, в которой попытался выделить основные характеристики «гармоничного общества». Их оказалось шесть: демократическая пра-

вовая система, равенство и справедливость, доверие и дружба, наполнение [общества творческой] жизненной силой, стабильность и упорядоченность, гармоничное сосуществование человека и природы. Октябрьский пленум 2005-го зафиксировал эти шесть аспектов «гармоничного общества» в качестве основополагающей партийной установки, задающей тон в кампании по пропаганде нового лозунга.

Заметим, что и при Цзян Цзэмине в Китае часто говорили об «управлении страной на основе закона и морали», о «программе строительства гражданской нравственности».

“Марксизм-ленинизм составляет ныне лишь четвертую часть официальной идеологии КПК”.

Идея приоритета стабильности была краеугольным камнем элитарного авторитаризма 1990-х годов. Однако в китайской идеологии весьма важно, как именно расставлены акценты в официозной комментаторской литературе, истолковывающей для масс политику властей⁴. В разъяснениях новой политики подчеркивается особая важность идеалов равенства и справедливости.

Ключевыми лозунгами правления Ху Цзиньтао стали «всесторонность», «сбалансированность» и «справедливость». Власти избегают прямых противопоставлений, однако выступающие в СМИ эксперты и комментаторы недвусмысленно сравнивают новые приоритеты с «односторонностью», «несбалансированностью» и «несправедливостью» политики прошлого десятилетия. Вместо старого курса на «опережающее процветание» для самых ловких и предпринимчивых власти обещают создать условия для «совместного процветания» всех китайцев.

С известной долей упрощения инновации Ху Цзиньтао можно назвать «неосоциалистическими». Они строятся на подчеркнутом внимании к интересам «слабых групп», про-

игравших от реформ или получивших от них ничтожные выгоды. Одновременно в пропаганде усилилась старая консервативная тема противодействия «чуждой идеологии», способной расшатать устои китайской однопартийной системы и привести ее к краху подобно тому, как это произошло с КПСС. В новой линии можно услышать отголоски эгалитаризма 1950–1970-х, но она существенно отличается от «старосоциалистической» политики Мао Цзэдуна четким подтверждением курса на развитие рыночной экономики и участие Китая в экономической глобализации.

Стилистика лозунгов Ху Цзиньтао во многом сближается с традиционной конфуцианской идеологией отношения к «народу как основе», которая требовала от правителя неустанной заботы о материальной стороне жизни подданных, дабы заполучить «сердце народа» и обеспечить в государстве стабильность и гармонию. Призыв Ху Цзиньтао к правящей элите «использовать власть для народа, соединить чувства с народом и помышлять об интересах народа» уже получил неофициальное прозвание «новых трех народных принципов». Это связывает нынешние власти с наследием основателя демократической Китайской республики Сунь Ятсена — автора изначальных «трех народных принципов» (национализм, народовластие и народное благосостояние).

Идеология КПК более не акцентирует ни идеи классовой борьбы, несовместимые с построением рыночной экономики, ни идеи интернационализма, противоречащие националистической программе построения «специфически китайского социализма». За годы реформ западный марксизм как учение об общемировой миссии пролетариа-

та по освобождению всех трудящихся от власти капитала превратился в Китае в сложное переплетение идеологических установок. Марксизм-ленинизм составляет ныне лишь четвертую часть официальной идеологии КПК. Остальные три четверти состоят из идейно-теоретического наследия китайских руководителей: это революционно-националистические «идеи Мао Цзэдуна», рыночная реформаторская «теория Дэн Сяопина» и «важные идеи тройного представительства» эпохи Цзян Цзэминя, обосновывающие политическую интеграцию китайских предпринимателей в ряды «строителей социализма».

Теперь к этим руководящим идеям все чаще добавляется «гармоничное общество». Если Ху Цзиньтао останется на посту генерального секретаря до XVIII съезда партии, который должен состояться осенью 2012 года, то эта формулировка также имеет шанс быть канонизированной и включенной в партийный устав. Отметим, что политика нового лидера была весьма последовательной: он призывает партийных аппаратчиков к скромности и служению народу с первых недель пребывания на посту генсека ЦК КПК. Идея сочетания экономического роста с восстановлением элементов социальной справедливости находит позитивный отклик среди простых людей, что помогает утверждению «неосоциализма» как части современной официальной идеологии компартии Китая.

Неолиберализм не пройдет

Китайская интеллигенция начала обсуждать проблемы реформ еще в 1980-е годы. Споры того десятилетия были окрашены в мировоззренческие тона, из-за чего позднее их назовут «метафизическими» дебатами об абстрактных «измах»⁵. Курс реформ то и дело пытались соотнести с общими социальными и политическими концепциями: социализм или капитализм, авторита-

ризм или либерализм, рыночная или плановая экономика. Яркими страницами китайской интеллектуальной истории 1980-х стали споры о гуманизме и отчуждении человека при социализме, об открытии традиционной китайской культуры внешним влияниям. Хотя власти часто реагировали на выступления интеллигенции с чрезмерной жесткостью, общим фоном для официального и неформального дискурса тех лет служило отрицание маоистской модели социализма. Правящая партия была озабочена тем, чтобы дать идеологически непротиворечивое объяснение происходящих перемен: курс реформ не должен был подрывать легитимность ее правления.

Трагические события 1989 года и распад СССР стали для китайской элиты большим потрясением, стимулировавшим поворот к авторитарно-консервативным ценностям. В 1990-е стремление интеллигенции к разрушению старых институтов и отказу от традиционной культуры угасло из-за опасений вместо свободы и процветания получить коллапс системы, хаос и экономический спад. Китайские споры о том, являются ли проводимые реформы социалистическими или капиталистическими, сошли на нет после того, как в 1992 году власти провозгласили курс на построение социалистической рыночной экономики. Оставив мировоззренческие дебаты, интеллигенция занялась обсуждением конкретных аспектов преобразований внутри имеющейся системы. Эпоха «измов» временно завершилась, уступив дорогу десятилетию «споров о проблемах».

Дискуссии 1990-х стали профессиональными и специализированными, что сделало их непонятными и скучными для широких масс. В последнее десятилетие прошлого века китайская интеллигенция утратила влияние на общество, усилив свое воздействие на власть. Правящая элита приблизила

интеллигенцию к себе и приступила к налаживанию взаимодействия между экспертным сообществом и властью. Компартия так и не допустила интеллигенцию к процедуре принятия политических решений, но стала более внимательно и заинтересованно выслушивать ее советы, все активнее приглашая экспертов к участию на стадии предваритель-

родным капиталом. Утопический и декларативный характер позиции «новых левых» не лишает ее привлекательности в глазах «слабых групп» китайского общества, проигравших от реформ.

На начальном этапе реформ в 1980-е главными критиками рыночных преобразований в КНР были левые силы ортодоксально-

“В конце прошлого века китайская интеллигенция утратила влияние на общество, усилив степень своего воздействия на власть”.

ного обсуждения проблем. Власть поощряет академические дискуссии, дает представителям разных школ и течений возможность издавать книги, публиковать статьи в периодике, выступать на конференциях.

Однако на рубеже веков часть интеллигенции вновь заинтересовалась «метафизическими» проблемами развития страны, поставив под сомнение избранную модель реформ. На фоне обострения социально-экономических противоречий в конце 1990-х годов в Китае появились оппоненты власти в лице «новых левых»⁶. Они заявили, что в годы реформ компартия взяла на вооружение либеральную экономическую политику, позабыв о слабых и бедных. «Новые левые» выступают против либерализма и решительно отвергают попытки объяснить нарастание социальных издержек реформ «пережитками социализма» или недостатком рыночных свобод.

«Новые левые» не ставят под сомнение необходимость могущественного государства, но ждут от него большей социальной заботы о простых людях. Они выступают против западной модели глобализации и видят главную угрозу не в распространении демократической идеологии, «опасной» для внутренней стабильности Китая, а в экономическом порабощении страны междуна-

го толка. На рубеже веков в китайской экономической мысли возникло так называемое «неосновное течение», которое пытается бросить вызов «дискурсивной гегемонии» неolibералов⁷. Публицистические статьи представителей «неосновного течения» невозможно встретить в профессиональных экономических журналах КНР, ориентирующихся на строгие западные стандарты формализации и математизации экономического знания. Им по большей части закрыт доступ и на страницы партийных теоретических изданий, переставших служить трибуной для дискуссий и выступающих в роли проводника одной нормативной точки зрения. Однако ряд общественно-политических журналов регулярно публикуют выступления представителей этого течения, например пекинский ежемесячник «Ду шу» («Чтение книг»), популярное экономическое издание «Цзинцзисюэ чацзо» («Чайная комната экономистов»). Тексты выступлений на конференциях публикуются и в многочисленных газетах экономического профиля. Тираж издания большого значения не имеет, поскольку все интересные материалы тут же распространяются в Интернете. Кроме того, в Китае регулярно издаются сборники статей о наиболее заметных экономических дискуссиях, а также подборки публикаций предста-

вителей различных направлений китайской экономической мысли.

Сторонники «неосновного течения» близки по взглядам к «новым левым». Они полагают, что представители господствующего «основного направления» защищают лишь тех, кто выиграл от преобразований: предпринимателей, правительственных чиновников, ученых. Экономисты «неосновного направления» подчеркнуто заботятся о рабочих и крестьянах, мало выигравших от реформ, выступают на стороне «слабых групп». Их волнуют проблемы справедливости и равенства, они предупреждают, что интересы иностранного монополистического капитала вступают в конфликт с долгосрочными интересами китайского народа.

Пользующиеся поддержкой власти и бизнеса китайские экономисты-либералы, по утверждению последователей «неосновного течения», выступают от лица «компрадоров» и хотят уничтожить само понятие «национального производства»⁸. Они полагают, что новые группы власти уже сформировались и некоторые люди, «опираясь на власть и силу международного капитала, хотят поглотить богатства китайского народа, способствуют распаду Китая». Теоретик «неосновного течения» экономист Цзо Дапэй предостерегает, что в случае дальнейшего распространения в стране неолиберальной идеологии меньшинство получит возможность свободно расширять богатство, пренебрегая интересами государства и большинства людей, а международный капитал сможет бесконтрольно извлекать в Китае прибыли⁹.

При этом представители «неосновного направления» не возлагают ответственность за распространение неолиберальной идеологии на руководство КПК, заявляя, что это дело рук международного капитала. К примеру, они всерьез утверждают, что правые силы США и Великобритании с помощью разведки специально послали в Гонконг

известного либерального экономиста китайского происхождения Чжан Учана, поручив тому «вести китайские реформы в ошибочном направлении». Экономист «неосновного течения» Ян Фань полагает, что международный капитал специально поддерживает интерес общества к либеральным экономистам, рассчитывая тем самым облегчить пропаганду идей «шоковой терапии». По его мнению, в глобальную «ось шоковой терапии» входят Джеффри Сакс из Гарвардского университета, Милтон Фридмен из Чикагского университета, крайне либеральные экономисты, к числу которых относится Чжан Учан¹⁰, а также МВФ и расположенные в Гонконге международные рейтинговые агентства.

С приходом к власти Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао китайское руководство все чаще обращается к тем вопросам, которые поставлены «новыми левыми». Безусловно, главным стимулом к формированию официозного «неосоциалистического» проекта стали серьезные социально-экономические проблемы развития страны. Но идеологический вызов со стороны неофициальных левых интеллектуалов также сыграл свою роль: правящая компартия не хочет, чтобы ее считали покровителем неолиберализма, опасаясь дальнейшего ослабления марксистско-маоистских идеологических устоев, которые составляют основу легитимности коммунистического правления.

Новое руководство развернуло кампанию критического изучения неолиберализма. На уровне официального обществоведения он рассматривается как опасное течение, закрепляющее на интеллектуально-теоретическом уровне мировое господство монополистического капитала. При этом власти умело перенаправили острие полемики с китайских проблем на Латинскую Америку и бывший СССР, утверждая, что эти регионы превратились в «зоны бедствия» из-за американской политики навязывания либеральной

модели другим странам. В июле 2003 года в Академии общественных наук (АОН) Китая была создана специальная исследовательская группа по проблемам неолиберализма во главе с заместителем секретаря АОН Хэ Бинмэном. В нее вошли ученые, занимающиеся вопросами экономической теории, исследователи западной экономической мысли, а также специалисты по проблемам Латинской Америки, России, США и Европы.

Отправной точкой для их работы стало признание того, что неолиберализм уже проник в Китай. Эта идеология быстро меняется, но китайские экономические и теоретические круги ее недопонимают. Было призна-

но суверенитета. По мнению профессора Хэ, Китаю не следует отказываться от участия в экономической глобализации, но при этом «необходимо быть бдительными по отношению к стоящей за ней глобальной экспансией неолиберализма и монополистического капитала»¹³.

В связи с публикацией книги о неолиберализме АОН Китая провела в июне 2004 года в Пекине научную конференцию с участием ответственных работников Отдела пропаганды ЦК, Центральной партийной школы и других организаций. Мероприятие было призвано подтвердить высокую научную и идейную ценность книги, а также призвать к ее

“На фоне обострения социально-экономических противоречий в конце 1990-х годов в Китае появились оппоненты власти в лице «новых левых»”.

но, что в КНР есть расхождения и в оценке неолиберализма: одни ученые его полностью отвергают, другие видят в нем чудодейственное средство и предлагают использовать для дальнейшего проведения реформ. Через год АОН Китая подготовила книгу «Анализ неолиберализма», в которой было заявлено, что современный неолиберализм противостоит кейнсианству и выражает стремление «превратить государственно-монополистический капитализм в международный монополистический капитализм»¹¹.

Хэ Бинмэн подчеркнул, что в 1970–1980-е началось глобальное распространение неолиберализма, который постепенно превращался из теории в политику и идеологию и «стал важной составной частью продвигаемой американским и английским монополистическим капиталом единой глобальной теоретической системы»¹². Реализация этого курса в развивающихся странах привела к углублению имущественного расслоения, росту бедности и ослаблению экономическо-

активному распространению среди руководящих работников. На конференции ученые заявили, что неолиберализм — это «теоретическое проявление идеологии глобализации международного монополистического капитала, его главная цель — расчленение национальных государств в интересах расширения пространства для монополистического капитала»¹⁴. Непонимание этого способно привести к ошибкам «в теории и в политическом курсе». Было подчеркнуто, что «ЦК КПК уделяет особое внимание исследованию проблемы неолиберализма», тогда как китайские «работники философии и общественных наук должны активно действовать, ответить контрударом на вызов теории неолиберализма в адрес марксизма, чтобы укрепить руководящие позиции марксизма в сфере идеологии, философии и общественных наук»¹⁵.

В начале 2005 года бывший ректор Пекинского университета У Шудин опубликовал в главном партийном теоретическом журнале «Цюши» статью под красноречи-

вым заголовком «Два типа реформ, два типа результатов». Напомнив основополагающий лозунг китайских реформ «практика — единственный критерий истины»¹⁶, профессор У заявил, что практика более десятка лет реформ в Китае, в бывшем СССР и в странах Восточной Европы стала наглядным примером пагубности неолиберальных рецептов. Реформы в бывшем СССР и в странах Восточной Европы, проводившиеся в соответствии с предписаниями западного неолиберализма, развеяли миф о том, что только приватизация может повысить экономическую эффективность. Напротив, реформы социалистической рыночной экономики в КНР добились признанных в мире успехов, доказав правильность современного китайского марксизма — теории Дэн Сяопина и важных идей «тройного представительства». «Это две разные теоретические основы и направляющие идеи, две разные по характеру реформы, результаты которых резко различаются, поэтому истина и ложь должны быть чрезвычайно ясными»¹⁷, — заключил У Шудин.

Менеджерская приватизация и проблема справедливости

Важной вехой на пути развития дискуссий в Китае об эффективности и справедливости стали вспыхнувшие в 2004-м критические дебаты китайских экономистов о непрозрачных схемах приватизации государственного имущества, используемых управленцами госпредприятий. Участников этой дискуссии объединило стремление защитить интересы слабых социальных групп, лишенных доступа к доле государственной собственности. В центре внимания оказалась проблема МВО (сокр. от англ. *management buy-out*), то есть приобретения менеджерами контрольного пакета акций своей компании. Обсуждение начиналось как попытка критического взгляда на проблемы реформирова-

ния госпредприятий, но вскоре оно переросло в масштабные дебаты о социальной справедливости. К спору экономистов подключились историки, юристы и социологи; благодаря Интернету дискуссия оказалась в центре внимания широких слоев китайского общества.

Инициатором дискуссии стал профессор Китайского университета в Гонконге 49-летний Лан Сяньпин (*Larry Lang*). Уроженец Тайваня и обладатель докторской степени Уортонской бизнес-школы Пенсильванского университета, Лан получил известность как опытный специалист по фондовым рынкам и корпоративному управлению. В начале 2000-х годов он подключился к изучению проблем фондового рынка КНР и выступил с предложениями по защите прав мелких акционеров, которые в ответ дали профессору уважительное прозвище «контролер Лан».

Летом 2004-го Лан Сяньпин опубликовал серию статей, в которых показал, какими путями государственная собственность переходит в частные руки в ходе реформирования предприятий. Объектом его критики стали три известные компании — *Haier* (бытовая техника), *TCL* (электроника) и *Greencool* (хладагенты), что многократно уси-

Интернет и политика в КНР

Летом 2005 года правительство КНР сообщило, что число пользователей Интернета в стране превысило 100 млн человек. Интерес этой образованной и сравнительно обеспеченной социальной группы к проблеме МВО связан с массовым увлечением игрой на фондовом рынке, благодаря чему среди китайцев появилось много мелких акционеров. Интернет стал важной трибуной для споров о современных проблемах КНР. Хотя политические ограничители действуют и в китайском виртуальном пространстве, оно допускает большую открытость и многообразие мнений, чем печатные издания.

лило общественный резонанс выступления. Оказалось, что эти предприятия, считавшиеся в Китае образцом реформирования и пользовавшиеся благосклонностью властей и официальных СМИ, использовали непрозрачные схемы для превращения государственного имущества в частное.

Бурная реакция на публикации Лан Сяньпина связана и с его особым местом в среде китайских интеллектуалов: он

“Экономические реформы 1990-х годов прошли в КНР под лозунгом «не спорить», который выдвинул в 1992-м сам Дэн Сяопин”.

этнический китаец, но не с материка. Следовательно, он не включен в сложившиеся внутри КНР взаимоотношения науки и власти, свободен от стереотипов, в том числе идеологических. С другой стороны, Лан Сяньпин может говорить о проблемах Китая, как выходец из «свободного мира» рыночной экономики, профессионально анализирующий финансовую отчетность проблемных компаний.

Отдельные защитники менеджерской приватизации поставили вопрос о недопустимости вмешательства чужаков в китайские реформы, заговорив о «бесстыдстве» движимого тщеславием Лан Сяньпина, который берется обсуждать то, что не касается его лично¹⁸. Однако позиция Лана как независимого и влиятельного эксперта стала важной поддержкой не только для миноритариев, обеспокоенных судьбой своих акций, но и для идейных защитников интересов «слабых групп». Лан Сяньпин поставил под сомнение применяемые в Китае методы реформирования госпредприятий с помощью инструментов *МВО*, приводящие к переходу госимущества в частные руки по заниженной цене. Заодно Лан выступил против мифа о хронической и неизлечимой неэффективности госпредприятий. Подлинная проблема, по

его мнению, состоит в отсутствии должного контроля над менеджментом.

Необходимо напомнить, что экономические реформы 1990-х годов прошли в КНР под лозунгом «не спорить», который выдвинул в 1992-м сам Дэн Сяопин. Желая защитить намеченные им рыночные преобразования от нападков ортодоксальных коммунистических идеологов, он провозгласил: «Не вести дискуссий — это мое изобрете-

ние... Начнешь спорить — и все осложняется, время утрачивается, ничего не удастся завершить»¹⁹. Критиков левого толка заставили молчать, но в последнее десятилетие XX века в Китае на фоне динамичного взлета экономики мало кто об этом сожалел. Стоит отметить, что неолибералы успешно обошли в 1990-е годы официальный идеологический запрет на дискуссии по проблеме приватизации, используя для обоснования идеи разгосударствления экономики широкое обсуждение теории прав собственности Роналда Коуза.

Лишь в последние годы быстрое имущественное расслоение и углубление социальных противоречий заставили китайскую элиту задуматься о том, что дискуссии все-таки нужны, поскольку монопольное положение негласно санкционированных властью либеральных экономических установок может сделать реформы однобокими и повредить интересам устойчивого развития страны. Хотя в КНР по-прежнему не используется политически неприемлемое слово «приватизация», государство неуклонно сокращает свое вмешательство в экономику, а его бывшие активы незаметно для общества переходят в частные руки. В этом контексте вполне можно согласиться с китайски-

ми исследователями, которые считают спор вокруг выкупа акций менеджерами «крупной схваткой в китайских идейных кругах в начале XXI века», которая «окажет влияние на содержание, методы и направление следующего этапа реформирования предприятий и, как следствие, на реформы и развитие китайской экономики и общества»²⁰.

Представители «основного направления» экономической науки отнеслись к разоблачениям Лан Сяньпина с большой настороженностью. На научной конференции по проблемам реформирования государственного сектора экономики заместитель директора Института предприятий Центра исследований развития при Госсовете КНР Чжан Вэнькуй раскритиковал Лана за призывы прекратить реформу прав собственности на госпредприятиях. По его мнению, остановка реформы нанесет народу еще больший ущерб, чем ее продолжение, поэтому надо лишь сосредоточить усилия на упорядочении этого процесса. Чжан Вэнькуй сказал, что не является приверженцем менеджерских выкупов, признав, что *MBO* часто используется для покупки государственного имущества по низкой цене. Однако в Китае долгое время царила уравниловка и топ-менеджеры госпредприятий не получали достойного вознаграждения, а поэтому, по его словам, предоставление им преимуществ в покупке акций «рационально».

Относящийся к мейнстриму китайской экономической мысли профессор Чжан Вэйин отметил, что условия для ведения бизнеса в КНР становятся все лучше. Одновременно он признал, что общественное мнение относится к предпринимателям все хуже, а развитие частных предприятий все чаще рассматривают как последствие разграбления госимущества. Однако уход государства из сферы экономики и его замещение частным предпринимательством представляет собой процесс создания богатства, а

не его раздела. Чжан Вэйин уверен, что продажа госпредприятий в частные руки не обязательно означает, что государство окажется в убытке, поскольку сделка может быть взаимовыгодной. О выступлениях Лан Сяньпина он отозвался с неодобрением. У Чжан Вэйина вызывает опасения ситуация, когда «некоторые ученые», объединившись с массами «под флагом научной свободы, защиты госимущества, защиты прав мелких и средних акционеров, всеми силами отрицают реформирование госпредприятий последних десяти лет, реформу системы прав собственности, отрицают [роль] отряда наших предпринимателей»²¹.

Представители господствующего течения осудили Лан Сяньпина за попытки перейти от анализа действий менеджеров трех известных компаний, присвоивших государственное имущество, к отрицанию реформы прав собственности в масштабах всей страны. Критики отмечали, что включение КНР в мировую экономику требует повышения конкурентоспособности и тут главные надежды можно возлагать лишь на негосударственный сектор. Неолибералы напоминали, что в 1990-е годы в Китае уже была безуспешная попытка усовершенствовать систему управления на госпредприятиях. «Утечка» госимущества в ходе реформ действительно происходит, но с этим нужно смириться как с неизбежной платой за ускорение перехода от старой экономической системы к новой. Защитники выкупа акций менеджерами образно сравнили госимущество с мороженым в жаркий летний день: чем ждать, пока оно растает и пропадет, лучше поскорее подарить его другим людям²².

«Спор об *MBO*» приобретает особый смысл в контексте «неосоциалистического» поворота Ху Цзиньтао. Один из критиков Лан Сяньпина прямо указал на связь дискуссии с новыми акцентами в позиции китайских властей, заметив, что выступление Лана

«соответствовало основополагающей политике государства, которая состоит в заботе о слабых группах», благодаря чему оно «вызвало широкий отклик различных общественных слоев»²³. Опросы, проведенные популярными информационно-поисковыми порталами китайского Интернета «Сина» и «Соху», показали, что после критического выступления «неолиберала» Чжан Вэйина на его стороне было лишь 10 проц. респондентов, тогда как на стороне Лан Сяньпина — 90 проц.²⁴

На помощь Лан Сяньпину поспешили представители «новых левых», поддержавшие его попытку отстоять социальную справедливость. Цзо Дапэй из Института экономики АОН Китая заявил, что выводы гон-

по-настоящему рассчитаться с теми, кто грабит народное имущество под предлогом “реформы системы”, с коррумпированными чиновниками, которые проталкивают капитализм для власти и знати, с теми, кто сознательно поддерживает разграбление общественного богатства. Нельзя больше терпеть их грабительские преступления, надо вернуть назад народное имущество, вернуть народную власть!»²⁵.

Цзо Дапэй назвал ошибкой использование *МВО* при реформировании госпредприятий. Высмеивая позицию неолибералов, он сравнил управленцев с домработницей, присваивающей имущество семьи. «Младший член семьи говорит: “Надо наказать эту домработницу, уволить ее или сдать в полицию”.

“Хотя в КНР не используется политически неприемлемое слово «приватизация», государство сокращает свое вмешательство в экономику”.

конгского эксперта правильны, а реформа прав собственности на госпредприятиях в действительности представляет собой раздел имущества государства, осуществляемый небольшой кучкой людей. «Я хочу ударить в набат во имя китайского народа: имущество народа и его будущее в опасности! В Китае не только появилось много “предпринимателей” наподобие российского Ходорковского, к нам идут и опасные люди, похожие на итальянского премьера Берлускони! Они хотят не только разграбить общенародное богатство, но и заполучить политическую власть, что станет угрозой для любой современной демократии. Мы стоим не только перед реальным капитализмом, но и перед самым коррумпированным черным капитализмом, где чиновники, состоящие в сговоре с бизнесом, обладают властью и богатством, владеют всем. Нам нужны не только китайский Путин и серьезная борьба с богатыми, обогатившимися на разграблении народа. Надо

Старший отвечает: “Неправильно, вы такие глупые, у вас нет опыта. Почему работница ворует? Это происходит потому, что вещи в нашем доме не принадлежат ей. Чтобы решить проблему, надо отдать ей домашние вещи”. Люди, которые сейчас говорят у нас о реформировании госпредприятий, придерживаются такой же логики»²⁶.

«Спор об *МВО*» обозначил сложный выбор будущего пути развития Китая. Рассудительные неолибералы считают главной целью эффективность во имя экономического развития, полагая, что, если материальных благ, доступных для дележа, станет больше, это позволит избежать вспышки народного недовольства. Эмоциональные «новые левые» считают, что превыше всего равенство и справедливость. Реализация их идеалов на практике грозит снизить эффективность китайской экономики, но и в этом случае был бы возможен позитивный результат — снизится накал социальных протестов,

будут смягчены последствия имущественного расслоения.

Но еще есть третий, тупиковый путь построения капитализма латиноамериканского типа, который более всего тревожит китайские власти и экспертное сообщество. На этом пути не будет в Китае ни эффективности, за которую сражаются неолiberaлы, ни социальной справедливости, о которой мечтают «новые левые». Вместо этого коррумпированный альянс власти и капитала обречет страну на длительную стагнацию и хроническую нестабильность.

Перед лицом этой опасности защитники эффективности и сторонники справедливости могут выступать как союзники. «Новые левые» критикуют социальные недостатки рыночного капитализма, неолiberaлы связывают возникновение несправедливости с чиновничьим злоупотреблением властью и обменом ее на деньги. Их позиции не исключают друг друга, поскольку Китаю нужно преодолеть издержки как политической монополии власти, так и экономической монополии капитала.

Влиятельный 82-летний экономист Лю Гоуан отметил, что выдвинутая новым китайским руководством задача построения «гармоничного социалистического общества» не может быть реализована без адекватного урегулирования отношений между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Он позитивно оценил «спор об МВО» как вклад в обсуждение этой проблемы.

По мнению профессора Лю, развернувшаяся дискуссия повлияла на принятие решений о дальнейшем реформировании госпредприятий. Расследование, проведенное Комитетом по контролю и управлению государственным имуществом, выявило крупномасштабную «утечку» собственности в ходе менеджерских выкупов. С 2005 года крупным госпредприятиям было запрещено переда-

вать управляющим права на госимущество, а средним и малым предприятиям позволено осуществлять такую передачу только под строгим контролем соответствующих ведомств. Лю Гоуан считает, что это решение можно рассматривать как отклик власти на мнение общества. «В целом в итоге этой дискуссии — как с точки зрения общественного мнения, так и принятия решений — на весах эффективности и справедливости была увеличена доля справедливости и немного скорректирован прежний односторонний уклон [в сторону эффективности]», — заключил ученый²⁷.

Интеллигентская шерсть на пролетарской коже

При новом руководстве в КНР прозвучала острая критика претензий на участие в формировании государственной политики со стороны «публичной интеллигенции». Китайская трактовка этого иностранного термина (*public intellectuals*) носит весьма широкий характер. К «публичной интеллигенции» там относят не только интеллектуалов из академических кругов, но и представителей СМИ, активистов неправительственных организаций, юристов, кинорежиссеров и даже известных эстрадных звезд. Судя по всему, столь широкая трактовка была вызвана влиянием традиционного представления о «работниках умственного труда», выделяемых среди прочих трудящихся.

Вопрос о влиянии интеллектуальной элиты на китайское общество обсуждался на протяжении всей новой истории Китая, а проблема общественно-политического статуса образованных «служилых» (*ши*) поднималась еще в глубокой древности в эпоху Сражающихся царств (V–III вв. до н. э.). Однако созвучная этим темам современная концепция «публичной интеллигенции» была заимствована из западной социологии. На Западе эту проблему начали обсуж-

дать еще в 1970-е годы, теперь она вызвала интерес и внутри Китая. Жесткие заявления о недопустимости отрыва «публичной интеллигенции» от «масс» отразили не только стремление властей защитить свои позиции от возможных посягательств, но и накопившееся за годы реформ недоверие простого народа к позабывшей о нем элите.

Катализатором споров стала публикация в сентябре 2004 года тематического выпуска популярного гуанчжоуского еженедельника «Наньфан жэньу чжоукань»²⁸. Изначально эта акция носила коммерческий характер. Китайские периодические издания действуют в условиях рынка, при этом сохранение идеологических ограничителей не избавляет их от напряженного соперничества за симпатии читателей. Появляющиеся с конца

но немногие из них готовы пожертвовать чем-либо ради справедливости и поступать по совести. Огромное число статей и книг пишется ради получения выгод, их авторы не хотят видеть проблемы, которые затрагивают интересы большинства людей. «Список 50» был призван продемонстрировать, что в Китае еще не перевелись интеллигенты, способные вдохновлять сердца людей. Особой похвалы удостоились инициатор «спора об МВО» Лан Сяньпин, экономист У Цзинлянь, выступивший с предупреждением о манипуляциях на рынке акций, историк Цинь Хуэй, указавший на серьезные проблемы, возникающие в ходе налоговой реформы в деревне²⁹.

После публикации в журнале «Список 50» попал в Интернет, что стимулирова-

“Попытка интеллектуальной элиты забрать часть функций элиты политической вызвала у властей негативную реакцию”.

1990-х в местном издании *Forbes* списки китайских богачей до сих пор вызывают в обществе значительный резонанс. Полагая, что интерес образованной аудитории не ограничивается списками миллиардеров и миллионеров, «Наньфан жэньу чжоукань» последовал примеру британского журнала *Prospect* и обнародовал собственный список 50 наиболее влиятельных представителей «публичной интеллигенции» Китая. В него попали люди, которые не только отличаются высоким профессионализмом в своей сфере деятельности, но и высказывают собственное мнение по поводу проблем общества в целом, выдвигают свои предложения и участвуют в общественной жизни.

Авторы публикации подчеркивали, что в Китае наступила эпоха, когда ряды интеллигенции ширятся, однако «публичных интеллигентов» становится все меньше. Появилось много докторов и профессоров,

ло широкое обсуждение вопроса о том, кто же сегодня может повлиять на развитие Китая. В откликах в Интернете и на страницах печатных СМИ отмечалось, что влияние того или иного представителя образованной элиты в своей сфере деятельности вовсе не означает его влияния на судьбы всей страны. Интеллигенция может «влиять на Китай», когда ее идеи «превращаются в общественную политику или когда они становятся основанием для разработки отдельных положений законов»³⁰. В этом контексте «публичный интеллигент» характеризуется как человек, способный увидеть проблему или скрытую опасность там, где другие ее пока не видят.

Официальные СМИ откликнулись на этот спор с неожиданной резкостью. В ноябре 2004 года в шанхайской партийной газете «Цзефан жибао» появилась установочная статья, которая вскоре была перепеча-

тана в центральной «Жэньминь жибао»³¹. В ней было заявлено, что заимствование «заморского» термина «публичная интеллигенция» и составление по западному образцу каких-то списков на деле противопоставляют интеллигенцию партии и народным массам. Пропагандисты концепции «публичной интеллигенции» выступают за то, чтобы интеллигенция была независимой и критически настроенной и при этом не принадлежала ни к какому классу или группе. Однако на самом деле интеллигенция — это часть рабочего класса, это элемент народных масс, это группа, руководимая партией: «Коль кожи нет, на чем держаться волосам?» Ценность современной интеллигенции состоит в служении социализму и народным массам, тогда как за якобы «независимыми» интеллигентами скрываются определенные группы интересов: «Эту тайну сейчас знает любой прохожий, не стоит больше говорить об этом».

Автор публикации обвинил сторонников концепции «публичной интеллигенции» в принижении роли народных масс, будто бы неспособных самостоятельно говорить о своих интересах. Страдают от этого и сами интеллигенты: пытаются стать «всемогущими» и претендуют на роль «идейных вождей» масс, они отрываются от профессии, вмешиваются в дела, в которых не разбираются, становятся звездами телевидения и СМИ, «устраивают шоу». «Совершенно очевидно, что такая теория “публичной интеллигенции” ведет интеллигенцию по ложному пути», поэтому главное, заключил автор из «Цзефан жибао», — сохранять трезвость и твердость, придерживаться руководящего положения марксизма, чтобы не заблудиться среди различных идейных течений.

Особо примечательно появление в установочной статье выражения о «коже и волосах», которое исторически восходит к древнекитайской летописи «Цзо чжуань». В новейшей истории Китая этот образ вос-

принимается прежде всего в контексте выступлений Мао Цзэдуна, который призывал интеллигенцию безоговорочно встать на сторону КПК. 13 октября 1957 года на 13-м заседании Верховного Государственного совещания Мао заявил: «Коль кожи нет, на чем держаться волосам?» Я отмечал, что в Китае было пять кож. Старых три: империалистическая собственность, феодальная собственность и собственность бюрократическо-капиталистическая. В прошлом интеллигенция жила за счет этих трех кож. Кроме них, она кормилась еще за счет национально-капиталистической собственности и собственности мелких производителей, то есть мелкой буржуазии... За счет чего живет теперь интеллигенция? И демократические партии, и профессора, и ученые, и журналисты находятся на содержании у рабочего класса и коллективизированного крестьянства, они живут за счет общенародной и коллективной собственности — словом, за счет социалистической общественной собственности. Поскольку пяти старых кож уже нет, волосы сейчас летают в воздухе, а если они опускаются на новую кожу, то прирастают к ней пока непрочно. На эту новую кожу интеллигенция смотрит еще свысока: какой-то там пролетариат, какие-то там крестьяне-бедняки и низшие середняки, уж больно они темны, не знают ни астрономии, ни географии»³².

Напоминание о политике Мао Цзэдуна в отношении интеллигенции носит в современном китайском контексте двойственный характер. С одной стороны, новые руководители страны пытаются сгладить последствия элитарного авторитаризма 1990-х, призывая к гармонизации общественных отношений и преодолению возникшего разрыва между элитой (в том числе интеллектуальной) и народными массами. Эти усилия находят в обществе поддержку и понимание.

В 1990-е годы в Китае сформировался союз элит — политической, экономиче-

ской и интеллектуальной, сумевших согласовать свои интересы и разделить между собой выгоды от стабильности и развития. Вместе с тем определение баланса интересов этих трех сил еще не завершено. Политическая элита сохраняет за собой командные позиции и право определять положение двух других элит — экономической и интеллектуальной. Попытка интеллектуальной элиты повысить свой статус и забрать в явочном порядке часть функций политической элиты вызвала у властей негативную реакцию.

С другой стороны, китайское общество сильно изменилось. В рыночных условиях интеллигенция обрела альтернативную «кожу», то есть экономическую базу, что дает ей ощущение независимости и свободы. На этом фоне напоминания о временах Мао Цзэдуна, когда интеллигенция подвергалась гонениям и унижениям, вряд ли способны заставить современную образованную элиту добровольно отказаться от стремления занять лидирующие позиции в обществе.

Именно поэтому власти дали понять, что улучшение материального положения интеллигенции не дает ей права предлагать собственные социально-политические альтернативы за пределами узких профессиональных сфер. В целях сохранения статус-кво была подтверждена старая официальная формулировка, закрепляющая социальную роль интеллигенции как «части рабочего класса». В начале 1980-х эта формулировка Дэн Сяопина повышала статус интеллигенции и мотивировала ее к активному участию в преобразованиях. Однако в современных условиях она утратила прежний позитивный смысл из-за неуклонного снижения общественного статуса рабочего класса.

«Пекинский консенсус» против «вашингтонского»

Особый интерес представляют предпринимаемые в КНР попытки осмыслить успехи

реформ и продемонстрировать их привлекательность как внутренней, так и зарубежной аудитории. Начиная с 2004 года китайские официальные теоретики часто обращаются к предложенному в конце 1980-х американцем Джозефом Наем понятию «мягкая сила» (*soft power*), подразумевающему использование «нематериальных властных ресурсов» культуры и политических идеалов в интересах влияния на поведение людей в других странах³³.

Даже самые поверхностные сравнения с Западом (прежде всего с США) показали китайским теоретикам, что отставание КНР в «мягкой силе» намного превышает отставание в экономике и военной мощи. Как следствие, возник вопрос о том, какие идеи и ценности могут лечь в основу китайской «мягкой силы». Копирование американской глобальной пропаганды идей свободы и демократии для Китая неприемлемо. Однако официальная идеология КПК в ее нынешнем виде также не имеет шанса на всемирный успех.

В конце мая 2004 года тема «ускоренного строительства “мягкой силы” Китая» обсуждалась во время коллективной учебы в Политбюро ЦК КПК³⁴. Отмечалось, что наращивание «мягкой силы» Китая является «важной точкой приложения усилий» нового руководства страны, поскольку «“мягкая сила” означает влияние в мире и международную привлекательность культуры страны, ее ценностных представлений, общественных институтов и модели развития»³⁵. Участники заседания указали, что наибольшей притягательностью обладает избранный КНР путь экономических преобразований. Ее успехи выглядят особенно впечатляющими на фоне серьезных проблем, к которым привели попытки других стран следовать рецептам «вашингтонского консенсуса». Было заявлено, что именно поэтому за границей проявляют повышенный интерес к китайской модели развития.

Самым ярким выражением этой тенденции был назван опубликованный в мае 2004-го Лондонским центром международной политики доклад бывшего аналитика еженедельника *Time* Джошуа К. Рамо «Пекинский консенсус»³⁶. Перевод полного текста на китайский язык был оперативно выполнен агентством Синьхуа и распространен среди пяти тысяч руководителей страны, включая членов Политбюро.

Рамо заявил, что «вашингтонский консенсус» «исходит из желания сделать счастливыми банкиров», тогда как новый «пекинский консенсус» отвечает более фундаментальной потребности справедливого роста и интересам простых людей. По его мнению, тактика «пекинского консенсуса» опирается на крайнюю осторожность при либерализации торговли и проведении приватизации. Рамо

“Тема ускоренного строительства «мягкой силы» Китая обсуждалась во время коллективной учебы в Политбюро ЦК КПК”.

предложил следующее определение «пекинского консенсуса»: это — «решительное стремление к инновациям и экспериментам (взгляните на специальные экономические зоны); активная защита государственных границ и интересов (взгляните на Тайвань); все более осмысленное накопление инструментов асимметричной силы (взгляните на 400 млрд долларов валютных резервов)»³⁷. Цель «пекинского консенсуса» — рост при сохранении независимости. По мнению Рамо, построенный на основе «пекинского консенсуса» китайский опыт может быть использован другими развивающимися странами, стремящимися к достижению экономического роста и улучшению жизни народа.

Выдвижение «пекинского консенсуса» как конструктивной альтернативы западным рецептам реформирования экономики стало естественным продолжением темы крити-

ки неолиберализма и обсуждения неудач, связанных с реализацией «вашингтонского консенсуса» в других странах. В ходе коллективной учебы в Политбюро обращалось внимание на многочисленные статьи в зарубежных СМИ, посвященные успешному опыту китайских реформ. В КНР появление этих публикаций оценили как «скрытое или открытое одобрение положительного влияния роста “мягкой силы” Китая в мире»³⁸.

Тема «пекинского консенсуса» широко освещалась на страницах китайских газет и журналов. Китайские авторы подчеркивали, что «вашингтонский консенсус» был навязан другим странам извне, тогда как «пекинский» был «нашупан» КНР в процессе экономического развития. При этом акценты в китайских публикациях всячески подчеркивали приоритет иностранцев в формули-

ровке и выдвижении идеи «пекинского консенсуса». Иностранцы сами осознали ошибочность идей «шоковой терапии» и высоко оценили опыт Китая, после чего «на Западе была выдвинута концепция “пекинского консенсуса”»³⁹. Китайские СМИ указывали, что «выступающий за инновации и уделяющий внимание равенству “пекинский консенсус” сейчас привлек широкое внимание в разных странах»⁴⁰.

Показательно, что в ходе обсуждения китайские авторы заговорили не только о превосходстве избранной в КНР модели перехода к рынку, но и о ее всеобщей применимости, что указывает на отход от прежнего акцента на специфичности пути развития страны. «Гоцзи цзиньжун шибао» («Международная финансовая газета») отмечала: «Что касается “пекинского консенсуса” — модели развития, которая сейчас

успешно преодолевает пропасть между бедностью и богатством, его главный смысл состоит в отказе от догм и максимальном удовлетворении основных требований справедливости и высокого качества роста. Хотя мир так разнообразен, эта [модель] может оказаться правильной для всего мира»⁴¹.

В ходе дискуссий в Интернете скептики указали, что национальный опыт развития КНР не является всеобщей истиной, тогда как сам «пекинский консенсус» походит на преувеличение, способное вызвать споры и непонимание, в том числе за рубежом⁴². Прозвучало предложение разделять «китайскую модель» и «пекинский консенсус». «Модель» делает упор на обобщении собственного опыта Китая, объясняя причины успеха страны в реформах и открытости. «Консенсус» не только обобщает опыт КНР, но и пытается «сбыть» его другим странам. Обобщение собственного опыта развития Китая весьма важно, однако его возвышение до уровня «пекинского консенсуса» и распространение по образцу «вашингтонского консенсуса» будут «большой ошибкой»⁴³.

Предложенное Рамо обобщение китайского опыта трудно назвать точным, а идеи «пекинского консенсуса» в его изложении вряд ли получат признание в КНР, особенно в среде экономистов. «Скорее всего, в будущих исследованиях “пекинский консенсус” наполнится новым содержанием или в него будут внесены дополнения. Однако весьма вероятно, что созданный Рамо термин “пекинский консенсус” сохранится. Он будет непрерывно и активно обсуждаться, становиться с каждым днем все более зрелым и совершенным и превратится в идейное знамя для развивающихся стран и стран с переходной экономикой, которые не признают плановой экономики, не принимают “вашингтонского консенсуса”, а пытаются найти “третий путь”»⁴⁴.

В нынешнем виде широко обсуждаемый в КНР «пекинский консенсус» не является концепцией рыночной трансформации, разработанной китайскими реформаторами и впоследствии успешно реализованной на практике. Это своевременно появившийся за рубежом броский лозунг, который оперативно подхватила китайская пропаганда. После соответствующей обработки и содержательного наполнения он может быть использован для демонстрации преимуществ китайского пути перехода к рынку и повышения мирового престижа КНР. По мнению экономиста Чжао Сяо, «выдвижение “пекинского консенсуса” неизбежно вызовет новую волну внимания всего мира к переходу Китая к рынку»⁴⁵. В китайской общественно-политической и экономической литературе упоминания о «пекинском консенсусе», который «предложил иностранный эксперт Рамо»⁴⁶, служат лишь поводом и отправной точкой для собственных рассуждений о китайской модели реформ и ее применимости за пределами страны.

Будущую судьбу «пекинского консенсуса» предсказать нелегко. Китай хотел бы повысить свой международный престиж, предложив развивающимся странам альтернативный путь рыночной модернизации. Однако попытка представить опыт преобразований в КНР в форме некоего «антивашингтонского консенсуса» стала бы большой натяжкой, поскольку сами китайские реформаторы заимствовали многие рациональные аспекты «вашингтонского консенсуса». Китайские реформы проводились с учетом «вашингтонских» требований усиления финансовой дисциплины, сокращения бюджетного дефицита, снижения инфляции и стабилизации макроэкономической ситуации. Идеи приватизации госпредприятий и либерализации торговли в Китае не пропагандируются, но, тем не менее, реализуются. Профессиональные китайские экономисты ведут речь не о полном отказе от идей

«вашингтонского консенсуса», а о необходимости его обновления и дополнения недостающими компонентами.

Китайский путь избежал «шокового обвала», что выделяет его на фоне трансформаций в других странах. Адаптированная к национальной специфике либеральная экономическая политика породила «китайское чудо», уже четверть века обеспечивая огромной стране устойчивый высокий рост ВВП (в последнее десятилетие в среднем на 9 проц. в год). Вместе с тем современные китайские тревоги по поводу социального расслоения и «грабительской» непрозрачной приватизации с помощью инструментов МВО заставляют вспомнить о странах Латинской Америки и СНГ, критикуемых китайской пропагандой за бездумное следование американским экономическим рецептам.

Примечания ¹ Пришедшее к власти в 2002–2003 годах новое руководство Китая в лице Ху Цзиньтао и премьера Вэнь Цзябао лишь в 2005-м завершило переходный период, в течение которого часть полномочий им приходилось делить с прежним лидером страны Цзян Цзэмином. Осенью 2002 года Ху Цзиньтао получил пост генсека ЦК КПК, весной 2003-го он стал председателем КНР, а осенью 2004-го Цзян уступил ему последнюю ключевую должность – председателя Военного совета ЦК КПК. Пост председателя Центрального военного совета КНР перешел к Ху Цзиньтао весной 2005 года.

² В комментарии к итогам октябрьского пленума ЦК КПК 2005 года официальное информационное агентство Синьхуа сообщило о «революционных изменениях» в грядущей пятилетке. О современном положении в КНР было сказано, что 10 проц. самых бедных семей владеют лишь 2 проц. имущества, тогда как 10 проц. самых богатых принадлежит 40 процентов; с 1993-го по 2003-й число людей, не имеющих доступа к страховой медицине, выросло в деревне с 900 млн до 1 млрд, в городе – с 96,53 млн до 300 млн (http://news.xinhuanet.com/english/2005-10/11/content_36061-73.htm).

«Пекинский консенсус» отразил позитивные стороны китайской модели реформ 1980–1990-х годов. Однако быстрое накопление социально-экономических и экологических проблем заставляет Китай искать новую модель преобразований. Привлекательность обновленного варианта «пекинского консенсуса» на мировом рынке реформаторских идей будет зависеть от судьбы «неосоциалистического» проекта Ху Цзиньтао. Если китайские реформы обретут весомую социальную составляющую, тенденция к расширению пропасти между бедными и богатыми будет остановлена и повернута вспять, а экономический рост не замедлится, тогда успешный опыт построения «гармоничного общества» в огромной развивающейся стране действительно может оказаться значимым и за пределами КНР. ■

³ *Чжунгун чжунъян гуаньюй цзяцянь дан дэ чжичжэн нэнли цзяньшэ цзюэдин* (Постановление ЦК КПК об усилении строительства правящей способности партии). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2004. С. 23–26.

⁴ Примером комментаторской литературы о строительстве в Китае «социалистического гармоничного общества» могут служить брошюры, в которых приводятся выдержки из выступлений китайских руководителей и даются разъяснения нового курса. См.: Гоуцянь шэхуэйчжун хэсэ шэхуэй ганьбу дубэнь (Пособие для кадровых работников по построению социалистического гармоничного общества). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2005; Гоуцянь шэхуэйчжун хэсэ шэхуэй сюэси вэньда (Вопросы и ответы по изучению [темы] построения социалистического гармоничного общества). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2005.

⁵ *Кан Сяоган*. Вэйлай 3–5 нянь Чжунго дагу чжэнчжи вэньдинсин фэньси (Анализ политической стабильности в континентальном Китае в будущие 3–5 лет) // Чжаньюэ юй гуаньли. 2002. № 3. С. 15.

⁶ Подробнее о течении «новых левых» в КНР см.: *Китай*: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева. Московский центр Карнеги. М., 2005. С. 89–103.

⁷ Оформление «неосновного течения» в экономической мысли КНР его сторонники относят к сентябрю 1996 года. В настоящее время к активным деятелям этого течения относятся экономисты Ян Фань, Хань Дэцян, Ян Бинь, Лу Чжоулай, Цзо Дапэй. См.: Юй Чжунго фэйчжюлю цзинцзисюэ зяи дуйхуа (Диалоги с китайскими экономистами неосновного течения) / Ред. Мао Цзэнъюй. Пекин: Чжунго цзинци чубаньшэ, 2004. С. 215–216.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ *Цзо Дапэй*. Хуньлуань дэ цзинцзисюэ (Экономика беспорядка). Пекин: Шию гунье чубаньшэ, 2002. С. 2.

¹⁰ В 1988 году Чжан Учан сопровождал Милтона Фридмена в ходе поездки в КНР и даже консультировал американского ученого по вопросам китайской экономической реформы накануне его встречи с тогдашним генсеком ЦК КПК Чжао Цзяном. Радикальные представители «неосновного течения» видят в тех событиях преднамеренную попытку иностранцев повести китайские реформы по пагубному, либеральному, пути.

¹¹ *Синь цзыючжун пинси* (Анализ неолитерализма) / Отв. ред. Хэ Бинмэн. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2004. С. 4.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Гуанмин жибао. 2004. 11 июня.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В первой половине 1978 года прогрессивные китайские теоретики пропагандировали это положение марксизма как альтернативу слепому поклонению установкам Мао Цзэдуна. Вопрос о «критерии истины» обсуждался по всей стране, за 1978 год в центральных и провинциальных изданиях появилось около 700 публикаций на эту тему. Дэн Сяопин использовал такие лозунги, как «опора на факты», «оценка истины на основе практики» и «раскрепощение сознания», для обоснования курса реформ.

¹⁷ *У Шуцин*. Лян чжун гайгэ, лян чжун цзего (Два типа реформ, два типа результатов) // Цюши. 2005. № 4. С. 49.

¹⁸ *Фэйчан цзяофэн*: Гоци чаньцюань гайгэ да таолунь шилу (Необычная схватка: Реальные записи большой дискуссии о реформе прав собственности на государственных предприятиях) / Ред. Дэн Юйвэнь. Пекин: Хайян чубаньшэ, 2004. С. 33–37.

¹⁹ *Дэн Сяопин* вэньсюань. Ди сань цзюань (Дэн Сяопин. Избранные сочинения. Т. 3). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1993. С. 374.

²⁰ *Фэйчан цзяофэн*. С. 3–4.

²¹ Там же. С. 34–35.

²² См.: Лу Чжоулай. Хуэйдао чжэнчжи цзинцзисюэ дэ шидай (Вернуться к эпохе политической экономики) // Ду шу. 2005. № 1. С. 15.

²³ Ван Вэй. Кэгуань, лишидэ чэнжэнь циецяэ дэ гунсянь (Объективно, исторически признать вклад предпринимателей) // Ду шу. 2005. № 1. С. 25.

²⁴ *Фэйчан цзяофэн*. С. 206.

²⁵ Там же. С. 48.

²⁶ *Цзо Дапэй*. Ингай таолунь гэ минбай (Необходимо обсуждать так, чтобы было понятно) // Ду шу. 2005. № 1. С. 13–14.

²⁷ Лю Югуан. Цзинь и бу чжунши шэхуэй гунпин вэньти (Еще больше уделять внимание проблеме социальной справедливости) // Цзинцзи канькаобао. 2005. 19 апр. (<http://theory.people.com.cn/GB/40551/3332319.html>).

²⁸ Наньфан жэньу чжоукань. 2004. № 7. 8 сент.

²⁹ В список «Наньфан жэньу чжоукань» попали экономисты Мао Юйши, У Цзинлянь, Вэнь Тецзюнь, Чжан Учан, Лан Сяньпин и Ван Диндин; юристы Чжан Сыи, Цзян Пин и Хэ Вэйфан; историки Юань Вэйши, Чжу Сюэцин, Цинь Хуэй, У Сы, Сюй Цзилинь, Дин Дун и Се Юн; историки философии Ду Вэймин и Сюй Ююй; политолог Лю Цзюньин; социологи Ли Иньхэ, Чжэн Ефу и Ян Дунпин. В отдельные категории были выделены писатели и деятели искусства, общественные деятели (среди них противники уничтожения старой городской застройки), активисты борьбы за гласность в ситуации с распространением эпидемии СПИДа), работники СМИ и популярные комментаторы. В заключение прилагался почетный список, в который вошли «публичные интеллигенты», уже покинувшие этот мир: Гу Чжунь (1915–1974), Инь Хайгуан (1919–1969), Ван Жошуй (1926–2002), Ван Сяобо (1952–1997), Ян Сяокай (1948–2004), Хуан Ваньли (1911–2001).

³⁰ *Цуй Вэйтин*. Цзинтянь, шуй нэн инсян Чжунго? (Кто сегодня может повлиять на Китай?) (<http://www.people.com.cn/GB/wenhua/27296/2797756.html>).

³¹ *Цзи Фанпин*. Тоуго бяосян кань шичжи — си «гунгун чжиши фэньцзы» лунь (Через проявления видеть сущность — анализ теории «публичной интеллигенции») // Цзефан жибао. 2004. 15 нояб. Перепечатано: Жэньминь жибао. 2004. 25 нояб.

³² *Мао Цзэду*. Избранные произведения. Том 5. Пекин: Изд-во лит-ры на ин. яз. 1977 (на рус.яз). С. 617–618.

³³ <http://www.people.com.cn/GB/jingji/1037/2903211.html>; Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y.: Public Affairs, 2004.

³⁴ При новом руководстве появилась практика публикации сообщений о проведении «коллективной учебы» на заседаниях Политбюро ЦК КПК. На заседание приглашают двух-трех ведущих ученых, которые выступают с сообщениями о современных тенденциях мирового развития и внутрикитайских проблемах. Обычно в ходе мероприятия выступает генсек ЦК КПК, изложение его речи также публикуется официальными СМИ. Первая «коллективная учеба» в Политбюро состоялась 26 декабря 2002 года (менее чем через два месяца после избрания Ху Цзиньтао на пост генсека), она была посвящена изучению Конституции КНР. В августе 2005 года власти сообщили о проведении 24-й учебы на тему «60-летие победы в мировой антифашистской войне».

³⁵ *Ян Таоюань*. Тишэн Чжунго жуань шили: Цзеду чжунъян чжэнчжицзюй ди шисань цы цзити сюэси (Увеличивать «мягкую силу» Китая: Изучая материалы тринадцатой коллективной учебы в Политбюро ЦК КПК) // *Ляован синьвэнь чжоу-кань*. 2004. № 6 (1060). С. 14.

³⁶ *Ramo J. C.* *The Beijing Consensus*. London: The Foreign Policy Center. Spring 2004 (<http://fpc.org.uk/publications/123>).

³⁷ *Financial Times*. 2004. May 8. В конце 2004 года золотовалютные резервы КНР превысили 600 млрд долларов.

³⁸ *Ян Таоюань*. Указ. соч. С. 14.

³⁹ Чжунхуа гуншан шибао. 2004. 18 мая.

⁴⁰ Жэньминь жибао. Хайвай бань. 2004. 7 июля.

⁴¹ Гоцзи цзиньжун шибао. 2004. 28 мая.

⁴² <http://www.media.tsinghua.edu.cn/iwpc/print.php?ID=135&cId=10>.

⁴³ <http://article.joyba.com/html/2005-02-22/7538.shtml>

⁴⁴ Такое мнение высказал экономист Чжао Сяо – руководитель отдела макроэкономики Исследовательского центра Комитета по контролю и управлению государственным имуществом (<http://www.people.com.cn/GB/paper1631/12870/1157164.html>).

⁴⁵ http://www.sh.xinhuanet.com/2004-06/15/content_2317053.htm

⁴⁶ Отметим, что китайские пропагандисты подчеркивают иностранное происхождение термина «пекинский консенсус», связывая его появление с именем Дж. К. Рамо. Вместе с тем китайские авторы стараются не углубляться в биографию американца. 37-летний консультант, журналист и летчик-любитель, побивший несколько американских авиационных рекордов, совсем не соответствует китайскому образу авторитетного профессионального экономиста.

Почему Китай развивается так медленно?

Несмотря на значительные успехи, Китай все же не в полной мере реализует свой потенциал | **МАРТИН ВУЛФ**

О б экономическом развитии Китая люди говорят с благоговением. Но все восторги по поводу его успехов почти неизбежно заканчиваются вопросом: как долго могут сохраняться такие темпы роста? Вопрос очевидный и даже банальный, но вместе с тем не вполне корректный, поскольку он подразумевает, что экономический рост этого азиатского гиганта за последние 25 лет — нечто из ряда вон выходящее. Между тем примечательно не то, что китайская экономика растет так быстро, а, напротив, то, что это происходит так медленно.

Применительно к стране с самыми высокими в мире темпами экономического роста такое утверждение может показаться странным. Но если вспомнить ситуацию в Китае к началу экономических реформ в 1978 году, можно предположить, что его развитие должно было бы идти еще быстрее. Это, в свою очередь, означает, что при выборе правильной стратегии китайская экономика должна не просто сохранить текущие темпы роста, а даже ускорить их.

Те, кто восхваляет экономические достижения Китая, в качестве наиболее убедительного довода приводят растущие показатели валового внутреннего продукта (ВВП). В 1978–2003 годах ВВП Китая в расчете на душу населения ежегодно возрастал на 6,1 проц., что за четверть века составило

337 процентов. Это весьма впечатляющий, однако не рекордный рост. Например, в Японии ВВП на душу населения в период с 1950-го по 1973-й увеличился на 490 процентов. Темпы роста экономики Южной Кореи в 1962–1990 годах были также выше, чем в Китае — 7,6 проц. в год, а на Тайване среднегодовой темп роста в 1958–1990-х составил 6,3 процента.

Может показаться, что сравнивать с экономической точки зрения Китай и менее крупные страны не совсем корректно. Пожалуй, это правильно. Китай должен был бы превзойти их всех. Насколько динамично может развиваться страна, зависит от того, в какой степени она отстает по уровню производительности от наиболее развитых экономик мира. Вот почему каждое следующее поколение «догоняющих» экономик обычно растет стремительнее предыдущего. К моменту начала экономического подъема в Китае его ВВП на душу населения составлял всего 1/20 часть от соответствующего показателя в США. Даже сейчас, после 25 лет устойчивого роста, ВВП на душу населения в Китае составляет всего 15 проц. от ВВП

ПЕРЕВОД СТАТЬИ **МАРТИНА ВУЛФА** (MARTIN WOLF) «WHY IS CHINA GROWING SO SLOWLY?», ОПУБЛИКОВАННОЙ В СПЕЦИАЛЬНОМ ВЫПУСКЕ ЖУРНАЛА *FOREIGN POLICY* (ЯНВАРЬ/ФЕВРАЛЬ 2005 г.). ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ *FOREIGN POLICY* WWW.FOREIGNPOLICY.COM © CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE.

США. В Японии в 1950 году, еще до начала ее рекордного экономического рывка, этот показатель составлял 1/5 от аналогичного показателя США.

Справедливости ради следует сказать, что многие развивающиеся страны догоняют ведущие державы не так быстро, как должны были бы. Но если большинству из них недостает некоторых основополагающих условий, то Китай не может сослаться на это в свое оправдание. В Китае, как и в Японии, Южной Корее и на Тайване, люди приучены усердно трудиться, рабочая сила в этих странах дешевая, и огромное число рабочих можно перемещать из малопродуктивного сельского хозяйства в высокопродуктивную промышленность. Наконец, эти государства политически стабильны и в них действует эффективная власть, для которой развитие страны является главным приоритетом.

“При тех возможностях, которыми располагает Китай, уровень жизни там должен был бы расти быстрее, чем это происходило”.

Помимо этого у Китая есть еще одна отличительная особенность, которой могут похвастаться немногие, а именно чрезвычайно высокий уровень инвестиций. Долгосрочные вложения в основной капитал в Китае составляют 40 проц. от ВВП, и для крупной экономики это, вероятно, самый высокий показатель в истории. Ни одна страна никогда еще не переживала такого притока капитала на этой стадии развития. Например, сейчас ВВП на душу населения (рассчитанный по паритету покупательной способности или в сопоставимых международных ценах) в Китае примерно такой же, какой он был в Южной Корее в 1982-м, на Тайване в 1976-м, а в Японии в 1961 году. Но в указанные годы уровень инвестиций в Японии составлял чуть более 30 проц. от

ВВП, в Южной Корее и на Тайване — менее 30 процентов. Ни одна из этих стран не инвестировала столько средств в свою экономику на соответствующих стадиях развития, как сегодня Китай.

Почему же тогда дела у Пекина идут не так хорошо, как могли бы? Потому что китайская экономика все еще крайне неэффективна. В значительной мере такое замедленное развитие связано с ненасытностью китайских государственных предприятий. В 1993—2000 годах более 60 проц. всех кредитов получали эти принадлежащие государству монстры. О том, какова отдача от этого инвестирования, можно судить по скандально огромному числу невозвращенных займов. По сегодняшним оценкам рейтингового агентства *Standard & Poor's*, китайские банки выдали «плохих» кредитов на сумму около 650 млн дол., что составляет примерно 40 проц. всех невозвращенных займов. Если экономиче-

ский рост, приближающийся в последние годы к 10 проц., порождает столь непомерное количество безнадежных кредитов, то, по-видимому, нерациональное распределение капитала достигает гигантских масштабов. Хотя у Южной Кореи и Тайваня не было такого объема капиталовложений, они добились гораздо большего роста на вложенный доллар. Так обстояло дело и в Японии в период ее наиболее интенсивного развития, а сегодня сходную картину можно наблюдать в Индии.

Противники точки зрения о недостаточно стремительном продвижении Китая станут утверждать, что для создания необходимой инфраструктуры такому огромному государству, как Китай, требуется намного больше капиталовложений, нежели его соседям. Они

также скажут, что неэффективность вполне естественна для страны, которая еще только пытается избавиться от груза социалистического прошлого. Эти доводы хотя и заслуживают внимания, но не опровергают нашего основного суждения: при тех возможностях и капиталовложениях, которыми располагает Китай, уровень жизни там должен был бы расти быстрее, чем это происходило в действительности.

Вывод очевиден. Не стоит думать, будто экономическое процветание Китая представляет собой что-то сверхъестественное или скоротечное. Ни то ни другое не верно. Социальные и политические препятствия для быстрого роста Китая весьма существенны. Но и возможности у этой страны по-прежнему огромны. Вполне вероятно, что впереди у Китая дальнейший подъем экономики и конца ему не видно. ■

Россия между Китаем и Америкой

Трехчленная конструкция Пекин — Москва — Вашингтон вновь приобретает реальные черты | **ДМИТРИЙ ТРЕНИН**

По иронии судьбы принципиальная договоренность о стратегическом партнерстве между Россией и США была достигнута на встрече Владимира Путина и Джорджа Буша в кулуарах саммита АТЭС в Шанхае в октябре 2001 года. Резкий разворот кремлевской политики неприятно удивил тогда китайское руководство. После того как в июле 2001-го между РФ и КНР был заключен «большой договор», в Пекине рассчитывали, что Москва будет продолжать мягко оппонировать Вашингтону: именно такой курс идеально устраивал Китай. Правда, китайские правительственные аналитики поспешили успокоить свое начальство: сближение России и Америки, утверждали они, может носить лишь временный характер, никакого прочного союза между ними не получится, а о членстве России в НАТО и речи быть не может. Между бывшей сверхдержавой и ее удачливым конкурентом, предсказывали аналитики, непременно наступит размолвка — Китаю следует лишь набраться терпения.

Аналитики оказались правы. На протяжении 2002 года Кремль и Белый дом так и не сумели договориться о параметрах своего партнерства. Российское руководство было готово оказать Соединенным Штатам стратегическую поддержку в проведении их политики на международной арене, но лишь в обмен на признание Вашингтоном особых интересов РФ на постсоветском пространстве и на отказ США от попыток влиять на

процессы внутри России. Американцы эти условия отклонили, не предложив Москве со своей стороны ничего, кроме смягчения тональности правительственной критики политики Кремля в Чечне. (При этом сама операция в Чечне не включалась Белым домом в перечень усилий по борьбе с международным терроризмом.)

Сделав осенью 2001-го стратегический выбор, направленный на сближение с США, Кремль так и не сумел выработать стратегию своей политики на американском направлении. Со своей стороны администрация США, приняв вызов международного терроризма, не чувствовала необходимости торговаться и выстраивать на этой основе новую систему партнерств и союзов, подобную той, которая была создана на заре холодной войны. Вашингтон, напротив, поставил другие государства перед дилеммой: или присоединиться к США без каких-либо условий, или остаться в стороне и навлечь на себя подозрения в пособничестве террористам.

Российско-американский саммит в Москве в мае 2002-го, несмотря на сопровождавшую его риторику в духе долговременного «стратегического партнерства», как оказалось, был высшей точкой непродолжительного сближения обеих стран: после московской встречи отношения между Россией и США постепенно пошли на спад.

С августа, когда стало ясно, что администрация Буша приняла решение начать войну в Ираке, в российском истеблишмен-

те усилился скептицизм по поводу перспектив отношений с Соединенными Штатами. В феврале 2003 года под влиянием резкого роста антиамериканских настроений в российских верхах, а также активной дипломатии руководителей Германии и особенно Франции Владимир Путин занял жесткую позицию по иракскому вопросу. После этого «виртуальный альянс» с США окончательно ушел в прошлое. С 2003-го российско-американские отношения вступили в полосу медленного, но неуклонно прогрессирующего охлаждения и взаимного отчуждения. Арест Михаила Ходорковского и «революция

“Забывтая, казалось бы, проблематика российско-китайско-американского треугольника сегодня приобретает новую актуальность”.

роз» в Грузии обозначили два фронта нового похолодания — внутреннюю ситуацию в России и динамику изменений на постсоветском пространстве. Ухудшение отношений с США не было компенсировано, как это случалось раньше (в период косовского кризиса или в конце президентства Билла Клинтона и в первые месяцы правления Джорджа Буша-мл.), сближением России с другой половиной Запада — Евросоюзом. После трех знаковых событий осени 2004 года — теракта в Беслане, выборов в Украине и логического завершения «дела Ходорковского/ЮКОСа» — элемент отмежевания от Запада в политике Москвы впервые за 15 лет стал более важным, чем элемент сближения с ним. Российское руководство выдвинуло лозунг национального суверенитета — «суверенной демократии», — означающий политическую и финансовую независимость РФ от США и ЕС и ограничение западного влияния внутри страны. Одновременно центр тяжести российской внешнеполитической стратегии стал очевидным образом смещаться на восток.

В 2005-м сдвиг в восточном направлении вышел на качественно новый рубеж. Россия не только поддержала — вопреки позиции США и Европейского союза — действия руководства Узбекистана по подавлению мятежа в Андижане, но и заключила с Ташкентом союзнический договор, после того как узбекское правительство лишило США права аренды авиабазы Карши-Ханабад и добилось вывода американского персонала и техники. Тем самым Москва перешла в геополитическое наступление на постсоветском пространстве, впервые восстановив свое влияние в стране, которая в 1990-е преврати-

лась в политического и военного союзника Вашингтона. Теперь «паковать чемоданы» пришлось американцам.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которой РФ и КНР фактически играют роль сопредседателей, впервые и довольно неожиданно заявила о себе как о влиятельной силе. ШОС прямо предложила США «определиться со сроками» свертывания американского военного присутствия в Центральной Азии. Фактически Россия и Китай продемонстрировали США, кто хозяин в Центрально-Азиатском регионе. Хотя Пентагону пока и удалось сохранить присутствие в Киргизии, но удар по престижу США оказался чувствительным. Тогда же принятое решение о присоединении к ШОС в качестве наблюдателей Индии, Пакистана, Ирана и Монголии заставило многих аналитиков, преимущественно российских, говорить о формировании в Азии противовеса НАТО¹.

Проведение летом 2005 года во Владивостоке трехсторонней встречи министров иностранных дел России, Китая и Индии напомнило семилетней давности при-

зыв Евгения Примакова к тесному сотрудничеству в рамках «евразийского треугольника», который тогда казался малоперспективным. Новой версии «треугольника» отсалютовали первые в истории совместные военные маневры с азиатскими державами: в августе – российско-китайские, в октябре – российско-индийские. Первые, привлечшие наибольшее внимание, были лишь слегка прикрыты анти-террористическим камуфляжем. Об убедительности «легенды» никто особенно не заболтался: и Москва, и Пекин таким образом посылали недвусмысленный сигнал Вашингтону – с нами нужно больше считаться.

Рано, конечно, делать вывод о том, что в Азии с участием России формируется «полюс силы», противостоящий Соединенным Штатам и их союзникам. Россия, Китай и Индия – «суверены» мировой политики – выступают каждый сам за себя. Отношения между ними хотя и резко улучшились за последнее время, но пока остаются сложными. Более того, конфронтация с Америкой в планы Пекина и тем более Дели никак не входит. Между США и КНР, несмотря на явные противоречия, существует чрезвычайно высокий уровень взаимозависимости². Индия и США преодолели взаимную настороженность и в 2005-м вышли фактически на союзнический уровень отношений. Тем не менее в геополитической структуре мира уже происходят зримые изменения. Тезис о неуклонном возвышении Китая и Индии (при одновременном упадке Японии, «стратегической неопределенности» Европейского союза и – в перспективе – снижении влияния США) принимается как аксиома. Российское руководство, стремясь утвердить РФ в качестве «суверенной великой державы» в условиях жесткой глобальной конкуренции и геополитического соперничества с США и ЕС на постсоветском пространстве, пытается опереться на страны Востока, прежде всего на Китай, чтобы укре-

пить свои позиции по отношению к Западу. В этой связи забытая, казалось бы, проблематика российско-китайско-американского треугольника приобретает новую актуальность.

Цель предлагаемой вниманию читателя статьи – определить специфику современных отношений Россия – США – КНР и оценить их ближайшие и более отдаленные перспективы. Но прежде об истоках «треугольных взаимоотношений».

Ретроспектива

Треугольник Вашингтон – Москва – Пекин сформировался в начале 1970-х годов. Инициатором его появления стало китайское руководство. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, опасавшиеся после разрыва с Москвой политического и военного давления со стороны СССР, выразили готовность заключить фактический альянс с США на антисоветской основе. Китайские лидеры руководствовались при этом сугубо геополитической логикой. Оказавшись между двух соперничавших сверхдержав, они решили блокироваться с заокеанским «тигром» против того, у кого с Китаем было тогда больше 7 000 км общей границы.

Мао и Чжоу повезло: в президенте Никсоне и его помощнике, а затем госсекретаре Киссинджере они нашли убежденных приверженцев геополитического подхода и искушенных практиков *Realpolitik*. Руководители США поставили цель: не только способствовать сохранению статус-кво между СССР и КНР, но и установить с Пекином и Москвой более тесные и доверительные отношения, чем те, которые существовали между СССР и КНР. Эта цель была достигнута, и США получили свободу геополитического маневра, а также в известной степени контроль над состоянием советско-китайских отношений. Благодаря своему демаршу Китай добился официального признания со стороны Америки. СССР ока-

зался в чистом проигрыше, что было совершенно естественно: треугольник задумывался и реализовывался его архитекторами Вашингтоном и Пекином как инструмент, острие которого было направлено против Москвы.

Обе холодные войны (СССР – НАТО и СССР – Китай) окончились примерно в одно и то же время и по одной и той же причине – размягчения, затем разложения и в конце концов исчезновения Советского Союза. К началу 1990-х Соединенные Штаты оказались единственной сверхдержавой. Для

ле 1996-го была подписана Совместная российско-китайская декларация о стратегическом партнерстве, которую бывший госсекретарь США Генри Киссинджер назвал декларацией независимости РФ и КНР от Соединенных Штатов. Теперь в США возник призрак «оси» Москва – Пекин. В новых условиях острие треугольника разворачивалось уже против Вашингтона.

В США был срочно проведен ряд серьезных многосторонних исследований на тему перспектив российско-китайского сближения. Их результатом стал вывод об *огра-*

“У Китая не было желания — пока страна не набрала достаточного веса — вступить в непосредственное противоборство с Америкой”.

Китая исчезла угроза с севера. Российская Федерация, потеряв по сравнению с СССР в статусе, лишилась и вероятных противников как на западе, так и на востоке. В результате все участники «треугольных взаимоотношений» испытали сильное облегчение (а Россия, возможно, и нечто схожее с головокружением). Треугольник, казалось, навсегда ушел в историю.

Какое-то время казалось, что посткоммунистическая Россия может стать младшим партнером Америки, отношения которой с Китаем становились всё более сложными. В Пекине со своей стороны выражали беспокойство по поводу присоединения России к программам партнерства с НАТО. Уже в середине 1990-х годов, однако, российская внешняя политика испытала разочарование в отношениях с США и Евросоюзом. В российско-западных отношениях произошел поворот, из которого, тем не менее, не было сделано принципиальных выводов. Вместо этого внешняя политика Москвы «легла в дрейф». На практике это нашло воплощение в маятниковой модели балансирования между Западом и Востоком. В апре-

ниченном характере российско-китайского партнерства³. В тот период Китай и Россию можно было бы сравнить с соседями, которые стоят на пограничной меже, не боясь подставить друг другу спину, но глядят при этом в разные стороны: Россия — на запад, Китай — на восток, но оба в направлении США. Несмотря на частичное совпадение фундаментальных интересов Пекина и Москвы, между ними сохранялись серьезные противоречия. Важнейшее значение для Вашингтона имело то, что для обеих стран США являются не только соперником, но и ведущим партнером. Несмотря на громкую риторику, реальная политика России на протяжении 1990-х оставалась вынужденно-прагматичной. Со своей стороны у Китая не было желания, пока страна не набрала достаточного веса, вступить в непосредственное противоборство с Америкой. Пекин считал предпочтительным, чтобы сдерживанием амбиций Вашингтона в таких регионах, как Балканы, Ближний и Средний Восток, а также Центральная Азия и Кавказ, занималась Москва. Так продолжалось вплоть до осени 2001 года.

Россия, а затем и КНР присоединились к созданной Вашингтоном антитеррористической коалиции, руководствуясь сходными по сути, прагматичными интересами. Москва продолжала фронт борьбы с международным терроризмом до Северного Кавказа, Пекин — до Синьцзяна. В то же время между позициями Москвы и Пекина с самого начала существовало принципиальное отличие. Президент России в тот момент фактически пошел на одностороннее прекращение остаточного геополитического и стратегического соперничества с Соединенными Штатами. За этим логично вырисовывалась долгосрочная перспектива — интеграция РФ в институты Большой Европы и евро-атлантического сообщества. Китайское руководство, напротив, по-прежнему предвидело длительный период все более острой конкуренции с США. Речь шла не только о конкретной проблеме Тайваня, но и о будущей роли Китая в Азии и в мире в целом. Для КНР события 11 сентября 2001 года означали дополнительный выигрыш времени в преддверии вероятного масштабного соперничества с Америкой.

Стратегическое решение Путина поддерживать США осенью 2001-го, однако, так и не переросло в стратегию. Споры вокруг «цены поддержки» и *обюродный* вакуум стратегического видения, как уже говорилось выше, быстро завели российско-американские отношения в тупик. Окончательный отказ Кремля от курса на институциональную интеграцию России в атлантические и европейские структуры и установка на превращение РФ в великую державу, сравнимую с США и КНР, потребовали внешней точки опоры. Европейский союз на такую роль не подошел из-за его «рыхлости», только усилившейся в результате территориального расширения. «Ось» Париж — Берлин — Москва, обозначившаяся было в период иракского кризиса, оказалась недостаточно прочной и черес-

чур зависимой от персоналий руководителей государств. Попытка создания «центра силы» в СНГ на основе Единого экономического пространства России, Украины, Казахстана и Белоруссии сорвалась из-за «оранжевой революции» в Киеве. Вынужденно отступая — под натиском США и НАТО — все дальше на восток, кремлевские стратеги вновь обратились к идее тесного сотрудничества с Китаем, а также с Индией. В этом контексте виртуальная трехчленная конструкция Пекин — Москва — Вашингтон стала приобретать некоторые реальные черты.

Вершины и стороны

Нынешний китайско-российско-американский треугольник, конечно, несопоставим по значению с «фигурой», существовавшей в период холодной войны. Соединенные Штаты являются не «стороной» в биполярном мироустройстве, а центром существующей международной системы. КНР только выдвигается на позиции «второй державы», и это выдвижение займет, как минимум, два десятилетия (без учета возможных рисков для внутреннего развития Китая)⁴. Россия, несмотря на риторику ее руководителей, на самом деле впервые за 250 лет встретила начало очередного столетия не как традиционная великая держава, а как страна второго эшелона.

Если «треугольник XX века» был американской конструкцией, позволявшей Вашингтону эффективнее противостоять Москве, одновременно регулируя отношения между КНР и СССР, то геополитическая фигура нынешнего века — конструкция прежде всего китайская. Китай с ее помощью не только укрепляет свои позиции в тот момент, когда он бросает долгосрочный вызов доминированию США в международной системе, но и постепенно становится «старшим братом» для России. Для КНР Россия — это в первую очередь стратегиче-

ский тыл, исключая возможность окружения Китая союзниками и партнерами США. Наряду с этим Россия рассматривается как источник различных дефицитных или уникальных ресурсов, необходимых для укрепления и развития экономического, научно-технического и военного потенциала Китая. Наконец, РФ — возможное и даже вероятное (но не приоритетное) направление китайской экономической экспансии.

“Россия, несмотря на риторику ее руководителей, впервые за 250 лет встретила начало очередного столетия как страна второго эшелона”.

Стратегия Пекина преследует несколько целей. Во-первых, используя «великодержавный комплекс» Москвы, максимально долго сохранять остаточное противостояние России и США на международной арене и тем самым частично ослабить напряжение в китайско-американских отношениях. Во-вторых, руками Москвы «выдавить» американские базы из Центральной Азии, потенциально угрожающие КНР с запада, и создать благоприятные условия для укрепления экономических и геополитических позиций Китая в бывших советских республиках. В-третьих, получить более широкий доступ к природным запасам Сибири, необходимым для дальнейшего быстрого развития экономики КНР, и к современным российским военным технологиям, позволяющим перевооружить Народно-освободительную армию Китая и создать реальный противовес американским войскам, находящимся в Восточной Азии.

Если в 1970-е годы инициатором «треугольного строительства», «просителем» была наиболее слабая вершина — Пекин, а главным бенефициарием — наиболее сильная, то есть Вашингтон, то на нынешнем этапе инициатива тоже исходила от самой слабой стороны — Москвы, но в максималь-

ном выигрыше может оказаться уже Пекин. Концепция «многополярного мира», ставшая популярной в российских политических кругах в середине 1990-х, на практике предполагала взаимодействие России с другими «центрами силы», прежде всего КНР, для уравнивания США. Уже тогда, однако, российским политикам должно было быть ясно, что в связке Москва — Пекин первый в перспективе мог быть только ведомым, а второй,

очевидно, становился ведущим. В середине 2000-х годов Россия, отказавшись стать младшим партнером США, постепенно оказывается в этой роли по отношению к Китаю.

Об этом свидетельствует, в частности, «повышение профиля» Шанхайской организации сотрудничества. ШОС с самого начала означала одно — институционализированное присутствие Китая в Центральной Азии (то есть в зоне интересов РФ). За несколько лет неформальная «шанхайская пятерка» превратилась в международную организацию с собственным секретариатом в Пекине и с китайским дипломатом во главе этого секретариата. Кроме того, Россия предпринимает активные усилия по ликвидации американского военного присутствия в Центральной Азии (что актуально главным образом для КНР). Наконец, характерно, что российско-китайские военные маневры, задуманные в Москве как «полевая выставка русского оружия», реально трансформировались в военно-политическую демонстрацию, адресованную не только Вашингтону, но также и (в соответствии с потребностями политики КНР) Тайбэю и Токио.

Относительная слабость России по отношению не только к США, но и к Китаю — оче-

видный факт⁵. Другое дело, что идея старшинства по отношению к Китаю еще до конца не выветрилась из голов российской властной элиты: пусть Москва Пекину уже не старший брат, но она еще может претендовать на роль старшей сестры. Китайцы не подают виду, но им должно быть смешно слушать и читать все это. Вопрос, в действительности, стоит так: какие выгоды Москва рассчитывает извлечь из «треугольных взаимоотношений», в рамках которых Китай стремится использовать потенциал России для постепенного изменения в свою пользу баланса сил с США?

Необходимость стабильных, добрососедских, взаимовыгодных отношений России с Китаем несомненна. Столь же очевидны важность колоссального китайского рынка и значение торговли с Китаем, особенно для восточных регионов России. Кроме того, КНР — потенциально крупный инвестор и экспортер рабочей силы. Динамика отношений такова, что Китай уже сегодня наиболее важная страна для России после США, а в перспективе (вследствие быстрого роста товарооборота, развития научно-технического сотрудничества и реализации крупных энергетических проектов) значение Китая для России может, как минимум, сравняться со значением Соединенных Штатов.

Особая привлекательность отношений с Китаем, с точки зрения российских руководителей, состоит в том, что Пекин, в отличие от Вашингтона, не критикует Кремль за его внутреннюю политику, а, наоборот, поддерживает «укрепление вертикали власти» и антитеррористическую операцию в Чечне. Пекин проявляет такт по отношению к притязаниям Москвы на роль великой державы, и конкретно — на «зону особых интересов» на постсоветском пространстве. (Это, правда, не мешает КНР активно внедряться в Центральную Азию.) Еще более конкретным обстоятельством является то, что КНР

превратилась в крупнейшего (на 1 млрд дол. в год на протяжении последних 14 лет) покупателя российского оружия и военных технологий.

Очевидно, что, сближаясь с Китаем, Кремль стремится продемонстрировать Белому дому, что у «евразийской державы» есть иные опции, кроме следования в фарватере единоличной политики США и примыкания к аморфному ЕС. Кроме того, устойчивые связи с Пекином (и Дели) дают Москве возможность оспаривать право Запада (США + Евросоюз + Япония) выступать от имени всего «международного сообщества». Нынешняя Россия избегает оппонировать Западу «один на один». Дипломатический союз РФ и КНР в Совете Безопасности ООН действует уже больше 10 лет⁶. По проблемам Косово и Ирака в прошлом, по проблеме Ирана и Северной Кореи в настоящее время Пекин и Москва занимают схожие позиции. Российские руководители надеются, что сближение с Китаем и Индией поможет уравновесить международное влияние Запада. Принимая в Москве премьер-министров стран-членов и наблюдателей ШОС, Владимир Путин заметил, что в этих странах проживают 3 млрд человек, то есть около половины человечества⁷.

Путин, конечно, знает, что из этого числа на долю России приходится примерно 5 проц, и этот показатель из года в год уменьшается как в относительном, так и в абсолютном исчислении. Тем не менее существует, по-видимому, расчет на то, что в сравнении с Китаем РФ все еще обладает определенными преимуществами, которые отсутствуют во взаимодействии с США и Европой. Исторические «заделы» в ядерной энергетике, космосе, авиапромышленности, производстве вооружений — областях, где россияне испытывают жесткую конкуренцию Запада, помогают России добиться приемлемого баланса во взаимоотношениях с КНР.

Более того, совместные проекты в этих областях, как считают в Москве, способны оживить не только отдельные предприятия, но и целые отрасли российской промышленности и в итоге повысить общую конкурентоспособность России, укрепить ее позиции по отношению к США и ЕС. Китай, кроме того, является альтернативным источником финансовых ресурсов. Когда Кремль в конце 2004 года нуждался в средствах для приобретения компании «Юганскнефтегаз» и консорциум западных банков не смог обеспечить обговоренный кредит из-за позиции американского суда, государственная «Роснефть» срочно получила необходимые

тики разрядки с Западом, в новых условиях слишком тесное сближение с КНР может иметь эффект «бегства на Запад» от «объятий Востока».

Такая оценка ситуации и перспектив ее разрешения представляется слишком благодушной. После окончания холодной войны не только в США, но также и в Европе, в России исторически уникальное состояние — отсутствие непосредственных причин для серьезных конфликтов между крупными державами — стали воспринимать как данность и, более того, проецировать в будущее. Возник своего рода синдром «конца истории».

“Идея старшинства по отношению к Китаю еще до конца не выветрилась из голов российской властной элиты”.

средства (около 6 млрд дол.) у китайских госбанков⁸.

Итак, на сегодняшний день «треугольник» объективно в наибольшей степени служит интересам Китая и частично компенсирует неудачи политики Москвы на западном направлении. Соединенным Штатам он не выгоден, но Вашингтон пока что не видит причин для особого беспокойства. Основное внимание американцев сосредоточено на перспективах внутренней и внешнеполитической эволюции КНР, фактор России — за исключением ее роли поставщика энергоресурсов — считается незначительным и имеющим долгосрочную тенденцию к понижению. Кроме того, в США не устают подчеркивать наличие глубинных проблем между Россией и Китаем, а также ссылаться на страхи части российского общества перед гипотетической китайской экспансией. Ход мысли американских наблюдателей, по-видимому, таков. Подобно тому как вооруженное столкновение на советско-китайской границе на реке Уссури в 1969-м подвигло советское руководство к проведению поли-

Между тем ситуация в мире не дает оснований для такого вывода. Да, в Европе, по всей видимости, «вечный мир» стал реальностью. Война между Россией и Германией столь же невероятна, сколь война между Германией и Францией. Невероятны и вооруженные конфликты между Россией и новыми членами НАТО — Польшей, Румынией, даже странами Балтии, несмотря на враждебный фон отношений с некоторыми из них. В Азии ситуация иная.

Действительно, возвышение КНР идет по иной траектории, чем взлет Германии Бисмарка или рост военной мощи и политического влияния СССР после 1945 года. Тем не менее противоречия между Китаем и Японией, Китаем и США не только не уменьшаются по мере расширения и углубления экономического сотрудничества, но и имеют тенденцию к обострению. Если Соединенные Штаты, как центральный элемент современных международных отношений, не сумеют в ближайшие 10–15 лет выстроить систему, включающую всех основных игроков, и в первую очередь Китай, гря-

дуций «многополярный мир» в Азии может стать благоприятной средой для возникновения конфликтов и даже войн⁹. Это обстоятельство необходимо учитывать и творцам российской внешней политики.

Перспективы «треугольных взаимоотношений»

Позиция России осложняется тем, что у Москвы очень мало возможностей существенно влиять на взаимоотношения двух гигантов — главным фактором в рамках «треугольника» являются отношения между США и КНР. Более того, в случае кризиса в Тайваньском проливе РФ рискует попасть в сложную ситуацию: Пекин будет ожидать от Москвы политической и материально-технической поддержки, в то время как Вашингтон — немедленного прекращения поставок российских вооружений Китаю. В результате Россия может оказаться перед неразрешимым выбором между двумя «потенциальными противниками» — Китаем и Америкой.

Разумеется, вероятность такого сценария далеко не стопроцентна. Вашингтон и Пекин будут избегать прямого столкновения друг с другом, «работая» при этом с влиятельными политическими силами в Тайбэе, чтобы исключить возможность провоцирующих шагов со стороны Тайваня. Тем не менее у РФ должна быть наготове линия поведения, безусловно исключающая вовлечение России в американо-китайский конфликт и способствующая многосторонним (с участием других игроков, прежде всего ЕС) усилиям по его предотвращению или прекращению. В частности, военно-техническое сотрудничество РФ и КНР (точнее, продажа российских вооружений, техники и технологий) должно оставаться таким, чтобы не провоцировать Китай на опасные шаги, а Вашингтон — на резкие контрмеры. Аналогичная стратегия должна быть раз-

работана и на случай опасного обострения китайско-японских отношений, которые также имеют «американский аспект».

В общем плане России следует стремиться к более равновесным, но при этом тесным и дружественным отношениям с Китаем, чтобы избежать излишней односторонней зависимости от него. Направлений здесь несколько: развитие экспортной энергетической базы Восточной Сибири и Дальнего Востока для снабжения нефтью и газом — как трубопроводным, так и сжиженным — Китая, Японии, Южной Кореи и Западного побережья США; вовлечение Японии и США, наряду с Китаем и Южной Кореей, в развитие Восточного региона России; расширение базы партнерских отношений с Индией и развитие трехсторонних отношений между РФ, КНР и Индией (вариант «дружбы троим» как инструмента предсказуемости); достижение качественно нового уровня в отношениях с Японией и т. д. Иными словами, чем эффективнее станет развиваться восточная часть России, чем теснее она будет интегрирована в экономическое пространство Азии и Тихого океана, тем больше гарантий того, что Сибирь и Дальний Восток останутся российскими.

Кроме того, необходимо развивать трехстороннее взаимодействие РФ, США и КНР там, где интересы трех стран сходятся: в частности, это касается согласованного противодействия дальнейшему распространению оружия массового уничтожения (Северная Корея, Иран), обеспечения региональной стабильности в Центральной Азии и борьбы с исламистским терроризмом. До сих пор Москва, Пекин и Вашингтон были настолько увлечены «малой игрой» в Центральной Азии, что общие угрозы — от афганского наркотрафика до обстановки в Ферганской долине — оказались оттесненными на второй план. Между тем, если допустить повторение андижанских событий в более крупном

масштабе (например, в случае одновременно начинающихся исламистских выступлений в нескольких городах Ферганской области), у Ташкента и его союзников может элементарно не хватить сил и средств для стабилизации ситуации. Можно радоваться тому, что Узбекистан теперь «в наших руках», но в этих же руках он может и взорваться.

Заключение

Подводя итоги, говорить о равностороннем геополитическом треугольнике не приходится. Асимметрия между его участниками слишком очевидна. Приходится учитывать, что американо-китайские отношения имеют важнейшее значение для современных международных отношений в целом. Возвышение Китая, даже мирное, безусловно бросает вызов доминированию Соединенных Штатов. Американцы этот вызов прини-

“Дух соперничества с США возродился, дух сотрудничества ослаб и едва ли не иссяк”.

мают, хотя долгосрочная стратегия ответа на него у Вашингтона пока что отсутствует. Взаимодействие и с США, и с Китаем более важно для России, чем взаимодействие с Россией для этих стран. Вместе с тем взаимоотношения в треугольнике США — Россия — Китай не являются игрой с нулевой суммой. Плохие отношения между Вашингтоном и Пекином — фактор риска для Москвы, и оказаться между США и Китаем для России крайне опасно: это выбор между молотом и наковальней.

Есть, однако, и другие риски. В обозримой перспективе России вряд ли «угрожает» сближение с Америкой. Политические отношения между двумя странами корректные, но явно холодные. Дух соперничества возродился, дух сотрудничества ослаб и едва ли не иссяк. Экономические связи крайне ограничены и не играют стабилизирующей

роли в периоды политических обострений. В военном отношении Россия по-прежнему рассматривает США в качестве главного вероятного противника. В Пекине, таким образом, могут спать спокойно.

Сближение России с Китаем, напротив, — очевидный факт. Правда, в Вашингтоне по этому поводу пока особенно не беспокоятся. Удивительно, однако, что активное сближение с Китаем воспринимается российской правящей элитой как практически беспроблемное. Создается впечатление, что о Китае решено говорить либо только хорошее, либо ничего. Более того, попытки критически оценить перспективы отношений РФ с КНР иногда воспринимаются в окол властных кругах как «происки США».

Это создает иллюзии, неуместные в общении с поднимающейся великой державой, которая уже превзошла Россию по совокуп-

ной мощи. Проблема еще более усугубляется ограниченностью российского экспертного потенциала. Отечественное китаеведение имеет богатейшие традиции, но оно традиционно развивалось как академическая дисциплина. В наступившем столетии все больше требуются исследования современного Китая, отвечающие конкретным потребностям российских государственных органов, деловых кругов, региональных и местных властей. Китай вполне заслуживает того, чтобы в России об отношениях с ним говорили серьезно и открыто. Это, кстати, прибавит россиянам уважения со стороны китайцев.

Итак, к середине 2000-х Россия политически отделилась от США и Евросоюза и сблизилась с Китаем (и Индией). Вместе с активной энергетической дипломатией, «монетизацией» российской политики на пространстве СНГ, расширением российской вовлечен-

ности в процессы на Среднем Востоке (Иран) и в некоторых других регионах это означает возвращение России как существенного фактора международных отношений. Значение данного фактора, однако, не следует преувеличивать: свобода рук в международных делах во многом является результатом благоприятной конъюнктуры нефтегазовых цен. Тем не менее следует признать: трудная и болезненная адаптация внешней политики Кремля к реальностям XXI века достигла качественно нового уровня.

Поворотным пунктом в российско-американских отношениях в 2001 году стало решение президента Путина не препятствовать размещению американских сил на базах в Центральной Азии. Помимо очевидного расчета на то, что военная операция США в Афганистане снимет угрозу безопасно-

сти России и странам СНГ со стороны талибов и их союзников, одним из резонансных решений было то, что американцы, придя туда на временной основе, сделают регион недоступным для китайцев и тем самым дадут России выиграть время, собраться с силами и занять традиционное для нее место ведущей региональной державы. Поворот 2005-го прямо противоположен по смыслу: Китай и Россия потребовали ухода американцев с бывших советских баз. Узбекский президент, который принял такое решение, в начале совершил визит в Пекин, а затем лишь в Москву. Правда, спустя несколько месяцев он заключил двусторонний альянс с Россией. Региональная динамика, таким образом, является точным отражением глобальных перемен. История не окончилась. Она продолжается. ■

Примечания ¹ Независимая газета. 2005. 20 окт. (встреча Владимира Путина с премьер-министрами стран – участниц ШОС).

² В 2004 г. товарооборот между США и КНР составил около 200 млрд дол. (<http://ru.chinese-embassy.org/rus/fyrth/t179540.htm>), в то время как объем китайско-российской торговли – 21 млрд дол. (<http://www.regnum.ru/news/464354.html>). Огромные средства, которые Китай выручает от экспорта, вкладываются в американские ценные бумаги. Фактически КНР – наряду с Японией и другими азиатскими странами – является гарантом устойчивости обменного курса доллара США.

³ См., напр.: *Limited Partnership* / S. W. Garnett (ed.). Wash.: Carnegie Endowment for International Peace, 2000.

⁴ См. на эту тему: *Kumay*: угрозы, риски и вызовы развитию / Под ред. В. Михеева. М.: Московский центр Карнеги, 2005.

⁵ Обычно ссылаются на колоссальные «ножницы» в совокупной мощи РФ и США, образовавшиеся в результате распада СССР. Между тем сравнение с Китаем еще более впечатляет. В 1990 г. по объему ВВП КНР и Советский Союз находились примерно на одном уровне. Спустя 15 лет Китай обладает в этой сфере трех–четырёхкратным преимуществом.

⁶ Москва и Пекин занимали близкие или идентичные позиции по таким актуальным вопросам международной безопасности, как многолетний кризис на Балканах, отношение к режиму Саддама Хусейна в Ираке, ядерные программы Ирана и Северной Кореи и др.

⁷ См.: <http://www.president.kremlin.ru>. 26 окт. 2005 г.

⁸ Ведомости. 2005. 9 дек. С. Б1.

⁹ Понимание этого можно найти у Ричарда Хаасса. См.: *Haass R. The Opportunity*. N. Y.: Public Affairs, 2005.

Торговый партнер, военный союзник

Эволюция военно-технического сотрудничества между Россией
и Китаем | **АЛЕКСАНДР ГОЛЫЦ**

Когда в 1992 году Москва и Пекин достигли соглашения о поставке российских вооружений в Китай, это стало мировой сенсацией. Некоторые военные аналитики заговорили о вероятности нового союза России и КНР с антиамериканской направленностью. Однако тогда, в самый разгар российско-американского «романа», подобные предположения казались невероятными. Было очевидно, что стороны озабочены не преследованием каких-то глобальных, далеко идущих целей, а пытаются решить вполне конкретные, сиюминутные задачи. После событий на площади Тяньаньмэнь в 1989-м страны Запада ввели эмбарго на продажу оружия Китаю. И это сильно затруднило ограниченную модернизацию китайских вооруженных сил, которая в то время намечалась. Что касается России, то как раз в 1992 году оборонный заказ упал в разы и экспорт вооружений за границу представлялся спасением для хиреющей военной промышленности. Кроме того, поставки вооружений и военной техники (ВВТ) были призваны покончить с атмосферой конфронтации, унаследованной от времен советско-китайского конфликта 1960–1970-х, и продемонстрировать взаимное доверие сторон.

Сегодня ясно, что продажа российских ВВТ с лихвой оправдала связанные с ней ожидания. В трудные для российского оборонно-промышленного комплекса (ОПК) времена экспорт оружия в КНР позволил

выжить не только отдельным предприятиям, но и целым российским регионам¹. С другой стороны, поставки российских вооружений позволили Китаю отложить до лучших времен планы создания современной военной промышленности и тем самым не повторить ошибки советского руководства, которое в течение десятилетий вкладывало огромные ресурсы в обеспечение военного паритета с Соединенными Штатами².

С 1992 года Россия поставила КНР столько вооружений и военной техники, что их хватило бы для оснащения армии среднего европейского государства. За это время Народно-освободительная армия Китая (НОАК) получила 128 боевых самолетов (истребители Су-27 и Су-30 разных модификаций) и 105 комплектов Су-27СК для конечной сборки на авиационном заводе в Шэньяне. В те же годы было продано несколько сотен вертолетов Ми-17. КНР купила для своих ВМС два эсминец класса «Современный», ожидается поставка еще двух таких боевых кораблей, оснащенных противокорабельной ракетой «Москит» (как утверждают российские специалисты, это оружие способно поражать авианосцы). Россия также передала Китаю 12 дизельных подводных лодок проектов 877ЕКМ, 636 и 636М. Кроме того, КНР стала обладателем 12 дивизионов комплексов ПВО С-300 ПМУ-1 и 27 комплексов ПВО «Тор М-1», а поступление еще восьми дивизионов комплекса С-300

ПМУ-2 ожидается в скором времени. Плюс к тому в 2006-м Китаю будет продано 40 транспортных самолетов Ил-76 и самолетов-заправщиков Ил-78³.

КНР долгое время была самым крупным клиентом отечественного ОПК, закупая у него оружия на суммы от 1,2 до 2,8 млрд дол. в год. Впрочем, даже столь масштабные поставки не смогли обеспечить такой уровень военной мощи страны, который привел бы к решительному изменению баланса сил в регионе. Проблема в том, что Россия поставляет Китаю далеко не самые современные вооружения. Истребители Су-27, подводные лодки типа «Варшавянка», эсминцы класса «Современный» — все эти боевые системы были созданы в 1970–1980-е годы прошлого века. Сколько их ни модернизируй, они все равно морально устарели. Именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что в 2005-м, вопреки ходившим слухам, китайцы не заключили новые контракты на поставку российских боевых самолетов. Специалисты предсказывают падение в бли-

Пекин очень искусно ускользал всякий раз, когда Москва пыталась навязать ему (в 1990-е годы довольно неуклюже) признание союзнических отношений хотя бы на словах.

Сегодня же Россия и Китай — ведущие участники оборонных программ Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Как и Москва, Пекин стремится создать с помощью ШОС эффективную систему, способную поддерживать стабильность и безопасность в Центральной Азии. В августе 2003-го впервые в истории отношений обеих стран были проведены совместные антитеррористические учения. На первом этапе они проходили на территории Казахстана, на втором — в КНР. В учениях под кодовым названием «Взаимодействие-2003» приняли участие свыше 1 000 военнослужащих из Казахстана, Киргизии, Китая, России и Таджикистана. Согласно легенде, лайнер, захваченный группой международных террористов, с заложниками на борту вторгся в воздушное пространство Казахстана. Одновременно другая группа боевиков

“С 1992-го Россия поставила КНР столько вооружений и военной техники, что их хватило бы для оснащения армии среднего европейского государства”.

жайшие годы российского военного экспорта в КНР. И причина этого отнюдь не в том, что Россия по военно-политическим соображениям опасается поставлять в Китай новейшее вооружение. Просто в сфере ВВС и ВМС (а именно они интересуют руководителей НОАК в первую очередь) наш ОПК такового предоставить не может — его нет в природе.

Между тем военные контакты обоих государств как раз сейчас стали значительно шире и разнообразнее, выйдя за рамки купли-продажи ВВТ. Еще недавно КНР старательно избегала любых форм военного сотрудничества, кроме военно-технического.

тайно проникла на территорию Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и создала там опорный лагерь для совершения террористических вылазок. Страны — участницы ШОС по дипломатическим каналам и на встрече военачальников высокого уровня договорились предпринять совместные усилия по противодействию террористам.

На первом этапе учениями руководил штаб Восточного военного округа Казахстана, на втором — штаб Синьцзянского военного округа КНР с привлечением полевых и штабных офицеров других стран-участниц. В ходе маневров, которые проводились

в соответствии с договоренностью глав государств — членов ШОС и Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также Меморандумом о совместных антитеррористических учениях, подписанным министрами обороны Казахстана, Киргизии, Китая, России и Таджикистана в мае 2003 года в Москве, отрабатывались не только сценарии военных операций, но и все необходимые в подобных случаях дипломатические процедуры.

Между тем становится очевидно, что Пекин всерьез рассчитывает использовать Россию для решения своей главной внешнеполитической задачи — возвращения Тайваня в лоно Поднебесной. В настоящее время КНР оказывает постоянное военное давление на руководство «мятежной провинции». В опубликованной в декабре 2004-го «Белой книге по вопросам обо-

выглядят первым шагом в данном направлении. Место их проведения было определено не сразу. Первоначально Россия явно склонялась к тому, чтобы провести их по модели антитеррористических учений-2003, но более масштабных, и снова в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Китайские же военные предлагали в качестве места их проведения провинцию Чжэцзян, то есть в непосредственной близости от Тайваня. В конце концов был выбран полуостров Шаньдун, на полигонах которого по иронии судьбы китайские войска десятилетиями отрабатывали методы отражения советской агрессии.

В маневрах, получивших название «Мирная миссия-2005», с российской стороны были задействованы примерно 1 800 военнослужащих: по роте воздушно-десантных войск и морской пехоты, а также два

“Пекин рассчитывает использовать Россию для решения своей главной внешнеполитической задачи — возвращения Тайваня в лоно «Поднебесной»”.

роны» прямо сказано: «Китайские вооруженные силы любой ценой пресекут поползновения Тайваня к провозглашению независимости»⁴. Идет наращивание военной группировки, развернутой в районе Тайваньского пролива, насыщение ее военной техникой. Тем не менее политика силового давления может принести успех, только если Китаю удастся убедить мир в том, что он располагает эффективными средствами, чтобы не допустить вмешательство в конфликт гаранта безопасности Тайваня — Соединенных Штатов. А это означает, что китайцы должны продемонстрировать свою способность воспрепятствовать авианосным группировкам Седьмого флота США войти в Тайваньский пролив.

В этом свете прошедшие в августе 2005 года российско-китайские военные учения

эсминца, большой десантный корабль, два стратегических бомбардировщика Ту-95, четыре дальних бомбардировщика, семь военно-транспортных самолетов, самолет-заправщик и самолет дальнего радиолокационного обнаружения.

С китайской стороны участвовали свыше 10 тысяч солдат и офицеров. К маневрам были привлечены более 10 боевых кораблей разных классов, включая эсминцы, дизельные подводные лодки, десантные суда. Было очевидно, что сценарий учений не соответствует численности привлеченных сил и характеру использованных вооружений. Легенда была составлена таким образом, чтобы не насторожить другие государства: в некоей условной стране происходят столкновения на этнической почве, сопровождаемые актами террора;

Китай и Россия по мандату ООН проводят операцию по разъединению противоборствующих сторон.

Эти «миротворческие учения» включали в себя поиск и уничтожение подводной лодки, недопущение флота противника к побережью, массированные авиационные и артиллерийские удары по вражеской территории. Между тем задача отработки стандартных для миротворчества действий, таких, как прием и размещение беженцев, противодействие массовым беспорядкам, организация контрольно-пропускных пунктов, не была даже поставлена. В результате учения вылились в широкомасштабную операцию по захвату побережья. По сути дела, в ходе маневров российские стратегические бомбардировщики демонстрировали свою способность (пусть теоретическую) сдерживать Седьмой флот США. По-видимому, отечественный ОПК увидел в учениях свой шанс увеличить экспорт вооружений в КНР. Вполне откровенно высказался на этот счет главком ВВС генерал Владимир Михайлов: «Мы могли бы продать часть самолетов

Ty-22М3 и Ту-95 Китаю. Мы их [самолеты Ту-22М3] покажем на совместных учениях, чтобы они ими заинтересовались. Если у них деньги будут, пусть купят»⁵.

В то время как экономический резон участия России в маневрах просматривается вполне отчетливо, военно-политические мотивы российского руководства куда менее ясны. Похоже, что комплекс неполноценности все настойчивее дает себя знать в российской военной политике. Не имея ресурсов для того, чтобы играть действительно существенную роль на азиатской сцене, Россия пытается создать хотя бы видимость своего активного присутствия. Для Китая «Мирная миссия-2005» — элемент сложной игры, в которой угрозы, адресованные США, крупнейшему торговому партнеру КНР, четко продуманы и строго дозированы.

Что же касается России, то логика наращивания военного экспорта в Китай приводит ко все большей ее вовлеченности в военно-политические замыслы Пекина. И в этом таится реальный риск стать разменной картой в чужой игре. ■

Примечания ¹ Например, налоги, которые выплачивало в 1998–2000 годах авиационное объединение КнААПО в Комсомольске-на-Амуре (оно собирало десять боевых самолетов в год для военно-воздушных сил КНР), составляли не менее четверти бюджета Хабаровского края (см.: *Гольц А.* Глубоко эшелонированная оборонка // *Итоги.* 2000. 24 окт.).

² Большинство зарубежных аналитиков полагают, что КНР расходует на оборону гораздо больше средств, чем об этом объявляется официально. В частности, в докладе, размещенном на сайте Министерства обороны США (<http://www.defenselink.mil/news/Jul2005/d20050719china.pdf>), и в «Ежегоднике СИПРИ-2003» (М.: Наука, 2004) сделан вывод, что Китай занимает второе

место в мире по военным расходам. При этом специалисты сходятся во мнении, что основную массу высокотехнологичных вооружений КНР по-прежнему получает от России.

³ См.: *Пять прорывных лет* // *Красная звезда.* 2005. 12 нояб.; *Макшиенко К.* Дан заказ ему на Запад // *Коммерсантъ.* 2005. 16 авг.; *Он же.* Реставрация исторической роли России, роль Китая и инструментарий ВТС // *Главная тема.* № 7. Сент. — окт. 2005; *Кедров И.* Изыскание внутренних резервов // *Военно-промышленный курьер.* 2005. № 46.

⁴ <http://www.china.org.cn/english/2004/Dec/116032.htm#2>

⁵ *Макшиенко К.* Реставрация исторической роли России, роль Китая и инструментарий ВТС // *Главная тема.* № 7. Сент-окт. 2005.

Как нам диверсифицировать экспорт?

В ближайшей перспективе сырьевые отрасли будут по-прежнему доминировать в общем объеме экспорта

КСЕНИЯ ЮДАЕВА

Традиционно внешнеэкономическая политика Российской Федерации была подчинена ее политическим интересам. В последнее время ситуация начала меняться и собственно экономические цели стали играть всё большую роль. Между тем четко выраженных экономических приоритетов во внешнеэкономической политике пока нет, в результате она выглядит путаной и противоречивой. Вопиющим примером этого является усиление риторики о защите отечественного производителя от иностранной конкуренции на фоне предстоящего вступления нашей страны во Всемирную торговую организацию и непрекращающейся дискуссии о привлечении иностранных инвесторов.

Определиться со стратегическими задачами во внешнеторговой политике не так уж и сложно. Приоритеты здесь должны быть расставлены, прежде всего исходя из двух целей: экономического развития и снижения уровня экономических рисков и неопределенностей, возникающих из-за специализации страны на добыче природных ресурсов. На тактическом уровне для достижения второй из этих задач необходимо, во-первых, проводить более четкую энергетическую политику и принимать активное участие в инициативах по стабилизации цен на энергоносители, которые сейчас начинают появляться в мировом сообществе. Если стра-

ны – потребители энергоресурсов стремятся ограничить колебания цен сверху, то для производителей важно ограничить их снизу, и поэтому в данной сфере есть возможность для компромисса. Во-вторых, чтобы колебание цен на энергоносители не оказывало чрезмерного влияния на российскую экономику, в краткосрочной и среднесрочной перспективе должен быть задействован основной инструмент макроэкономической политики – стабилизационный фонд. Что касается среднесрочной перспективы, то необходимо более четко определить возможности и границы диверсификации российской экономики и на этой основе выработать тактические меры внутренней и внешней экономической политики.

Хотя лозунг о необходимости диверсификации экономики весьма популярен как среди проправительственных, так и среди оппозиционных экономистов и политиков, четкое понимание того, что стоит за этим термином, отсутствует. А понимать это необходимо, особенно если учесть, что процессы глобализации способствуют всё большей специализации экономик. На основе анализа процессов, происходящих в мировой экономике, в данной статье делается вывод о том, каковы должны быть цели и масштабы диверсификации российской экономики, и даются некоторые практические рекомендации.

Тенденции в мировой экономике: глобализация и экономический рост в крупных развивающихся странах

Две основные тенденции характеризуют нынешний этап развития мировой экономики: глобализация и экономический рост в крупных развивающихся странах, прежде всего в Китае и Индии. Результаты этих процессов затрагивают все государства, а не только активных «глобализаторов» или быстро растущие развивающиеся страны.

Под глобализацией принято понимать стремительное углубление мировой внешнеэкономической интеграции, происходящее в последние 20–25 лет. В ее основе лежит не только процесс постепенной либерализации внешней торговли, но и изменения в структуре производства, вызванные технологическим прогрессом. Глобализация характеризуется ростом объема мировой торговли товарами и услугами, увеличением объемов и расширением географии перетока финансовых капиталов, а также высоким уровнем интеграции производственных процессов путем создания транснациональных корпораций или передачи отдельных производств на аутсорсинг иностранным компаниям. Производственные процессы разбиваются на отдельные стадии или компоненты, которые размещаются в различных странах в зависимости от сравнительных преимуществ последних. Подобный подход все в большей степени касается не только промышленности, но и сектора услуг. Это происходит на фоне быстрого технологического прогресса, в результате которого значительная часть производственных процессов, еще недавно предъявлявших высокие требования к уровню образования и квалификации работников, становится доступной для перемещения в развивающиеся страны с низкоквалифицированной, но дешевой рабочей силой.

Еще одной важнейшей тенденцией современного этапа развития мировой экономи-

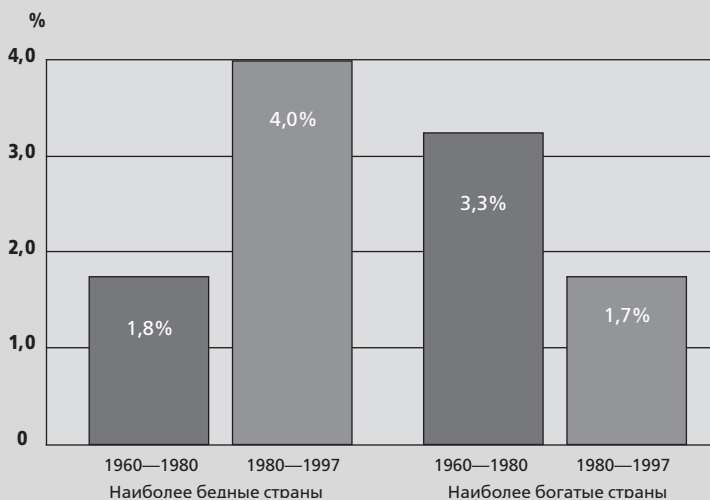
ки является быстрый экономический рост нескольких крупных по численности населения и территории развивающихся стран, в первую очередь Китая и Индии. Согласно расчетам сотрудника Всемирного банка Дэвида Доллара, в 1980–1990-х годах средневзвешенные по количеству жителей темпы роста 20 беднейших стран мира превысили темпы роста богатейших стран, в то время как в послевоенный период наблюдалась обратная картина (см. рис. 1) ¹.

Многие экономисты считают, что причина такого перелома в относительных темпах экономического развития связана с либерализацией внешней торговли в развивающихся странах ². Противники этой теории утверждают, что возможной первопричиной было изменение внутренней экономической политики, которая стала более благожелательной по отношению к бизнесу ³. Но и они не могут отрицать, что быстро растущие развивающиеся страны активно пользуются возможностями, которые предоставляет им глобализация. Торговый оборот этих стран растет, и они довольно успешно привлекают капиталы и технологии с мировых рынков. В результате меняется структура внешнеторговых потоков: в то время как раньше в международном разделении труда развивающиеся страны специализировались на производстве сельскохозяйственной продукции, сырья и традиционных для соответствующей страны товаров, сейчас густонаселенные развивающиеся страны в возрастающей степени используют свое сравнительное преимущество в наличии дешевой рабочей силы. Как следствие, растет доля промышленных товаров в общем объеме экспорта развивающихся стран: если в 1975 году она составляла всего около 20 проц., то к концу 1990-х выросла до 80 процентов ⁴.

Сравнительные преимущества зависят от наличия факторов, характеризующих про-

Рис. 1

ТЕМПЫ РОСТА САМОГО БЕДНОГО И САМОГО БОГАТОГО КВАНТИЛЕЙ СТРАН
(ВЗВЕШЕННЫЕ ПО ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ)

Источник: Доллар (2004)

изводство, и со временем могут меняться. В частности, рост образования приводит к увеличению количества профессиональных работников, что позволяет размещать в развивающихся странах отрасли, использующие высококвалифицированный труд. Особенно успешные из этих стран стремятся не просто использовать свои сравнительные преимущества, а и модифицировать их, все чаще предлагая не только многочисленную и дешевую, но и квалифицированную рабочую силу. Характерным примером этого является Китай. Стремительный экономический рост Китая сопровождается столь же стремительным изменением структуры его экспорта в сторону все более технологичных товаров. К примеру, за четыре года (1998–2002) доля электротоваров и оборудования в общем объеме китайского экспорта увеличилась на 4,4 процентных пункта – с 13,9 до 18,3 процента. При этом доля текстильных товаров несколько снизилась – с 10,1 до 8,5 процента.

Впрочем, последовательное продвижение по «стадиям» экономического развития наблюдалось и в середине XX века, когда мировая экономика представляла собой совокупность относительно закрытых стран. Подобный путь прошли Япония и последовавшие за ней «азиатские тигры». Глобализация же позволила развивающимся странам занять свою нишу одновременно в тех трудоемких секторах экономики, где квалификация работников не очень важна, и в секторах, использующих высокообразованную рабочую силу. Первым государством, показавшим, что такое возможно, стала Индия – бедная страна, которая традиционно специализировалась на продукции текстильной промышленности, где задействованы работники, не имеющие практически никакого образования. При общем низком уровне грамотности в Индии есть относительно небольшая прослойка высокообразованных специалистов в инженерной и тех-

нической сфере. Благодаря им Индия смогла стать одним из пионеров офшорного программирования. В последнее время подобную ситуацию можно наблюдать во все большем числе стран, прежде всего в сфере промышленных инноваций.

В 50–60-е годы прошлого столетия считалось, что прямые иностранные инвестиции приносят в развивающиеся страны устаревшие технологии и выпускают продукцию, которая снимается с производства в развитых странах. До сих пор так и обстоят дела в тех развивающихся странах, где иностранные производства открываются с целью обойти барьеры для импорта и производить товары для внутреннего рынка. Возможно, поэтому в период до начала эпохи глобализации развивающиеся страны стремились расширять собственное производство, пусть и базирующееся на копировании зарубежных образцов, а не привлекать прямые иностранные инвестиции. В современном мире под давлением глобализации иностранные компании все чаще инвестируют не только с целью выхода на внутренний рынок страны — получателя инвестиций, но прежде всего и с целью экспорта в развитые страны. В связи с этим они переносят в развивающиеся страны производство самой современной продукции, а собственные конкурирующие производства в развитых странах просто закрывают. В последние годы наметилась новая тенденция: перенос в развивающиеся страны не только производственных процессов, но и отделов по разработке новой продукции. В работе Диего Пуги и Дэниела Трефлера (2005) приводятся данные о росте количества патентов, которые получают в США представители развивающихся стран на небольшие усовершенствования уже существующих товаров⁵. В последние пять лет количество таких патентов растет лавинообразно, особенно в Китае и Индии. Перенос инновационной деятельности в развивающиеся страны естественно

дополняет перемещение туда передовых промышленных производств: тем, кто непосредственно занимается производством, проще и логичнее дорабатывать и совершенствовать производимую продукцию самим, а не обращаться за этим в головной офис компании.

Транснациональные корпорации начали перемещать инновационную деятельность в развивающиеся страны, когда там стало расти число специалистов с высшим инженерным образованием (полученным как в самих развивающихся странах, так и в ведущих университетах развитых стран). В данном процессе одним из лидеров является Китай: если в 1975 году в этой стране не было возможности получить ученую степень в научной или инженерной сфере, то в 2003-м докторскую (PhD) степень в научных либо инженерных дисциплинах получили более девяти тысяч человек. Качество образования пока еще оставляет желать лучшего, но оно существенно повышается со временем. Уже сейчас в Китае есть университеты, которые входят в список лучших университетов мира по техническим специальностям.

Кроме наличия высококвалифицированных инженеров, перенесение инновационной деятельности в развивающиеся страны обусловлено присутствием там профессиональных менеджеров, знакомых с западными методами управления. Превращение Индии в страну офшорного программирования было осуществлено представителями индийской диаспоры в США, которые имели контакты как среди индийских программистов, так и среди американских заказчиков. Китай по количеству перенесенных на его территорию процессов доработки промышленных товаров опережает, к примеру, Таиланд. Пуга и Трефлер связывают это в том числе с тем, что в Китае, во многом благодаря влиянию Гонконга, широко распространены современные методы управления производством и научными разработками.

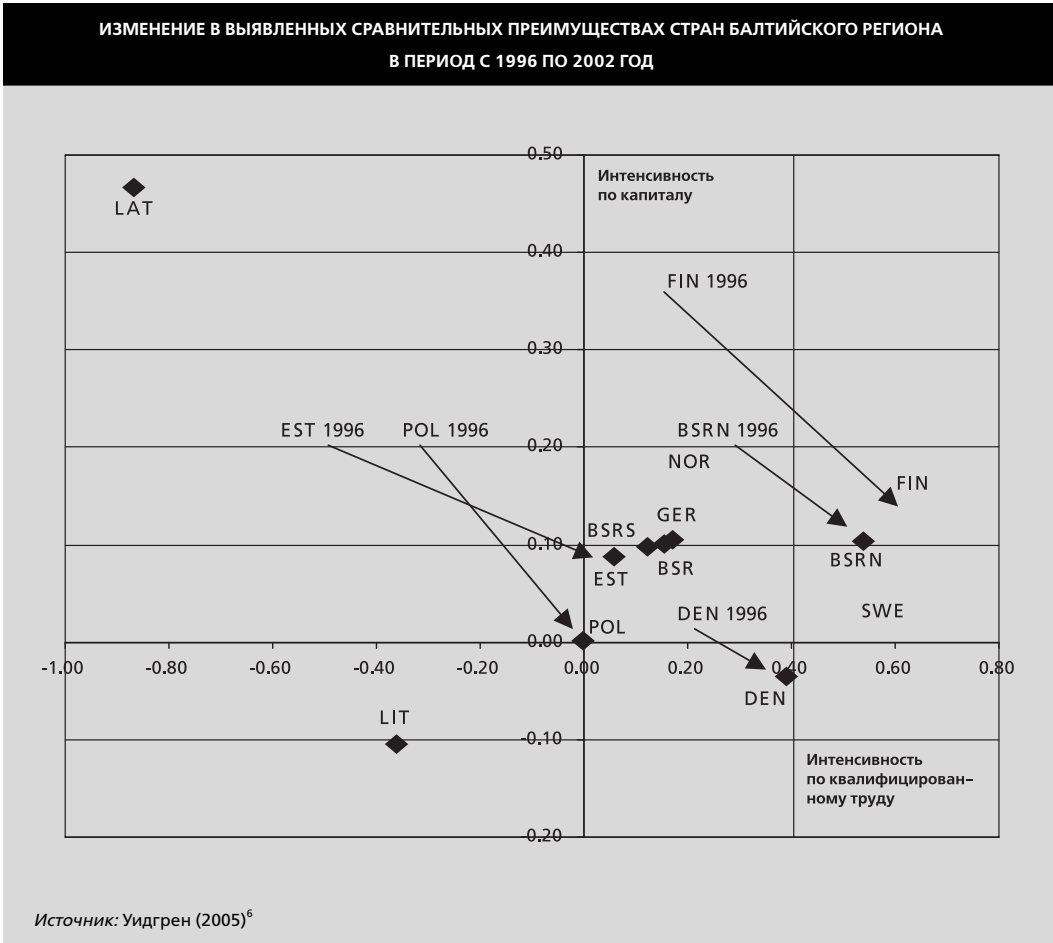
По мере распространения в развивающихся странах отраслей, ориентированных на производство промышленных товаров, снижается относительная доля этих производств в развитых странах, а также в тех развивающихся странах и государствах с переходной экономикой, которые находятся на сравнительно высокой стадии экономического развития. Обычной реакцией на рост конкуренции со стороны экономически менее развитых соседей является переход к производству и продаже на международных рынках все более технологичных товаров, что требует широкого применения высококвалифицированного труда. На рис. 2 этот процесс проиллюстрирован для стран Балтийского региона, куда входят государства Балтии, Скандинавии, Польша и Германия. На графике показано изменение относительной капиталоемкости и интенсивности использования квалифицированного труда при производстве товаров, которые экспортируют соответствующие страны. Учитываются изменения, произошедшие в период с 1996 по 2002 год. Из графика видно, что страны региона либо практически не менялись с точки зрения капиталоемкости и эффективности использования квалифицированного труда, либо там происходило смещение в пользу производств, требующих усиленного применения квалифицированного труда и относительно меньших капиталовложений. В среднем выявленные сравнительные преимущества данного региона переместились в сторону отраслей, более интенсивно использующих квалифицированный труд и менее капиталоемких. Грубо говоря, вместо того чтобы производить металл, эти страны стали специализироваться на разработке и производстве сотовых телефонов.

Однако с накоплением в развивающихся странах собственного научного потенциала и повышением уровня образования и квалификации кадров развитым странам будет все

сложнее удерживать технологическое лидерство. Характерным примером является программистская отрасль в США, которая переживает структурные изменения в связи с возросшей долей аутсорсинга. Некоторые экономисты уже сейчас предсказывают возможную потерю Соединенными Штатами своего технологического превосходства⁷. Относительный рост числа квалифицированных кадров в развивающихся странах неминуемо приведет к выводу туда части высокотехнологичных отраслей из США. Европейские страны с большей вероятностью смогут удержать свои позиции, поскольку там инженерные профессии престижнее, чем в Америке. Тем не менее конкуренция с развивающимися странами с годами будет только усиливаться. Возможно, со временем развитым странам придется частично сменить свою специализацию. Доля этих стран в производстве и разработке высокотехнологичных товаров снизится, а их роль, к примеру, как производителей сырья и сельскохозяйственной продукции возрастет.

Процессы глобализации, технологического прогресса и экономического роста в развивающихся странах имеют еще одно последствие. С ростом производительности труда в промышленности увеличивается доля сектора услуг в общей занятости. При этом в промышленности и некоторых сферах услуг распространено явление возрастающей отдачи от масштаба (*increasing return to scale*), которое предполагает, что увеличение затрат на производство ведет к непропорционально большому росту выпуска. Возрастающая отдача от масштаба возможна на уровне предприятия, в этом случае эффективнее оказывается достаточно крупное предприятие, поскольку при значительном объеме производства издержки на единицу продукции ниже. Во многих отраслях, связанных прежде всего с получением новых знаний, возрастающая отдача возникает на отраслевом

Рис. 2

уровне. В таком случае можно наблюдать процесс кластеризации отрасли. Типичным примером этого является Силиконовая долина. Возрастающая отдача от масштаба требует, чтобы в производстве определенной продукции или услуг в одном конкретном месте было занято значительное число людей. В результате экспорт продукции отдельных стран или регионов в рамках крупных стран становится все более специализированным.

Изложенные выше тенденции описывают процессы, которые имеют место в мировой экономике на протяжении последних 20–25 лет. Но какова вероятность того, что

эти процессы продолжатся, а не будут свернуты или приостановлены? Нынешняя волна глобализации не первая: подобные процессы происходили в конце XIX – начале XX века, но после Первой мировой войны мир на десятки лет вступил в эпоху торговых войн. Некоторая угроза сворачивания или замедления глобализационных процессов, вероятно, действительно существует. В первую очередь она связана с возможным ростом протекционизма со стороны развитых стран, поскольку попытки структурной перестройки вызывают недовольство работников тех отраслей, которые стали неконкурентоспо-

собными. Нельзя исключить и замедление экономического роста в Китае, экономику которого многие специалисты считают перегретой. Представляется, однако, что и то и другое если и произойдет, то, скорее всего, будет иметь временный характер и общая тенденция к глобализации и изменению экономического веса различных регионов мира сохранится. Радикальных перемен на основных направлениях мирового экономического развития можно ожидать только в случае роста напряженности между основны-

рыночной экономике было связано с ожиданиями, что Россия станет поставщиком товаров, в производстве которых используется труд средней и высокой квалификации. По этому пути пошли страны Восточной Европы и Балтии, но в отношении России эти надежды не оправдались. Не подтвердилось и предположение, что Россия сможет выступать на международных рынках как разработчик и производитель наукоемких товаров. За исключением некоторых видов вооружений Россия наукоемкую продукцию

“При разработке российской внешнеэкономической стратегии имеет смысл рассматривать подъем Азии в качестве основного сценария”.

ми центрами политической силы. Подобно тому как Первая мировая война спровоцировала в начале прошлого века нарастание протекционистской экономической политики в мировом масштабе, политические конфликты, скажем, между США и Китаем могут остановить и повернуть вспять процессы глобализации. Оценить вероятность крупномасштабных конфликтов — дело политологов, но большинство экономистов исходят из того, что в ближайшие годы такие конфликты не возникнут. При разработке российской внешнеэкономической стратегии на ближайшие 10 лет имеет смысл рассматривать дальнейшую глобализацию и подъем Азии в качестве основного сценария.

Диверсификация российской экономики

В отличие от быстро растущих азиатских стран Россия в международном разделении труда специализируется преимущественно на торговле энергетическими и другими природными ресурсами. Их доля в общем объеме экспорта составляет более 75 процентов. Такая специализация была свойственна и Советскому Союзу. Начало перехода к

не экспортирует, хотя по качеству образования ведущие российские технические институты и университеты находятся на довольно высоком по мировым меркам уровне. Если Россия что-то и экспортирует в этой сфере, то только сами «мозги». Является ли сырьевая ориентация фактором, тормозящим экономическое развитие России? Почему России не удалось задействовать в международном разделении труда высококвалифицированные научные и инженерные кадры? Что нужно делать, чтобы изменить ситуацию?

Большинство российских экономистов и политиков негативно воспринимают сырьевую специализацию страны, поскольку они полагают, что сырьевые экономики не способны к развитию. Между тем этот вывод никак не следует из экономической теории. Естественно, в странах, специализирующихся на природных ресурсах, доля занятости в обрабатывающей промышленности будет ниже, чем в тех, которые вынуждены закупать сырье за рубежом. Открытие и разработка природных ресурсов, а также увеличение объемов добычи приводят в связи с ростом мировых цен к частичному сворачиванию промышленного производства, тру-

довые и капитальные ресурсы из которого перетекают либо в сырьевой сектор, либо в сектор услуг. Этот эффект, получивший название «голландская болезнь», сопровождается одновременным ростом благосостояния населения. Жалобы на «голландскую болезнь» часто перерастают в предложение остановить производство энергоресурсов и сконцентрироваться на чем-то другом. Очевидно, что если такую политику действительно осуществить, то население сразу же станет намного беднее. И наоборот, в современном мире, где стремительно набирает темпы развитие крупных и бедных ресурсами стран, растет спрос на сырье, что обеспечивает производителям последнего стабильно растущий доход. В известном смысле производители сырья находятся в более благоприятном положении, чем развитые страны, которые вынуждены принимать меры по изменению своей специализации, поскольку сталкиваются со все возрастающей конкуренцией со стороны развивающихся стран. Кроме того, спрос сырьевых компаний на научные разработки повышается, а сырьевая отрасль является одной из самых капиталоемких отраслей промышленности. Поэтому говорить о том, что сырьевая специализация может привести к снижению научного потенциала, неверно.

Негативное отношение к сырьевой специализации, видимо, имеет исторические причины и связано с тем, что в последние 50 лет наиболее значительных прорывов в своем развитии добывали страны, где природные ресурсы практически отсутствуют: это прежде всего Япония и последовавшие ее примеру Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Китай и другие азиатские страны. Между тем анализ экономической статистики позволяет сделать вывод, что такой путь развития далеко не единственный. Действительно, в среднем в последние 20–30 лет страны, специализирующиеся на

энергоресурсах или металлах, развивались медленнее, чем те, специализацией которых является промышленное производство. Однако экономические исследования показали, что причины данного явления лежат не столько в экономике, сколько в политике. Государства этих стран, как правило, озабочены распределением сырьевой ренты, а не экономическим развитием. В результате экономики стагнируют⁸.

В тех случаях, когда проблему развращающего влияния сырьевой ренты на политику государства удается решить, богатые сырьем страны развиваются столь же успешно или даже более успешно, чем страны – производители промышленной продукции. В современном мире можно найти примеры интенсивно развивающихся и вполне развитых богатых стран, специализирующихся преимущественно на экспорте сырья и сельскохозяйственных товаров. Помимо Норвегии к сырьевым странам относятся, например, входящая в число развитых стран Австралия, а также Чили, в 1980-х годах служившая образцом для других развивающихся стран. В Норвегии три главные статьи экспорта распределяются следующим образом: доля энергоресурсов составляет около 55,6 проц., на прочие сырьевые продукты, металлы, деревообрабатывающую и бумажную промышленность приходится 11,5 проц. и на экспорт рыбы – 6,4 процента. В Австралии в начале 2000-х суммарная доля сырьевых и сельскохозяйственных продуктов составляла 57 проц., из них доля энергоносителей – 20 процентов. В Чили медь до сих пор составляет почти 28 проц. от всего экспорта, а суммарная доля сырьевых и сельскохозяйственных товаров в экспорте превышает 70 процентов.

Важно отметить, что названные выше Австралия и Чили принимали специальные меры на государственном уровне, направленные на развитие новых отраслей и некоторую диверсификацию экономической дея-

тельности. Приведенные в предыдущем абзаце данные относятся к началу 2000-х годов, то есть к тому времени, когда эти страны, как считают их собственные эксперты и иностранные специалисты, уже достигли существенных успехов по диверсификации экономики. Следует интерпретировать эти данные как свидетельство того, что политика диверсификации сырьевой экономики в современном мире может иметь лишь весьма ограниченный успех. Более того, известные случаи

компонентов, предъявляемых к прямым иностранным инвесторам. Развитие по этому сценарию может решить проблему обеспечения работой людей, не занятых в нефтегазовом секторе. Но не стоит на сей счет обольщаться, полагая, что развитие импортозамещения ослабляет зависимость России от цен на нефть. Вспомним СССР, экономика которого, вследствие своей закрытости, включала многочисленные отрасли промышленного производства, работавшие на внутрен-

“Политика диверсификации сырьевой экономики в современном мире может иметь лишь весьма ограниченный успех”.

успешной диверсификации, в частности развитие производства вина и лосося в Чили, охватывают другие сельскохозяйственные либо сырьевые отрасли, а не отрасли промышленного производства. В глобализованном мире, где в активный внешнеторговый оборот включаются всё новые страны, уровень специализации отдельных стран будет возрастать, а возможности диверсификации — сокращаться. Вследствие этого необходимо при проведении политики диверсификации ясно понимать ее цели, возможности и границы и на этой основе выбирать адекватные средства воздействия на экономику.

Какие же цели преследует политика диверсификации в России? Чаще всего желаемым результатом представляется создание производственной базы для всех возможных секторов промышленности. Упор при этом делается на развитие импортозамещения, что ведет к протекционизму, который становится все более распространенным и четко прослеживается в действиях правительства, например в проводимой под давлением отраслевых лоббистов политике по повышению импортных тарифов или в требованиях об использовании отечественных

ний рынок. Такая структура производства была крайне неэффективной, поскольку не использовала преимущества международного разделения труда. Вместе с тем это не сделало экономику менее зависимой от внешних потрясений, вызванных изменениями нефтяных цен. Ведь именно с падением цен на нефть во многом связан экономический кризис второй половины 1980-х, который явился катализатором политических перемен. Наблюдаемое сейчас в России развитие импортозамещающих производств является следствием роста доходов населения из-за высоких цен на нефть. Совокупный потребительский спрос вырос одновременно как на импорт, так и на отечественные товары, что сделало отрасль производства потребительской продукции чрезвычайно выгодной для инвестирования. Снижение нефтяных цен, скорее всего, повлечет за собой крах значительной части импортозамещающей промышленности. Не стоит забывать и о том, что с точки зрения экономической теории развитие отраслей посредством искусственного возведения внешнеторговых барьеров в большинстве случаев ведет к снижению благосостояния населения по сравнению со сценарием открытой торговли.

Более серьезного внимания заслуживают другие обоснования диверсификации, в частности довод о том, что российская экономика слишком сильно зависит от конъюнктуры мировых рынков энергоносителей и диверсификация нужна, чтобы уменьшить размах колебаний доходов, обусловленных этой зависимостью на уровне как государственного бюджета, так и населения. То, что колебания сырьевых цен оказывают негативное влияние на экономику, подтверждается и теорией, и реальными фактами. Другое дело, что повлиять на амплитуду колебаний можно несколькими способами. Если отвлечься от возможности создания международного механизма по стабилизации сырьевых цен⁹, то обеспечить устойчивость доходов можно либо за счет диверсификации экспорта, либо путем диверсификации финансовых активов. Последнее уже происходит в рамках Стабилизационного фонда или частным образом в результате покупки активов в ино-

центов¹⁰. Даже если принять во внимание, что значительная часть оставшейся рабочей силы занята в секторе услуг и производстве других товаров, не являющихся предметом международной торговли (например, в строительстве), остается еще простор для развития нескольких других отраслей, производящих товары, которые пользуются спросом на международных рынках.

Для того чтобы процесс диверсификации не только увеличивал занятость, но и снижал зависимость экономики от колебаний цен на энергоносители, необходимо, чтобы в России появились новые экспортирующие отрасли, спрос на продукцию которых по возможности не зависел бы от цен на нефть или, что еще лучше, возрастал бы в случае их падения. В ближайшей перспективе вряд ли удастся быстро добиться того, чтобы несырьевые отрасли доминировали в общем объеме экспорта. Невозможно в такой мере изменить свое сравнительное преимущество,

“В глобализованном мире уровень специализации отдельных стран будет возрастать, а возможности диверсификации — сокращаться”.

странной валюте, что включает в себя и «бегство капитала». Достаточно ли для стабилизации доходов в России одной финансовой диверсификации, или нужна еще и диверсификация экспорта? Можно сформулировать вопрос иначе: есть ли у России возможность диверсифицировать экспорт таким образом, чтобы это привело к стабилизации доходов? Ведь если страна действительно заражена «голландской болезнью», то это может оказаться затруднительно.

Несмотря на высокую долю нефтегазового сектора в экспорте (она составляет около 55–65 проц. в зависимости от цен на нефть), его доля в промышленном производстве невелика — около 17 проц., а в занятости просто ничтожна — около 2–3 про-

да это и не требуется. Но повышать степень диверсификации экспорта как по товарной номенклатуре, так и по странам-получателям — задача вполне реальная.

Какие меры государственной политики способствуют этому? Обратимся к примеру Австралии. За последние 10 лет эта страна увеличила общие объемы экспорта и диверсифицировала не только товарную структуру, но и направления экспорта. С этой целью она активно привлекала прямые иностранные инвестиции. Информационная поддержка экспортеров, то есть предоставление информации о торговой политике других стран, стала одной из важнейших задач Австралийской торговой комиссии. Более того, правительство Австралии пытается

ся активно поощрять экспортную деятельность малых предприятий и даже выдает им гранты, частично компенсирующие расходы на продвижение продукции за рубежом. В результате сейчас страна экспортирует не только сырье, но и продукцию высокотехнологических отраслей, таких, как биотехнологическая, информационная и телекоммуникационная, а также оснащение для экологически чистых производств (очистители воды, оборудование для вторичной переработки сырья и производства электроэнергии из возобновляемых ресурсов). Кроме того, за эти годы вырос экспорт услуг, прежде всего туризма и образования. Что касается географической диверсификации, то к традиционным австралийским партнерам прибавились страны Ближнего Востока и Южной Америки. Китай, как и многие другие азиатские экономики, также развивается преимущественно за счет стимулирования экспорта. Именно степень диверсификации экспорта, а не снижение уровня внешней конкуренции для отечественного производителя считается в этих странах основным целевым показателем внешнеэкономической политики и мер по привлечению иностранных инвесторов.

Какие именно российские отрасли могут стать экспортно ориентированными? Учитывая конкуренцию со стороны Китая, Индии и других стран, относительно дешевая рабочая сила не может считаться сравнительным преимуществом России. Скорее наоборот, рост реального курса рубля делает ее сравнительно дорогой даже с поправкой на возможную разницу в квалификации. Поэтому не стоит ожидать, что Россия сможет экспортировать широкий ассортимент промышленных товаров. Однако она вполне может занять определенное место в этом направлении экспорта. Здесь возможны различные сценарии: к примеру, специализация на одном виде продукции или на одном

из производственных сегментов, включенных в длинную цепочку по выпуску широкого круга товаров. Развивающиеся, как, впрочем, и развитые, страны, на современном этапе активно привлекают для совершенствования таких производств прямых иностранных инвесторов. По этому пути стоит идти и России, что требует некоторой коррекции сегодняшнего экономического курса. В частности, следует уделять больше внимания расширению экспорта и привлечению в Россию тех иностранных производителей, которые будут выпускать продукцию для продажи не только на внутреннем рынке, но и за рубежом.

Определенную роль в данном процессе может сыграть и государство, поощряя экспериментаторство в рамках государственно-частного партнерства. Примером такого подхода является Фонд Чили, опыт которого широко обсуждается в нашей стране. Напомню, что из этого фонда, сформированного в значительной степени на государственные деньги, но управляемого по преимуществу представителями бизнеса, выдавались льготные кредиты на оригинальные проекты. Развитие в Чили таких отраслей, как производство лосося и вина, считается заслугой этого фонда.

Осмелюсь предположить, что, развивая промышленное производство, Россия не сможет существенно снизить свою зависимость от конъюнктуры рынков энергоносителей. Вполне вероятно, что одной из ниш, которую займет Россия в производстве и экспорте промышленных товаров, будет производство оборудования для топливно-энергетического комплекса. Исходя из этого, России следует попробовать развить некоторые другие сравнительные преимущества, к которым, по всей видимости, относятся сельское хозяйство — традиционная отрасль российского экспорта, развитие которой теоретически возможно благодаря наличию боль-

ших запасов плодородной земли, смежные с сельским хозяйством отрасли (например, пищевая) и отрасли, использующие научный потенциал. Учитывая описанное выше стремительное развитие инновационного сектора в Китае и Индии, предпринимать шаги по развитию наукоемких секторов в России нужно немедленно. Что для этого необходимо? Само понятие «сравнительное преимущество» предполагает, что сектор производства научных знаний не только будет коммерциализован (эта задача уже поставлена в рамках обсуждаемого сейчас проекта реформы науки), но и станет экспортно ориентиро-

и совместных разработках с компаниями из развитых стран, но и о возможной специализации России как «генератора идей» для того же Китая в тех сферах, где мы еще опережаем его по уровню научного потенциала.

Заключение и основные выводы

Россия в дальнейшем, как и раньше, будет специализироваться на экспорте энергоносителей. Такая специализация отнюдь не делает Россию уязвимой и неспособной к экономическому развитию. Наоборот, это дает ей возможность стать одним из богатейших государств мира, от которого зависит

“Снижение нефтяных цен, скорее всего, повлечет за собой крах значительной части импортозамещающей промышленности”.

ваным. В связи с этим недостаточно навести порядок в сфере интеллектуальной собственности и передать права на интеллектуальный продукт его разработчикам. Необходимо ослабить и упорядочить требования к секретности, продукции двойного назначения и т. д. Влияние военных и спецслужб в этом секторе должно быть ограничено, чтобы сделать возможным использование большинства научных разработок для развития не только оборонно-промышленного комплекса, но и страны в целом. Второй важный аспект связан с привлечением в наукоемкий сектор эффективных менеджеров, способных организовать производственный процесс и обеспечить поиск зарубежных контрактов. На практике это может означать привлечение специалистов, имеющих опыт работы за границей, или даже иностранцев. Именно наличие таких менеджеров дало толчок развитию офшорного программирования в Индии и превращению Китая в «доработчика» промышленного дизайна, созданного в развитых странах. Что касается рынков сбыта, то стоит задуматься не только о поставках продукции

развитие экономик других стран. Однако, как и любая узкая специализация, концентрация на энергоносителях делает российскую экономику зависимой от колебаний мировых цен на эту продукцию. Для сглаживания колебаний России необходимо продолжать политику диверсификации финансовых активов в рамках Стабилизационного фонда. Кроме того, нужно принимать меры по снижению зависимости российской экономики от спроса на одном и том же рынке, а именно европейском, и повышать степень диверсификации рынков, на которые экспортируется российская продукция.

Принимая во внимание, что Россия по численности населения является довольно крупной страной, а доля ТЭК в занятости невелика, государство располагает достаточными ресурсами, чтобы частично диверсифицировать экспорт и тем самым сделать менее ощутимым влияние на российскую экономику со стороны цен на основную экспортную продукцию. Диверсификация экономики путем, к примеру, развития импортозамещения этой проблемы не решает.

Поскольку у России — в сопоставлении с Китаем и Индией — почти нет преимуществ в области производства промышленной продукции, то не стоит ожидать, что она может стать экспортером широкого ассортимента промышленных товаров, однако у нашей страны есть возможность сосредоточиться на узком круге таких товаров. Кроме того, Россия обладает сравнительными преимуществами в лесной промышленности и в сельском хозяйстве¹¹. К сожалению, политика протекционизма не способствует росту

которые могут быть использованы в военных целях, и, во-вторых, в области привлечения в этот сектор квалифицированных менеджеров, имеющих контакты за рубежом. Следует учитывать, что сравнительным преимуществом в секторе производства знаний Россия обладает по отношению как к развитым странам, поскольку может производить научные разработки дешевле, так и к развивающимся государствам, у которых еще нет равноценного человеческого капитала. Следовательно, данный сектор должен быть ориентирован

“Развивая промышленное производство, Россия не сможет существенно снизить свою зависимость от конъюнктуры рынков энергоносителей”.

экспорта. Государство должно прибегнуть к другим мерам. Прежде всего необходимо проводить активную политику по заключению торговых договоров с другими странами об открытии рынков для российского экспорта. Во-вторых, нужно привлекать в Россию иностранных инвесторов, которые намерены производить товары на экспорт. В целях привлечения инвестиций следовало бы упростить визовый режим со странами — членами Организации экономического сотрудничества и развития. В отношении отечественных производителей необходимо усилить информационную поддержку и более активно осуществлять политику, направленную на установление торговых связей. Меры внутренней политики, призванные повысить уровень квалификации работников и менеджеров, тоже могут способствовать развитию в России экспортно ориентированных производств.

Россия располагает также возможностями для реализации своего преимущества в секторе производства знаний, однако это потребует существенных усилий по двум направлениям: во-первых, в сфере прав интеллектуальной собственности и секретных разработок,

на экспорт в обоих направлениях. При этом не стоит забывать о необходимости поддерживать качество человеческого капитала, устанавливая связи с учеными, инженерами и конструкторами за рубежом.

Готово ли современное Российское государство, а точнее, правительство проводить подобную политику? К сожалению, опыт последних лет дает отрицательный ответ на этот вопрос. Наше правительство явно не готово рассматривать Россию как крупного экономического игрока, активно интегрирующегося в международные глобализационные процессы. Защитить отечественного производителя от международной конкуренции, развивать производство, ориентированное на внутренний рынок, ограничить доступ иностранных производителей в стратегические отрасли, не допустить, чтобы олигархи продавали свои активы иностранным инвесторам, а также ужесточить визовую политику в отношении граждан развитых стран, в том числе и бизнесменов, — эти и другие лозунги «экономического патриотизма» пронизывают выступления наших политиков на экономические темы. В эпоху глобализации такая позиция является прои-

грышной. Не участвуя в международной конкуренции, не производя товары для мировых рынков, нельзя стать конкурентоспособным. Пока российские государственные деятели

не поймут это, они будут по-прежнему считать свою страну ущербной только из-за того, что она является крупнейшим экспортером важнейшего из сырьевых ресурсов. ■

Примечания ¹ *Dollar D.* Globalization, Poverty, and Inequality since 1980 // Policy Research Working Paper Series. No. 3333. The World Bank, 2004.

² *Dollar D., Kraay A.* Trade, Growth and Poverty // The Economic J. Vol. 114. Iss. 493. Feb. 2004. P. F22–F49(1).

³ См., напр., статью об Индии: *Rodrik D., Subramanian A.* From «Hindu Growth» to Productivity Surge: The Mystery of the Indian Growth Transition. Harvard Univ., 2004 (*mimeo*).

⁴ *Dollar D.* Globalization, Poverty, and Inequality since 1980.

⁵ *Puga D., Trefler D.* Wake up and Smell the Ginseng: The Rise of Incremental Innovation in Low-Wage Countries // NBER Working paper. No. 11571. 2005.

⁶ *Widgren M.* The Factor Content of Baltic Sea Region's Revealed Comparative Advantage. Turku School of Economics, 2005 (*mimeo*).

⁷ *Freeman R. B.* Does Globalization of the Scientific/Engineering Workforce Threaten US Economic Leadership? // NBER Working Paper. No. 11457. 2005.

⁸ *Sala-i-Martin X., Subramanian A.* Addressing the Natural Resource Curse: An Illustration from Nigeria: IMF Working Paper. WP/02/139. 2003.

⁹ Предложения по созданию такой системы содержатся, напр., в книге: *Bergsten F. C.* and *The Institute for International Economics.* The United

States and the World Economy: Foreign Economic Policy for the Next Decade // Inst. for International Economics. Jan. 2005.

¹⁰ По данным Федеральной службы статистики в январе – феврале 2005 г. на добычу всех топливно-энергетических полезных ископаемых (включая уголь) приходилось 1,3 проц. общей занятости, на производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов – 0,3 проц. и на производство, передачу и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды – 2,5 процента.

¹¹ Наблюдая сегодняшнее тяжелое положение российского сельского хозяйства, трудно предположить, что наша страна может обладать сравнительным преимуществом в этой области. Однако вспомним, что в начале XX века Россия была одним из крупнейших экспортеров зерна. Ситуация в сельском хозяйстве ухудшилась с началом коллективизации. По сравнению с реформами отношений собственности в промышленности восстановление этой отрасли после начала реформ происходит медленно. В последние несколько лет в некоторых сферах сельского хозяйства намечился подъем и Россия вновь стала экспортировать отдельные виды сельскохозяйственной продукции, хотя и в небольших объемах. Россия богата плодородными землями, и стоит ожидать, что в будущем ее репутация как сельскохозяйственного экспортера восстановится.

Перед лицом иммиграции

Соседство Китая поможет решить общероссийскую проблему острого дефицита рабочей силы

ЖАННА ЗАЙОНЧКОВСКАЯ

Как только в 1992 году Россия «открыла двери», китайцы сразу же устремились в нашу страну, организовав бойкую торговлю ширпотребом по всей ее территории, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке — вдоль российско-китайской границы. Здесь произошел настоящий миграционный взрыв. Напористость китайцев, их неприветливость, легкость, с какой они осваивались в любом городе России, с одной стороны, растерянность и смтение, вызванные их неожиданным вторжением у местного населения, — с другой, привели к тому, что призыв «желтой опасности», актуальный в начале прошлого века ¹, вновь ожил и приобретает все более грозные очертания. Иммиграция вообще и китайская иммиграция как ее весомая составляющая стали настоящим «яблоком раздора», разменной картой выборных кампаний, водоразделом идеологических течений. Это происходит вопреки тому, что размеры китайского присутствия в России, как увидим ниже, остаются скромными и более или менее постоянными. Но при этом масштаб проблемы сильно возрос, контекст расширился. Еще недавно китайская иммиграция рассматривалась преимущественно как «внутреннее дело» Дальневосточного региона. Сейчас ясно, что она имеет огромное значение для будущего всей страны.

Данная статья — попытка взглянуть на китайскую иммиграцию с этих позиций и проследить, как меняется отношение к ней в России.

Зачем России иммигранты?

Проблема иммиграции возникла в тесной связи с демографическим кризисом и рассматривается как одна из главных мер по его преодолению.

Демографы единодушны относительно будущего населения России. И эксперты ООН, и Государственный комитет РФ по статистике, и исследователи — как отечественные, так и зарубежные — прогнозируют резкую убыль его численности. Согласно среднему варианту прогноза Госкомстата, сделанному на основании данных переписи-2002, население России к 2026-му уменьшится до 137 млн человек при условии некоторого прогресса в рождаемости и средней продолжительности жизни, а также подъеме иммиграции со 175 тыс. человек в среднем за год в 2006–2010 годах до 415 тыс. в 2025-м. Если же сохранятся современные тенденции, численность населения может упасть до 125 млн человек ².

Как известно, население России убывает с 1992 года — уже в течение 14 лет. Но до сих пор этот процесс не затрагивал трудоспособные возрастные контингенты. Напротив, на фоне нисходящей тенденции, характерной для общей динамики населения, численность его трудоспособной части росла, причем весьма заметно. Так удачно складывалось соотношение поколений, входящих в трудоспособный возраст и выходящих за его пределы. В 2006-м этот рост заканчивается. Затем начнется стремительная естественная убыль трудоспособного населения: в 2007

году она будет сравнительно небольшой — около 300 тыс. человек, но уже в следующем увеличится в два раза, а в 2010—2018 годах сокращение превысит 1 млн человек в год. В период до 2026-го суммарная естественная убыль трудоспособного населения достигнет уровня в 18 с лишним млн человек. Если сравнить эту цифру с численностью занятых в экономике России, составляющей 67 млн человек, становится очевидно, что ситуация чрезвычайно серьезна. Убыль трудоспособных континентов прогнозируется вплоть до середины века³. Исходя из этого, можно утверждать, что в ближайшей перспективе труд будет одним из самых дефицитных, если не самым дефицитным ресурсом в России.

Чтобы восполнить столь резкое сжатие трудоресурсного потенциала, иммиграция должна быть существенно увеличена; более того, она превращается в стратегическое направление миграционной политики России.

Учитывая, что население в трудоспособном возрасте составляет около 2/3 миграционного потока, в предстоящие два десяти-

способность России уже подтверждена прошлым опытом. Как показала перепись-2002, Россия, принявшая за 1989—2000 годы 11 млн человек, вышла по количеству приезжающих в страну иммигрантов на третье место в мире после США и Германии. В 1975—1988 годах Россия (РСФСР) приняла 13 млн иммигрантов.

В рассматриваемой перспективе миграция приобретает, без преувеличения, определяющее значение для России. Это второй вывод. От того, насколько страна справится с задачей привлечения необходимого количества иммигрантов, зависят темпы ее экономического развития, уровень жизни населения, социальный климат, региональные пропорции развития, размеры страны и ее целостность. Справляемся мы с этой задачей или нет, будет ясно уже в течение предстоящего десятилетия.

По инициативе президента РФ буквально в последние месяцы наметился разворот миграционной политики России: решено создать более благоприятные условия для приема иммигрантов, что свидетельству-

“В 2007 году в России начнется стремительная естественная убыль трудоспособного населения”.

летия потребовалось бы более 25 млн иммигрантов, чтобы полностью возместить естественные потери трудоресурсного потенциала России⁴. Такая огромная иммиграция едва ли может быть обеспечена даже при самой активной и либеральной миграционной политике, не говоря уже о том, что она чревата дестабилизацией социальной обстановки. Вместе с тем приведенный расчет хорошо иллюстрирует масштаб проблемы.

Отсюда следует, что в первой половине XXI века Россия окажется среди государств, принимающих наибольшее количество иммигрантов. Высокая абсорбционная

ет об адекватной, пусть и запоздалой реакции федеральной власти. Уже сделаны первые шаги, призванные упростить для иммигрантов процедуру правового оформления; кроме того, правительство намерено облегчить легализацию незаконных мигрантов и либерализовать законодательство. Однако в общественном мнении по данному вопросу согласия нет.

Иммиграционная концепция развития России постоянно подвергается нападкам. Между тем официальное заявление о том, что приток иммигрантов необходимо увеличить, совпало с избирательной кампани-

ей в Московскую городскую думу. Это подлило масла в огонь: миграция стала самой популярной темой во всех средствах массовой информации. К сожалению, суть проблемы, ее демографическая и экономическая подоплека практически не обсуждаются. Вместо этого раздувается антииммигрантская истерия. «Россия останется без русских?»⁵, «Мигранты завоюют Россию?»⁶, «Народным единством — по инородному»⁷ — заголовки периодических изданий говорят сами за себя. В пылу предвыборной борьбы дело дошло до публичных оскорблений и унижений мигрантов, продемонстрированных по ТВ в агитроликах партии «Родина».

“В ближайшей перспективе труд будет одним из самых дефицитных, если не самым дефицитным ресурсом в России”.

Pro et contra с Александром Лариным

Известный историк-синолог Александр Ларин в своей недавней книге энергично оспаривает иммиграционную концепцию, считая ее «концепцией крайнего толка» и называя меня ее автором и главным идеологом⁸, от чего я, впрочем, не отрекаюсь. Вступить с Лариным в открытую полемику побуждает меня не столько желание ответить на упреки в свой адрес, сколько стремление показать несостоятельность приводимых в книге контраргументов, которые типичны и уже поэтому требуют более детального обсуждения.

Начнем с тезиса о необходимости поддержания численности населения страны, который автор считает «произвольно выбранным приоритетом». «Кто... сказал, — пишет он, — что главным приоритетом для государства должно быть именно поддержание численности населения любой ценой, любыми средствами, вплоть до допуска “на постоянной основе” миллионов чужаков?» И далее:

«...можно ли (на этой основе. — **Ж.З.**) переориентировать на 180 градусов миграционную... политику?...»⁹. И вот контраргумент: «Приоритетом, наверное, должен быть вывод страны из кризиса, улучшение качества жизни — тогда со временем можно надеяться и на рост численности населения». Как говорится, кто бы спорил.

Между тем опыт развитых стран опровергает предположение о наличии прямой зависимости между уровнем экономического развития и естественным воспроизводством населения. Здесь зависимость как раз обратная. Если большинству этих стран удается до сих пор либо поддерживать численность

своего населения, либо обеспечивать его небольшой (а в США даже значительный) рост, то исключительно благодаря постоянному притоку иммигрантов. Нет оснований надеяться, что и в нашей стране экономический рост сам по себе способен переломить демографические тенденции. Это, конечно, не значит, что не стоит предпринимать усилия в данном направлении, но нет гарантии, что они увенчаются успехом именно в отношении роста населения.

По существу, аналогичный подход характерен и для тех оппонентов, кто отстаивает приоритет повышения уровня рождаемости перед иммиграцией. Аргументы в пользу иммиграции они, как и Александр Ларин, считают не объективно обусловленной потребностью страны, а «заказной и, вероятно, хорошо оплаченной кампанией»¹⁰, происками иностранных организаций и фондов, «которые проводят прямо противоположную нашим интересам линию демографической политики»¹¹. В качестве альтернативы

вы выдвигается политика повышения рождаемости.

Дело, однако, в том, что все три составляющие демографического процесса — рождаемость, смертность и миграция — равно важны для воспроизводства популяции. Их недопустимо выстраивать по приоритетности, и воздействовать на них необходимо *одновременно*.

Оставим за рамками данной статьи споры по поводу возможностей прямого воздействия государства на рождаемость. Допустим, что в нашей стране, вопреки мировому опыту, усилия увенчаются успехом и рождаемость заметно поднимется. Но как прожить предстоящие 20 лет, пока родившиеся подрастут и в массе своей вольются в рынок труда? 20 лет — это если рождаемость начнет быстро повышаться прямо «завтра», а скорее всего, придется ждать и все 30 лет. Как в течение этих десятилетий обеспечить «улучшение качества жизни» и найти средства для стимулирования рождаемости и оздоровления населения? Кто заработает эти средства? Такими вопросами против-

трудовых ресурсов (в случае, если он не будет восполнен иммиграцией).

Недавние бунтарские выступления молодых потомков иммигрантов во Франции ярко продемонстрировали социальные риски, сопряженные с масштабной инокультурной иммиграцией. Безусловно, нечто подобное может случиться и у нас. Однако, взвешивая все за и против, нельзя игнорировать риски, которые находятся на другой чаше весов: экономический спад, а значит, падение уровня жизни, стагнация и даже снижение заработной платы, доходов и пенсий, нарастание бедности. При отсутствии иммиграции людям, которым сейчас примерно по 40 лет, просто нечем будет платить пенсию. К сожалению, эти очевидные и крайне болезненные последствия стремительного сокращения численности трудоспособного населения, как правило, остаются вне дискуссионного поля. А ведь они-то и представляют собой настоящую угрозу, в частности, для целостности страны.

Таким образом, иммиграция, а значит, и поддержка численности населения — это не

“Если не будет иммиграции, людям, которым сейчас примерно по 40 лет, просто нечем будет платить пенсию”.

ники иммиграции себя не утруждают, очевидно полагая, что экономика как-то выкрутится.

Расчеты убеждают, что это невозможно. Рост производительности труда, который мог бы компенсировать ожидаемое сокращение числа россиян трудоспособного возраста, недостижим не только в России, но и в любой из самых высокоразвитых стран мира. Даже довольно амбициозные проекты роста производительности труда — на уровне 7,2 проц. в год — приводят к потерям ВВП, превышающим 10 трлн рублей в период до 2020 года¹², причем именно из-за дефицита

«произвольно выбранный приоритет», как полагает автор, а суровая необходимость, непереносимое условие нашего развития.

Хотелось бы рассмотреть еще один из распространенных контрдоводов против иммиграции, принадлежащий, правда, не Ларину. Вот как он звучит в устах Анатолия Иванова, депутата Государственной думы: «Те средства, которые придется затратить на обустройство иностранных рабочих с семьями, лучше потратить на улучшение условий российских трудящихся»¹³. Или такой пассаж: «...приедут, допустим, 300 тыс. иммигрантов. Им же будут нужны квартиры и дома. Где взять

это жилье, как его и за какие деньги произведсти?»¹⁴

Патерналистский взгляд на миграцию в принципе ошибочен. Мигранты не иждивенцы, они сами зарабатывают и сами, как и местные жители, должны заботиться о своем обустройстве — за исключением вынужденных мигрантов, нуждающихся в помощи. Муниципалитеты, например, могли бы получать хороший доход, строя дешевое жилье гостиничного типа и сдавая его в аренду мигрантам. То же касается и крупных работодателей.

Представления о потребительстве мигрантов отнюдь не безобидны. Они разжигают у принимающего сообщества мигрантофобию, создавая миф о повышенном внимании к «чужим» в ущерб «своим».

Разумеется, это не означает, что государство должно отстраниться от решения проблем мигрантов. Правда, от него требуется

действовать быстрее. Нерешительность грозит ростом незаконной миграции и коррупции на миграционной ниве, так как работодатели, чтобы сохранить бизнес, вынуждены будут действовать в обход законов.

Почему китайцы?

В ожидании иммиграционной волны активизировались надежды на возвращение «своих» — русских, «соотечественников» из постсоветских стран¹⁵. В бывших советских республиках осталось 18 млн из 25,3 млн русских, проживавших там в 1989 году. Из них 8,2 млн человек живут в Украине, 4,1 млн — в Казахстане, 1,2 — в Белоруссии, более 1 млн — в Узбекистане. Чисто арифметически, казалось бы, этого ресурса России должно хватить по крайней мере лет на 20. Но, по оценкам большинства экспертов, максимальный миграционный потенциал русской диаспоры не превышает 4 млн человек,

“Максимальный миграционный потенциал русской диаспоры не превышает 4 млн человек”.

не прямая помощь приезжим, а создание правовых и административных условий для их приема и интеграции. В компетенцию государства входят разработка адекватного законодательства по приему мигрантов — их регистрации, предоставлению им вида на жительство, гражданства; порядок трудового найма мигрантов; развитие рынка жилья; установление партнерских отношений со странами — донорами рабочей силы; создание стимулов для формирования информационной и рекрутерской сетей; надзор за соблюдением прав мигрантов и др. Важным является вопрос о разделении функций и ответственности между центром и регионами, государством и работодателями.

В настоящее время некоторые из перечисленных проблем не решены в должной мере, к другим еще не приступали. Необходимо

которые сосредоточены главным образом в Казахстане и Узбекистане.

Некоторые оценки достигают 5,2 млн человек. Они рассчитаны исходя из предположения, что в Россию будут иммигрировать русские также и из Украины, и из Белоруссии¹⁶. Но едва ли стоит ожидать увеличения притока русских из Украины, где сосредоточена основная часть диаспоры. Напротив, есть реальные предпосылки для возобновления в будущем миграционного потока из России в Украину, как это не раз бывало в прошлом. Украина всегда была привлекательной для россиян, а демографический кризис там еще более глубокий, чем в России. В Белоруссию же русские выезжают и сейчас.

По нашей оценке, основанной на социологических замерах, проведенных разными институтами, миграционный потенци-

ал титульных и других народов стран СНГ не превышает 6–7 млн человек в период до 2025 года. Есть и более пессимистические оценки — как и у русских, максимум 4 млн человек¹⁷. Таким образом, в ближайшей перспективе страны СНГ и Балтии в общей сложности могут «закрыть» около половины российского спроса на трудовые ресурсы и существенно смягчить ситуацию с рабочей силой. Но и этот потенциал привлечь не так просто. Для этого необходима безотлагательная либерализация миграционной политики.

В любом случае, чтобы компенсировать возникающий демографический дефицит, неизбежно придется прибегнуть к масштабной иммиграции из других стран.

В качестве доноров, безусловно, хотелось бы видеть страны, близкие нам в культурном отношении. Например, страны Восточной Европы. Но на этот источник трудовых ресурсов надеяться не стоит. Конкуренция на глобальном рынке иммигрантского труда очень высока, и соперничество это будет только нарастать. Вплоть до середины нынешнего века с Россией будут конкурировать США и Европейский союз. Россия в этой тройке — аутсайдер. Поэтому ее выбор ограничен преимущественно странами Юго-Восточной и Южной Азии и, вероятно, арабского мира.

Конечно, необходимо стремиться по возможности диверсифицировать миграционный поток по странам исхода, но при этом очевидно, что у китайцев, наших непосредственных соседей, нет серьезных конкурентов. Китайцев, по крайней мере тех, кто живет в северо-восточных провинциях, не отпугивает российский климат, они с успехом работают даже в сельском хозяйстве, а соседское положение расширяет их осведомленность о российском рынке труда, имеющих возможностях и правилах поведения, а также облегчает контакты с россиянами. Тем самым по сравнению с другими иммигран-

тами шансы китайцев на переезд в Россию резко увеличиваются. Этому способствуют и поездки россиян в КНР, которые численно в два раза превосходят поток из Китая. Так, в 2004-м российские граждане совершили 1 765 тыс. поездок в КНР, тогда как граждане Китая в Россию — 813 тыс. поездок¹⁸.

Сколько китайцев в России?

Исследовательские оценки единовременного китайского присутствия в России довольно стабильны: 200–300 тыс. человек в пограничных регионах (конец 1996 г.), 200–450 тыс. (1999) и максимум 400–500 тыс. человек (2002), сосредоточенных в основном на Дальнем Востоке и в Московском регионе. По самым свежим оценкам, среднегодовое число китайцев определяется в 306 тыс. человек, общее число побывавших в России в течение года — 800 тыс., из них находились в России от одного до четырех месяцев 432 тыс. человек, не менее десяти месяцев в году — 136 тысяч. В основном это торговцы, строительные и сельскохозяйственные рабочие. Местные оценки китайского присутствия гораздо умереннее. По расчетам Виктора Ларина, на Дальнем Востоке их всего 25–30 тыс. человек. Перепись-2002 зафиксировала в России 35 тыс. китайцев. (См. эти и другие данные: *Витковская Г. С., Зайончковская Ж. А.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: Надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской, Д. Тренина. М.: Московский центр Карнеги, 1999. С. 98; *Гельбрас В. Г.* Китайская реальность России. М., 2001. С. 40; *Он же.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004. С. 36; *Мукомель В.* Экономика нелегальной миграции в России // Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2005. № 92; *Ларин В. Л.* Китайская миграция на Дальнем Востоке // «Мост через Амур»: Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара. М.: Иркутск, 2004. С. 109.)

Размеры китайской миграции в Россию довольно скромны (см. подверстку на с. 77). Тем не менее до сих пор не удается изменить сложившиеся преувеличенные представления о количестве граждан КНР в России, в том числе и миф о двух миллионах китайцев на Дальнем Востоке, запущенный в 1993 году газетой «Известия»¹⁹ и дружно подхваченный местной прессой. Попутно сообщалось, что в пограничных городах китайцы уже теснят русских. Несмотря на то что даже в период, когда пересечение границы было свободным и, по оценке администрации, максимальная среднесуточная численность

китайцев в Приморском крае не превышала 150 тыс. человек²⁰, миф оказался очень живучим и не изжит до сих пор.

Не ясно, была ли статья в «Известиях» политической провокацией или результатом безграмотного расчета. Вероятно, и то и другое. Как бы то ни было, но в обществе сложилось устойчивое представление о китайской экспансии как о уже свершившемся факте. Оно стало одним из главных инструментов нагнетания страха перед лицом китайской угрозы.

Масштабы «нашествия» быстро разрастаются. Так создается питательный бульон для ксенофобии, заранее формируется агрессивная среда для мигрантов, и в результате иммиграционная политика рискует остаться без общественной поддержки. В таком случае она обречена на крах, а Россия — на экономический упадок в лучшем случае, а в худшем — на хаос и распад.

Наперекор господствующим страхам перед «китайским нашествием» синолог Андрей Островский утверждает, что «вряд ли следует ожидать интенсивной миграции из Китая на территорию России»²¹, поскольку ее затормозит быстрое повышение уровня жизни и расширение предложения работы на рынке труда в КНР. Но едва ли это предостережение касается текущей четверти века: избыток рабочей силы в Китае слишком велик. Сам автор указывает на излишки труда, равные 10 млн человек, только в трех северо-восточных провинциях страны, а общую безработицу (включая и скрытую) оценивает в четверть трудоспособного населения²².

Значительная часть населения КНР — крестьяне (44 проц.)²³, которые, конечно же, будут стремиться в города, в том числе и в российские. Пройдет несколько десятилетий, прежде чем рассосется этот резерв. Несмотря на экономический взлет Китая, для многих его жителей Россия еще доволь-

Мифы о китайском нашествии

Еще и в 1998 году, через 5 лет после того как миф был запущен «Известиями», о 2 млн китайцев в Приморье пришлось услышать в администрации Уссурийска, а также из уст офицера погранзаставы. Реальная оценка на основе пассажиропотоков вызывала замешательство, поскольку планка китайского присутствия тут же опускалась до десятков тысяч. Столь сильна была сохранившаяся вера в центральную прессу, что даже лица, располагавшие всей информацией для взвешенных оценок и к тому же вполне доброжелательно настроенные по отношению к китайцам, осознававшие выгоды для своего региона от их присутствия, не пытались критически осмыслить сообщение «Известий». Позднее, в 2004-м, газета «Российские вести» сообщила, что граждан КНР в России, по неофициальным данным, около 3,4 млн человек и они «уже сегодня занимают в России четвертое место после русских, татар и украинцев» (см.: *Жантiev Д.* Европа и Россию ожидает наплыв иммигрантов // *Российские вести.* 2004. 19 мая). Еще «страшнее» безответственный прогноз Л.К. Аксенова: «Если сейчас на 150 россиян — 1 китаец, то лет через 50 будет наоборот: на 1 россиянина — 150 китайцев» (*Известия.* 2005. 19 дек.). А вот совсем свежий пример. Член-корреспондент РАН, известный эколог Алексей Яблоков заявил на телеканале НТВ 27 ноября 2005 года, будто на Дальнем Востоке «в 10 раз больше китайцев, чем русских».

но долго будет оставаться привлекательной страной. Но так будет не вечно: Китай быстро урбанизируется благодаря индустриализации, базирующейся на научно-информационных технологиях²⁴. Тем самым создаются благоприятные возможности для карьерного и профессионального роста. По расчетам Министерства труда КНР, приводимым Островским, скрытая безработица в стране в 2010 году составит 16,9 проц., в 2020-м – 10,9, в 2030-м – 7,6–9 процентов²⁵. Но при этом численность безработных только в городах Китая к 2020 году может достичь 90–130 млн человек²⁶.

С Островским следует согласиться, по крайней мере, в том, что Россия может рассчитывать на приток из Китая главным образом неквалифицированной рабочей силы с низким уровнем образования. Что касается привлечения квалифицированных китайских иммигрантов, то заслуживает внимания идея Вили Гельбраса. Он предлагает сделать ставку на выпускников китайских школ, открыв им доступ в российские вузы и средние профессиональные учебные заведения, в том числе на кредитной основе. Благодаря этому Россия получит молодую квалифицированную рабочую силу, владеющую русским языком и адаптированную к нашим условиям. Вероятно также, что часть выпускников захочет остаться в России²⁷.

Китайцы на Дальнем Востоке: экспансия или допинг?

Дальний Восток (особенно его южная часть) сильнее всего ощущает китайский демографический пресс, тем более что связи региона с остальной частью страны значительно ослабли. Переход на рыночные отношения резко удлинит экономическое расстояние между востоком и западом России, почти вытеснив Дальний Восток с внутреннего рынка и тем самым придвинув его к странам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Оторванность от староосвоенной России и соседство страны с более чем миллиардным населением, отягощенное памятью о противостоянии с Китаем, порождают у местных жителей чувство тревоги; чаще всего оно проявляется в страхе перед демографической экспансией. Эти опасения подогреваются огромной, более чем 10-кратной, разницей в плотности населения на приграничных территориях обеих стран, а также очень протяженной «демографической пустыней» на нашей стороне («пустыня» тянется от Байкала вдоль китайской границы до Хабаровска, имеет среднюю плотность населения 2–3 чел./км² и включает лишь отдельные очаги заселенности).

Феномен китайской экспансии на Дальнем Востоке, как правило, подразумевает заселение территории региона, так сказать, явочным порядком, не спрашивая согласия принимающей стороны. В экспансионистском контексте движущей силой китайской иммиграции являются исключительно интересы Китая. Дескать, нам китайцы не нужны, а они всё едут и едут²⁸.

Для Китая эмиграция собственного населения, несомненно, является насущной необходимостью. Китайские власти стимулируют отток людей из страны и ищут для него любые возможности²⁹. В связи с вопросом о вступлении России в ВТО Китай еще раз продемонстрировал свою заинтересованность, выдвинув к нашей стране требование открыть для китайской рабочей силы свободный доступ на российский рынок труда. Здесь просматривается не только стремление упрочить свои позиции в России, пользуясь случаем надавить на соседа, но и желание предупредить возможную конкуренцию других азиатских стран за рабочие места в нашей стране. Россия же со своей стороны может регулировать миграционный поток в собственных интересах. Примерно так, как действуют сейчас западные страны, ограничива-

ющие ввоз китайского ширпотреба, несмотря на членство КНР в ВТО.

Но нужны ли китайцы на российском Дальнем Востоке? Может ли регион обойтись без них? В чем наш интерес и в чем риск?

В течение 1960–1980-х годов Дальний Восток получал существенный и довольно равномерный приток населения из других регионов СССР: 285 тыс. человек в 1960-е, 405 тыс. — в 1970-е и 286 тыс. — в 1980-е годы. При этом на северо-востоке региона население более чем удвоилось, но и на юге наблюдался значительный его рост — в 1,6 раза. Исключением был Сахалин, население которого почти не росло уже тогда.

В 1990-е годы тенденция резко изменилась. Как показала перепись-2002, за период, прошедший после предыдущей переписи (1989), население Дальневосточного федерального округа сократилось на 1,3 млн человек, или 16 проц., в том числе почти на 1 млн за счет миграции. Население Дальнего Востока стало убывать впервые со времени освоения его русскими, причем это происходит не только на севере (что закономерно в рыночных условиях), но и в южных районах Дальнего Востока. В Амурской области сокращение составило 15 проц., в Хабаровском крае — 11 проц., в Приморском — 8,5 процента. Уменьшается даже население Хабаровска и Владивостока. Не лучше обстоят дела и в Забайкальском регионе Сибири: Бурятия недосчиталась 5,5 проц. своих жителей, Читинская область — 15,9 процента. В настоящее время вся приграничная полоса представляет собой сплошную зону оттока населения. Причем быстрее всего убывает население самых малозаселенных Амурской и Читинской областей.

Наряду с социально-экономическими условиями важнейшей причиной стремительных потерь населения в пограничных регионах является сокращение армии, которая раньше была главным мотором его

роста. Многие военнослужащие после демобилизации, последовавшей за распадом СССР, вернулись в места призыва вместе с семьями. Принимая во внимание армейскую составляющую, можно предположить, что пик оттока пройден. Темп потерь, вероятно, будет затухать, что уже наблюдается в последние годы.

Бытует мнение, будто китайской экспансии можно противостоять путем заселения региона «родственным» контингентом. В качестве регулирующей меры предлагается стимулировать миграцию в пограничные районы Сибири и Дальнего Востока. Первоначально выдвигались проекты, связанные с организацией нового переселенческого движения с запада на восток России на манер столыпинского в начале прошлого века; предполагалось вовлечь в этот процесс и «соотечественников» из стран СНГ. Эту идею сформулировал и обосновал Владимир Мясников³⁰, в более мягкой форме разделяют ее Леонид Рыбаковский³¹ и Александр Ларин³². Переселенческая концепция строится на предположении, что миграционный поток можно повернуть на восток, если там будут созданы более благоприятные социально-экономические условия по сравнению с другими регионами страны.

Посмотрим вначале на внутрироссийские возможности такого переселения с ресурсно-демографических позиций. Дальний Восток обычно рассматривается как регион с наиболее острым дефицитом демографического ресурса, а стало быть, староосвоенные регионы должны «поделиться» с ним рабочей силой. Но этот взгляд ошибочен. Наименее благоприятная демографическая ситуация как раз в староосвоенной части страны, а сложнее всего она в Центральном федеральном округе. Здесь естественная убыль населения относительно самая высокая (10 человек на 1 000 жителей против 3,3 на Дальнем Востоке в 2001 году), население самое ста-

рое (в пенсионном возрасте 24,3 проц. против 15,1 проц. соответственно), а сокращение трудоспособного населения тоже относительно самое значительное. Именно Центральный регион России, как наиболее развитой, соперничает с Дальним Востоком, и не только с ним, за трудовые ресурсы.

Центр нуждается в постоянной подпитке, главным образом для возмещения естественной убыли своего трудоспособного населения. В течение столетий Центральный регион «отдавал» жителей во все уголки дореволюционной России и СССР, но к середине 1960-х его ресурсы истощились и он сам стал нуждаться в дополнительной рабочей силе. С тех пор Центр превратился в своего рода демографический насос, который действует тем мощнее, чем сложнее трудоресурсная ситуация в стране и в регионе.

“Центр стягивает население со всей территории страны, а Дальний Восток отдает своих жителей во все регионы”.

В результате внутриросийская миграция имеет устойчивый западный дрейф. При этом два региона России образуют миграционные полюса: Центр стягивает население со всей территории страны, а Дальний Восток «отдает» своих жителей во все регионы. Каждый последующий регион, расположенный к западу от Дальнего Востока, теряет население, мигрирующее в более западные регионы, и частично восполняет его за счет восточных. Во внутренних миграциях Дальний Восток несет главные миграционные потери — 753 тыс. человек за 1989—2002 годы. Из этого количества третья часть была отдана Центральному федеральному округу, 22 проц. — Южному, 17 проц. — Приволжскому, 15 проц. — Сибири. За счет Дальнего Востока Сибирь возместила 30 проц. своих потерь в западном направлении, а Урал за счет Дальнего Востока и Сибири — 50 процентов.

Любопытно, что приобретения Центрального федерального округа во внутриросийских миграциях, составившие 787 тыс. человек, были практически равны потерям Дальнего Востока, тем самым «полюсность» этих регионов подтвердилась даже количественно. Среди регионов России Дальний Восток был главным донором Центра, обеспечившим 28 проц. его миграционного прироста, полученного за счет внутренней миграции. Именно потому, что за трудовые ресурсы не только с Дальним Востоком, но и со всеми другими федеральными округами соперничает наиболее развитой округ страны, бесполезно рассчитывать на возрождение восточного вектора миграции.

Что касается миграционного потенциала постсоветских стран, Дальний Восток, единственный из федеральных округов, поте-

рял население и в этом направлении, хотя и в меньшей степени, чем в обмене с российскими регионами. В период с 1989 по 2002 год чистый миграционный отток из региона в бывшие советские республики составил 145 тыс. человек. Еще около 60 тыс. человек Дальний Восток «отдал» другим странам. На Дальний Восток пришлось менее 4 проц. от общего числа прибывших в Россию из стран СНГ и Балтии, что не дотягивает до доли региона в населении России, составлявшей в 1989-м 5 процентов. Таким образом, до восточной границы России доходит совсем маленький ручеек, но и он иссыкает. В 2001—2004 годах в Хабаровском и Приморском краях приток населения из СНГ компенсировал только 2—3 проц. потерь во внутриросийской миграции.

После 1995-го чистый приток населения из постсоветских стран в Россию стал сокращаться, опустившись в последние годы до

120–130 тыс. чел./г. против 500–600 тыс. в середине 1990-х. Сокращение миграции из стран СНГ усиливает аккумулирующую роль Центрального федерального округа. В 2000–2004 годах Центр впитал половину мигрантов из стран СНГ, а миграционный прирост всех остальных федеральных округов приблизился к нулю. В Центре же миграционный прирост сохранился на довольно высоком уровне, так как здесь недобор мигрантов из стран СНГ был компенсирован притоком

Дальнего Востока, как и Сибири, к 2026-му уменьшится на 11 проц. — в большей мере, чем где-либо еще на российской территории. Население Центра при этом сократится на 3 процента.

В перспективе двух ближайших десятилетий региональные различия в обеспеченности экономики рабочей силой складываются таким образом, что дефицит труда будет усугубляться при продвижении с востока страны на запад. Поэтому надежды на пополнение насе-

“В вопиющем противоречии с новой ситуацией находится апелляция к столыпинскому переселенческому опыту начала XX века”.

из других регионов России. Отсюда ясно, сколь сильно внутренняя миграция зависит от притока из стран СНГ: чем меньше этот приток, тем интенсивнее тяга российского населения к Центру. Тем самым стимулирование притока в Россию из стран СНГ — это одновременно важнейшая мера по стабилизации населения на востоке нашей страны.

Притяжение Центра, по крайней мере в этой четверти века, преодолеть не удастся. До 2026 года Центральному округу только для возмещения естественных потерь трудоспособного населения необходимо около 6 млн мигрантов. Если не будет обеспечен приток извне, Центр может стянуть миграционный потенциал всей России, и уже к 2015-му в разряд теряющих население перейдут также Южный, Приволжский и Уральский федеральные округа.

В такой ситуации Сибирь и Дальний Восток рискуют остаться главными донорами Центрального округа. По оценкам автора, миграционные потери Сибирского округа в период с 2006 по 2026 год могут достичь 1 млн человек, а Дальневосточного — более полумиллиона. Согласно прогнозу Госкомстата, численность населения

Дальнего Востока приезжими из других регионов России абсолютно прозрачны.

Вплоть до начала нынешнего века проблема территориального перераспределения населения действительно заключалась в том, чтобы создать стимулы для переезда в регионы, нуждающиеся в притоке работников, обеспечив там благоприятные условия жизни. О людских ресурсах можно было не беспокоиться: за исключением отдельных непродолжительных периодов их вполне хватало. Теперь же демографическая ткань слишком тонка: за исключением северокавказских республик в стране не осталось регионов с избыточными людскими ресурсами. Демографическая ситуация изменилась принципиально, в том числе и в региональном плане, а традиционные методы для ее регулирования уже не приносят результата.

В вопиющем противоречии с новой ситуацией находится и получившая распространение, особенно среди историков, апелляция к столыпинскому переселенческому опыту начала XX века. У этого поистине грандиозного предприятия были две объективные предпосылки: малонаселенность восточных окраин, которые во имя государственной

пользы следовало «уплотнить», и аграрное перенаселение в российском Черноземье и в Малороссии, которые требовалось «проредить». Сейчас же переселять некого: староосвоенные регионы страны сами еще более остро, чем другие, нуждаются в людских ресурсах.

Выходит, что соседство Китая, страны с огромным демографическим потенциалом, является едва ли не главным ресурсом, который мог бы обеспечить рабочей силой приграничную зону Сибири и Дальнего Востока и поддержать заселенность этих территорий хотя бы на современном уровне. Дальний Восток, особенно Приморский и Хабаровский края, занимает выгодное географическое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и если он будет развиваться путем интеграции в этот регион, численность его населения, несомненно, возрастет. Нарастание демографического потенциала, разумеется, не единственное условие развития региона, но неперемное.

На Дальнем Востоке это уже понимают. Один из сценариев развития приграничных с Китаем регионов, представленный в аналитическом докладе Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН Дальневосточному международному экономическому конгрессу предполагает «интеграцию в АТР посредством тесной кооперации с Китаем». Подобный сценарий осторожно назван «достаточно привлекательным». В качестве одного из преимуществ развития региона в этом направлении отмечено «более активное привлечение и использование китайской рабочей силы на российском Дальнем Востоке и в Забайкалье». Указывается, что «освобождение (миграции китайцев. — **Ж.З.**) от административных ограничений... могло бы создать более благоприятные условия для закрепления населения в регионе и привлечения населения из других регионов Российской Федерации

и СНГ». Для осуществления такого долгосрочного проекта предлагается смягчить пограничный и таможенный режим в ряде пунктов вдоль российско-китайской границы и создать здесь зоны свободной торговли. Конечной целью объявляется «формирование единого экономического (но не политического) пространства российского Дальнего Востока и Забайкалья и Китая»³³.

Цитируемый документ интересен тем, что без обиняков признаёт китайскую миграцию важнейшим фактором развития региона. Кроме того, его появление свидетельствует о том, что на Дальнем Востоке утвердился реалистичный взгляд на сотрудничество с КНР, означающий полный разворот стратегии развития региона. Заметим, что задача организации переселения из западных районов России и стран СНГ не выдвигается ни в одном из пяти рассмотренных в докладе сценариев. Правда, привлечение трудовых ресурсов из других регионов Российской Федерации упоминается в качестве отдаленной цели, однако — и это принципиально — в документе указано, что создать необходимые условия можно, лишь опираясь на китайскую рабочую силу.

Под знаком переоценки китайского фактора прошел и семинар «Мост через Амур» в Иркутске в декабре 2003 года, участники которого пришли к единодушному мнению о том, что «миграционные процессы станут решающим фактором этнического, культурного, экономического развития востока Сибири и Дальнего Востока, геополитического положения этих регионов»³⁴. На семинаре речь шла прежде всего о миграции из Китая, причем, в отличие от мероприятий подобного рода, проводившихся в предыдущие годы, в ходе упомянутой дискуссии уже не приходилось доказывать, что обойтись без китайских мигрантов невозможно. Миграция рассматривалась рационально и прагматично, с позиций интересов восточ-

ных регионов России. Приводились факты быстрого формирования единого социального пространства в трансграничной зоне, расширения рынка труда, формирования общей инфраструктуры по сбыту товаров, финансовому и информационному обслуживанию, выработке общих правил игры, созданию единых партнерских и деловых сетей³⁵. Акцент был смещен с экспансионистских и иных угроз на деловое сотрудничество и необходимость осуществления либеральной миграционной политики. Участники семинара обращали внимание и на значительную роль китайской составляющей в городских бюджетах. Например, в Благовещенске это более 10 процентов³⁶.

Деловые отношения, как показывает жизненная практика, создают основу и для преодоления этнокультурных различий. Так, знание языка становится серьезным конкурентным преимуществом в бизнесе, поэтому свыше 60 проц. китайцев, живущих на Дальнем Востоке, в той или иной мере владеют русским³⁷. Среди россиян становятся все более популярны курсы китайского языка³⁸.

Вместе с тем различного рода административные ограничения, оторванность миграционного законодательства от повседневной жизни, коррупция и очень узкое легитимное пространство для китайского бизнеса сдерживают интеграционные тенденции, способствуя этнической сегрегации деловых отношений³⁹ и развитию теневых сетей бизнеса, которые наносят ущерб России⁴⁰.

Подытоживая, можно сделать вывод, что за последние десять лет на Дальнем Востоке отношение к китайской иммиграции как фактору развития региона резко изменилось. Если поначалу здесь категорически отвергали саму возможность рационального обсуждения этой проблемы, то теперь формирование взаимодополняющего рынка труда с Китаем рассматривается как важнейшее и непременное условие развития пригранич-

ных регионов и преодоления их депопуляции; более того, укрепляется представление о том, что посредством мобилизации внешних ресурсов удастся укрепить геополитическое положение России на востоке⁴¹.

В Москве все вышеназванное еще составляет предмет острых дискуссий, хотя уже опубликованы работы, которые доказывают, что следует отказаться от модели «демографического освоения» Дальнего Востока, ее «широкой интернационализации»⁴², а вместо этого предлагают решать миграционную проблему путем «постепенного долгосрочного создания единого рынка труда в Восточной Азии»⁴³.

Заключение

Вопреки агрессивному тону СМИ и постоянному нагнетанию страха перед лицом «китайской угрозы», реальная жизнь эволюционирует в другом направлении. К настоящему времени население приграничной полосы осознало и оценило оживление экономической жизни, наполненность рынка товарами, расширение культурных связей, появившиеся возможности сравнительно дешевого отдыха на теплом море и пр., которые принесли с собой открытость страны и трансграничные трудовые миграции.

Совершенно изменился и общий контекст дискуссий вокруг китайской проблемы. Десять лет назад никто из экспертов в управляющих структурах Приморского края и мысли не допускал о неизбежности для России, в том числе и для края, значительной иммиграции из Китая. Миграционная политика в отношении Китая мыслилась как заградительная. Более того, в то время в Приморье не хотели принимать даже советских корейцев из Средней Азии. Надежды на «порядок» связывались с мерами воздействия в духе советских традиций — ужесточением пограничного и миграционного контроля, депортациями, а также организаци-

ей переселенческого потока на восток страны⁴⁴. Под знаком такого переселения прошли и первые диспуты в Московском центре Карнеги по проблемам Дальневосточного региона. «Одним из возможных решений (этих проблем. — **Ж.З.**) могла бы стать активная переселенческая политика», — значилось в итогах дискуссии 1996 года⁴⁵. Это мнение тогда разделяли все докладчики.

Таким образом, всего десять лет назад отсутствовало понимание того, что геополитическая и демографическая ситуация на Дальнем Востоке принципиально изменилась не только по сравнению с царской Россией, но даже и с более близкими 1980-ми годами. Это справедливо и по отношению к России в целом, но Дальний Восток, оказавшийся в центре дискуссии, приковывал внимание к себе и отвлекал от страны, тем самым превращая общенациональную проблему в региональную.

Китайское присутствие рассматривалось как чрезмерное, как результат попустительского владычества властей, отмечались лишь его отрица-

тельные стороны: контрабанда, браконьерство, перенос инфекций, усугубление рэкета и коррупции, заполнение рынка некачественными товарами и т. п.

опросов в конце прошлого века (1998–1999) 67 проц. москвичей, 60 проц. хабаровчан и 53 проц. жителей Владивостока отметили, что относятся к приезду китайцев в Россию «положительно», «нормально» или «безразлично»⁴⁷. Демаркация границы усилила напряженность в обществе, отчего уровень неприятия китайцев, зафиксированный последними замерами, оказался чуть выше: 25 проц. в Хабаровске (2001)⁴⁸ и 31 проц. в Приморье (2002)⁴⁹, но толерантная группа все равно составляет более половины респондентов.

Сами китайцы вполне адекватно оценивают отношение к себе со стороны россиян. Согласно исследованиям Гельбраса, в 2002-м в среднем более половины опрошенных китайцев (55 проц.) полагали, что местное население относится к ним доброжелательно или нейтрально (при вариации оценок от 45 проц. в Иркутске до 53 проц. в Москве, 60 проц. во Владивостоке и 64 проц. в Хабаровске)⁵⁰. Китайцы и раньше (а, возможно, и с самого начала их нового появле-

“Каждый третий из взрослых жителей Приморского края хотя бы однажды побывал в Китае”.

ние в России) оценивали дружелюбие россиян примерно на том же, довольно высоком, уровне. Те же 55 проц. были получены и в 1997–1998 годах⁵¹. Важно и то, что доля россиян, проявляющих наибольшую терпимость, в 2–3 раза перевешивает долю алармистов, которая, тем не менее, иногда достигает 18–20 процентов (Владивосток, Иркутск).

Проявление нетерпимости к китайцам было характерно и для населения Дальнего Востока. В ходе наших опросов в 1997–1998 годах большая часть местных жителей рассматривала китайцев как непрошенных гостей, полагая, что дальневосточные города проиграли от присутствия китайцев. Лишь каждый четвертый видел в этом положительный момент⁴⁶.

Сейчас отношение гораздо более терпимое. Свыше половины россиян спокойно относятся к китайскому присутствию. В ходе

Трансграничные контакты на российско-китайской границе стали фактом повседневной жизни. В частности, каждый третий из взрослых жителей Приморского края хотя бы однажды побывал в Китае⁵². Более половины студентов старших курсов вузов Благовещенска хотя бы раз попробовали

себя «фонарями» (помощники китайцев при переправке грузов)⁵³.

Таким образом, и с той, и с другой стороны налицо предпосылки для мирного взаимодействия. В то же время россияне, как и раньше, решительно возражают против долгосрочной сдачи земли в аренду китайцам, против предоставления им постоянного вида на жительство и гражданства и даже разрешений на покупку жилья. Страх еще не ушел.

Заметим, что возможности привлечения временных мигрантов ограничены неквалифицированными работами, где быстрая ротация работников не наносит ущерба трудовому процессу. Но стране потребуются

миллионы иммигрантов, а для того чтобы обеспечить эффективное функционирование экономики, значительную их часть придется привлекать на постоянной основе.

Повторю высказанное ранее предположение: к середине нынешнего века китайцы с большой степенью вероятности могут стать вторым по численности народом России, обойдя в этом отношении татар⁵⁴. Ввиду такой перспективы приходится констатировать, что, к сожалению, несмотря на отмеченные сдвиги, отношение к китайской проблеме меняется слишком медленно. Медленно — в свете неотвратимо надвигающегося масштабного дефицита рабочей силы. ■

Примечания ¹ Как полагает А. Ларин, впервые о «желтой опасности» заговорили после поражения России в Русско-японской войне 1905 г. См.: Ларин А. Ретроспектива: китайцы в России // Миграция. 1997. № 1. С. 21–23.

² *Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года*: Стат. бюл. / Госкомстат России. М., 2005. С. 8, 116.

³ *Население России 2002: Десятый ежегодный демографический доклад* / Отв. ред. А.Г. Вишневский / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; Центр демографии и экологии человека. М., 2004. С. 187–188.

⁴ Подчеркнем, что речь идет о чистой миграции, то есть о миграционном приросте — разнице между числом прибывших и выбывших; входящий же поток должен быть еще больше.

⁵ Комсомольская правда. 2005. 4 мая.

⁶ Мир новостей. 2005. 7 июня.

⁷ www.politcom.ru

⁸ Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: Исторический очерк / Институт Дальнего Востока РАН. М., 2003. С. 182–192.

⁹ Там же. С. 184, 185.

¹⁰ Крупинов Ю. Против нас ведется операция «Мигранты спасут Россию» // Русская национальная община на Святой земле: Информационный бюллетень. 2005. № 56.

¹¹ Белобородов И. Русских хоронить рано // RBC Daily. 2005. 28 июня.

¹² Архангельский В.Н. и др. Стратегия демографического развития России / Институт социально-политических исследований РАН. М., 2005. С. 84–87.

¹³ www.prognosis.ru / 23.05.2005

¹⁴ Крупинов Ю. Указ. соч.

¹⁵ Эту идею как бы официально еще раз подтвердил глава Совета Федерации Сергей Миронов, выступая на парламентских слушаниях 24 ноября 2005 г. // www.strana.ru / 24.11.2005

¹⁶ *Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития: Аналитический доклад* / Фонд «Наследие Евразии»; Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа. М., 2005. С. 174, 183.

¹⁷ Там же. С. 183.

¹⁸ *Россия в цифрах* / Росстат. М., 2005. С. 140, 141.

¹⁹ Известия. 1993. 2 нояб.; 1994. 30 нояб.

²⁰ Портяков В. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России. М., 1996. С. 51.

²¹ Островский А.В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. М., 2003. С. 370.

- ²² Там же. С. 365, 369.
- ²³ Там же. С. 17.
- ²⁴ *Экономика Китая вступает в XXI век* / Институт Дальнего Востока РАН. М., 2004. С. 5–6.
- ²⁵ *Островский А.В.* Указ. соч. С. 365.
- ²⁶ *Китай: угрозы, риски, вызовы развитию* / Под ред. В. Михеева. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 298. Данные приведены со ссылкой на китайский источник.
- ²⁷ *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004. С. 146–150.
- ²⁸ Это представляется примерно так: «Китайская волна до Сибири просто не дошла. Приморье уже «затоплено», «явочным порядком», без всяких формальностей, китайцы захватывают пустующие земли» (Красноярский комсомолец. 1995. 3 июня. Цит. по: «Мост через Амур»: Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара / Под ред. В.И. Дятлова. М.; Иркутск: Наталис, 2004. С. 61). Факты в доказательство этого утверждения не приводятся.
- ²⁹ По данным, приведенным в работе В. Гельбраса (см.: *Гельбрас В.Г.* Указ. соч. С. 27), число безработных в КНР – 150–200 млн человек – превышает всё население России.
- ³⁰ *Мясников В.* Дальний Восток России: миграционная политика // Миграция. 1996. № 1.
- ³¹ *Рыбаковский Л.Л.* и др. Концепция миграционной политики в южных районах Дальнего Востока / Институт социально-политических исследований РАН. М., 1999; *Архангельский В.Н.* и др. Указ. соч. С. 152.
- ³² *Лафин А.Г.* Китайцы в России вчера и сегодня. С. 188–192.
- ³³ *Дальний Восток и Забайкалье в России и АТР* // Дальневосточный международный экономический конгресс: 27–28 сентября 2005 г. (Хабаровск) / Ин-т экономических исследований ДВО РАН. С. 78.
- ³⁴ «Мост через Амур». С. 12.
- ³⁵ *Рыжова Н.П.* Трансграничный народный рынок в Благовещенске / Хэйхэ // «Мост через Амур». С. 153–169.
- ³⁶ Там же. С. 158.
- ³⁷ *Лафин В.Л.* Китайская миграция на Дальнем Востоке // «Мост через Амур». С. 115.
- ³⁸ *Рыжова Н.П.* Указ. соч. С. 159.
- ³⁹ Там же. С. 161–166.
- ⁴⁰ Этот аспект российско-китайских отношений обстоятельно исследован В. Гельбрасом в работе «Россия в условиях глобальной китайской миграции».
- ⁴¹ Об этом свидетельствуют и отклики специалистов в «Известиях» на репортаж Д. Филимонова «с места» о китайской миграции // Известия. 2005. 19 дек.
- ⁴² См., напр.: *Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия*. М., 1998. С. 191, а также Введение и Заключение.
- ⁴³ *Китай: угрозы, риски, вызовы развитию*. С. 24.
- ⁴⁴ См.: *Витковская Г.С., Зайончковская Ж.А.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: Надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: Межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской, Д. Тренина. М.: Московский центр Карнеги, 1999. С. 98.
- ⁴⁵ *Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России* // Научные доклады. Вып. 7. М.: Московский центр Карнеги, 1996. С. 8.
- ⁴⁶ Опросы проводились в Благовещенске, Хабаровске и Владивостоке. Было опрошено 1 086 местных жителей (см.: *Витковская Г.С., Зайончковская Ж.А.* Указ. соч. С. 112).
- ⁴⁷ Терпимость убывала, а отторжение нарастало в восточном направлении: от 11 проц. респондентов в Москве до 20 в Хабаровске и 28 проц. во Владивостоке не одобряли присутствия китайцев (см.: *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. М., 2001. С. 144).
- ⁴⁸ По данным Е.Л. Мотрич.
- ⁴⁹ *Лафин В.Л.* Китайцы в России вчера и сегодня. С. 120.
- ⁵⁰ *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. С. 134. Показатели табл. 59 в целях сопоставимости по городам пересчитаны нами без учета респондентов, которые затруднились с ответом либо его не дали.
- ⁵¹ *Витковская Г.С., Зайончковская Ж.А.* Указ. соч. С. 111.
- ⁵² *Лафин В.Л.* Китайцы в России вчера и сегодня. С. 108.
- ⁵³ *Рыжова Н.П.* Указ. соч. С. 108.
- ⁵⁴ *Зайончковская Ж.А.* Китайская иммиграция через призму рынка труда // Российский демографический журнал. 1998. № 1. С. 12–18.

Kumai: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева. М.: Московский центр Карнеги, 2005. 646 с. *

В дискуссии последних лет о перспективах глобального развития и путях возможной трансформации мировой системы одно из самых важных мест отводится Китаю¹. Впечатляющий экономический (с рыночной доминантой) рост этого огромного государства на протяжении трех десятилетий целенаправленных реформ при одновременном сохранении господствующих позиций коммунистической идеологии, пусть и адаптированной к местной специфике, делает оценку китайского развития мировым сообществом, мягко говоря, амбивалентной. Как пишут авторы рецензируемой книги, Запад воспринимает Китай экономически «своим», «рыночным», а политически — «чужим», «недемократичным», «авторитарным». И это придает спорам о роли Китая в мире остроактуальный характер.

Действительно, появление КНР в ряду экономических супердержав (во всяком случае по размерам экономики) может серьезно видоизменить сложившийся мировой экономический, а в дальнейшем и политический порядок, тем более что Китай многие годы страдал от структурно-экономического лидерства Запада и никогда не скрывал свое несогласие с существующим в мире положением вещей. Доминирование КНР в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе способно радикально нарушить мировой баланс сил. Именно поэтому международное аналитическое сообщество столь активно дискутирует «цену» мирного вхождения Китая в систему международных отношений, внешние и внутренние трудности на этом пути, а также угрозы, риски и вызовы, которые подобное развитие событий

создает как для самой КНР, так и для всего мирового сообщества и отдельных стран. Китайские эксперты в свою очередь задаются вопросом: как должен себя вести Китай, приобретя статус *даго* — великой державы? Будет ли это означать, что он примет на себя и обязательства *фуцзэго* — ответственного государства? Что вообще кроется за данным понятием с точки зрения китайской политологии и практической политики? Обсуждают китайские специалисты и варианты долгосрочной стратегии, призванные обеспечить КНР поступательное развитие, не прерываемое глубокими разрушительными кризисами.

В свое время Китай сформулировал гибкий, альтернативный советскому, вариант социалистической идеи и воплотил ее в жизнь, соединив с конфуцианской этикой и сперва рудиментарными, а впоследствии и вполне зрелыми рыночными механизмами. В связи с этим многие эксперты полагают, что китайская модель давно порвала с доктринальным социализмом. Тем не менее она подается как альтернатива рыночному капитализму, бросает вызов западному миру не только в экономическом, но и в «духовном» (культурном и идеологическом) плане. В то же время ясно, что этот вызов имеет мало общего с тем, который исходил от СССР. Это еще одна причина, почему так трудно дать на него адекватный ответ. Как видим, исследование факторов, способных затруднить или

* Авторы: Н.В. Андреева, Г.В. Белокурова, Я.М. Бергер, О.Н. Борох, П.С. Винокуров, П.Б. Каменнов, А.В. Ломанов, В.В. Михеев, М.А. Потапов, О.В. Почагина, В.Б. Якубовский.

помешать превращению КНР в супердержаву, приобретает отнюдь не академическое звучание.

В мировую систему проще интегрироваться в качестве «периферии» или «полупериферии», но можно избрать более трудный путь, войдя в нее как часть «центра» или как «альтернативный центр». Второй путь по плечу крупной амбициозной державе, способной самостоятельно программировать свое развитие. Это отлично сознает китайское руководство, твердой рукой поддерживая контроль за условиями расширенного воспроизводства национальной экономики: определяет параметры накопления, регламентирует воспроизводство и перемещение рабочей силы, регулирует национальный рынок, концентрирует в своих руках доходы, ресурсы, технологии. Конечно, сегодня формирование новых мировых центров — задача более сложная, чем прежде, так как модели догоняющего развития перестают работать, а внешние факторы зачастую сильнее и влиятельнее внутренних. Тем не менее настойчивая и последовательная политика Китая в этом направлении приносит свои плоды, о чем свидетельствуют широко известные показатели экономического развития КНР за последние десятилетия.

Есть и еще один важный международный аспект продолжения «китайского чуда». Для стабильного роста ВВП и бескризисного развития Китаю предстоит обеспечить гарантированный доступ к маршрутам доставки энергоносителей и морским торговым путям. А это предполагает коренную модернизацию вооруженных сил, прежде всего ВМС. В условиях, когда КНР готова объявить своими территориальными водами практически всю акваторию Южно-Китайского моря, через которое транспортируется более 90 проц. импортируемой Японией нефти, вполне понятной становится стратегическая озабоченность Токио. В данных обстоятельствах

повышается и «цена» решения тайваньского вопроса. Кроме того, необходимость контролировать и более отдаленные участки маршрута, по которому в Китай идут поставки нефти из стран Персидского залива, способна привести к обострению индийско-китайского военно-морского соперничества.

Иными словами, сами масштабы экономических преобразований, осуществляемых в КНР, определяют характер ее внешнеполитической стратегии. Последняя, с одной стороны, призвана обеспечивать благоприятную среду для хозяйственного роста, а с другой — преследует региональные и глобальные цели, подпитываемые быстро нарастающей экономической, политической и военной мощью страны. Как бы то ни было, складывание огромной зоны «тесного взаимодействия» по периметру Китая непременно трансформирует конфигурацию системы региональных и глобальных отношений. Можно спорить о глубине и направленности такой трансформации, однако большинство экспертов сходятся во мнении, что китайский экономический рост полностью сорвать уже нельзя, хотя его торможение по причинам внутреннего или внешнего характера вполне вероятно. Короче говоря, в краткосрочной и среднесрочной перспективе системный кризис КНР не грозит.

Обсуждению изложенного выше сложного комплекса проблем и посвящена рецензируемая книга. Написанная в жанре конструктивной критики, она ставит во главу угла вопрос о том, какие угрозы, риски и вызовы могут воспрепятствовать реализации оптимистического сценария развития Китая либо вынудить существенно его скорректировать. Труд подготовлен коллективом авторов, в той или иной мере связанных с Институтом Дальнего Востока РАН, но издан в рамках проекта Фонда Карнеги. Такая организационная модель благоприятствует большей раскованности мышления и некоторому дистан-

цированию от российского китаеведческого мейнстрима.

Говоря об аналитическом инструментарии, который авторы взяли на вооружение, в первую очередь стоит обратиться к понятиям «угроза», «вызов», «риск». Под угрозой Китая в книге понимается все то, что в отсутствие адекватных защитных мер способно нанести ущерб его устойчивому развитию. Вызов — это то, что может принести выгоду КНР, будучи соответствующим образом адаптировано к ситуации. В противном случае возникнет эффект упущенной выгоды, который в перспективе имеет шансы перерасти в угрозу. Риски же предложено трактовать как не проявленные угрозы и вызовы (с. 7). Такого рода систематизация проблем Китая представляет собой существенный шаг вперед в изучении темы, позволив авторам весьма основательно и последовательно структурировать материал. В первой части книги (гл. 2, 3, 4) обсуждаются глобальные и политические угрозы, риски и вызовы (политические риски, идейно-теоретические вызовы, военные риски и вызовы); вторая часть посвящена внутренним проблемам: экономика (макро- и микроуровни) — гл. 5, валютно-финансовая сфера — гл. 6, социальная сфера и демографический фактор — гл. 7, экологическая безопасность и ресурсообеспеченность — гл. 8; в третьей части речь идет о внешних факторах: новая роль Китая в мировой политике — гл. 9, Китай в глобальной экономике и вызовы ВТО — гл. 10, трансрегиональные вызовы — гл. 11, глобально-локальные («глокальные») вызовы — гл. 12; темой последней, четвертой части книги являются антикризисные меры и их последствия — здесь анализируются подходы китайских ученых к проблеме угроз, рисков и вызовов развитию КНР (гл. 13), подробно рассматриваются антикризисные программы китайского руководства (гл. 14), многовариантность развития Китая (гл. 15), а также воздействие

кризисов в этой стране на мировую экономику и политику (гл. 16).

Фактически вся проблематика книги в кратком виде суммирована в гл. 1 «Общая оценка». Кроме того, здесь же авторы подробно анализируют корни антикитайских настроений в России, систематизируя их по социально-политическим стратам и институтам, таким, как политика, ведомства, бизнес-группы, политические партии, СМИ (с. 39–45). Разыскания авторов на эту тему интересны, хотя их вывод о существовании четко структурированного антикитайского лобби в России представляется весьма спорным. Авторы также пытаются прогнозировать (с. 46–48) действия российских властей в случае коллапса китайской экономики и возникновения социально-политического хаоса в КНР. Этот анализ — фактически первая публичная попытка подобного рода оценок в среде российских экспертов. Между тем не вполне ясна практическая цель прогноза, поскольку далее авторы отмечают, что «Россия не видит в обозримой перспективе угрозы хаоса и коллапса в Китае» (с. 46). Некоторые суждения о последствиях этого гипотетического китайского коллапса для России, названные в книге, кажутся неубедительными. Так, непонятно, почему предполагаемые проблемы китайской экономики непременно должны привести к росту безработицы в самой России (с. 46). Можно предположить и обратное: экономические сбои в КНР откроют перед российской экономикой новые возможности.

К сожалению, в книге отсутствует историография понятий угрозы, опасности, вызова и риска, равно как и их методологическое осмысление. Между тем в отечественной и мировой литературе эта проблема широко обсуждается. Например, в рамках существующих подходов угроза понимается как непосредственная опасность для жизненно важных национальных интере-

сов или национальной безопасности (суверенитет, государственность, территориальная целостность). В отечественной литературе такая трактовка предложена Валерием Маниловым и разработана Михаилом Гацко². Согласно этой точке зрения, угроза представляет собой стадию крайнего обострения противоречий, то есть предконфликтное состояние. В таком случае опасность — это стадия зарождения и разрастания противоречий. Угроза носит конкретно-адресный, а опасность — гипотетический, безадресный характер. Ее субъект и объект не всегда явно выражены. В рецензируемой же книге угрозы и опасности методологически не разведены, что порой затрудняет правильное понимание материала и, хуже того, создает превратное впечатление, будто Китай вот-вот распадется, а китайское руководство находится в полном неведении о масштабе вызовов и опасностей, угрожающих стране. Кроме того, в гл. 1 и 3 категоричный инструментарий ограничен вызовами, тогда как к рассматриваемой в них проблематике можно подойти и с позиции угроз. В этом смысле примечательна интерпретация вызовов Муратом Дзлиевым как совокупности обстоятельств не обязательно непосредственно угрожающего характера, но безусловно требующей реагирования на них³.

Для более углубленного исследования угроз, вызовов и рисков авторам было бы полезно воспользоваться методиками их ранжирования и количественного анализа. Основы такого подхода наметил Владимир Кузнецов⁴, который считает необходимым учитывать как качественные, так и количественные характеристики описываемого явления. Он понимает под угрозами и опасностями определенные качественные характеристики и количественные параметры риска, под вызовами — детерминанты угроз и общий вектор их направленности, а под рисками — комплекс социальных, экономиче-

ских, политических, духовных, техногенных и экологических процессов, разрушающе воздействующих на социальные организмы и структуры.

Хотя в книге есть специальная глава, принадлежащая перу Ольги Борох, — «Китайские ученые об угрозах, рисках и вызовах развитию Китая», синологу хотелось бы видеть более подробный обзор взглядов китайского экспертного сообщества не только по проблематике угроз, рисков и вызовов, но и по другим затрагиваемым в книге вопросам, таким, как роль КНР в мировой политике, понимание китайцами категорий *даго* и *фуцзэго*, китайское видение военной и региональной политики и т. д. Это тем более важно, что анализ авторов рецензируемой книги концептуально сориентирован на западные подходы, в результате чего остаются недооцененными глубина и размах внутрикитайской дискуссии. Между тем Китай сегодня переживает настоящий бум научных публикаций по проблемам вызовов и более широкой политической тематике⁵, практические выводы которых востребованы китайским руководством, но почти неизвестны в России.

Существенно и то, что в китайской литературе преобладает совсем иной, чем во внешнем мире, взгляд на систему угроз, рисков и вызовов, который требует критического рассмотрения. Так, Цзян Сиюань делает акцент на вызовах, с которыми Китай столкнулся с началом антитеррористической борьбы под эгидой США. Среди них размещение американских войск в странах Центральной Азии поблизости от китайской границы, усиление военных контактов США со странами Юго-Восточной Азии. По мнению автора, американцы намеренно увеличивают угрозу для стран ЮВА, якобы исходящую от КНР, чтобы наращивать свое военное присутствие в этом регионе. Цзян Сиюань указывает также на политику двой-

ных стандартов, практикуемую США, отчего в список стран, поддерживающих терроризм, попадают исключительно не угодные США режимы⁶.

В свою очередь Сун Готао сосредоточивается на угрозах для Китая, которые несет с собой глобализация во всех ее проявлениях. По его мнению, опасность исходит прежде всего от индустриально развитых государств, которые стремятся использовать КНР как источник дешевой рабочей силы и рынок сбыта своей продукции, но не спешат делиться с ней высокими технологиями. Он считает угрозой для Китая и планы США по созданию системы противоракетной обороны театра военных действий⁷.

Именно осознание угроз, рисков и вызовов, вырисовывающихся перед КНР, и заставило китайскую политическую элиту разработать концепцию «комплексной мощи государства» (*гоцзя цзунхэ нэнли*). Кстати, само это понятие еще в начале 1980-х годов ввел в китайский политический лексикон

«архитектор реформ» в Китае Дэн Сяопин. Первоначально данная разработка явилась попыткой перенести на китайскую почву западные методы оценки силы и влияния государств. Однако сегодня, по прошествии лет, этот китайский «римейк» можно расценивать как вполне самостоятельную концепцию, которая служит методологической основой антикризисной политики китайского руководства.

В заключение хочу подчеркнуть, что высказанные здесь замечания не умаляют достоинств книги. Труд, который стал предметом нашего отклика, — это, бесспорно, весьма содержательное, многоплановое исследование, проведенное высокопрофессиональными специалистами, которое дает обильную пищу для дальнейших размышлений и дискуссий. Нет сомнений, что рецензируемая книга будет с интересом встречена той читательской аудиторией, которой она адресована. ■

АЛЕКСЕЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Примечания ¹ См., напр.: *Китай* в мировой политике. М.: МГИМО, 2001; *Воскресенский А.Д.* Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М.: Никитский клуб, 2004.

² *Манилов В.Л.* Угрозы национальной безопасности России // *Военная мысль*. 1996. № 1; *Гацко М.* О соотношении понятий «угроза» и «безопасность» // *Обозреватель — Observer: Военно-политические проблемы*. 1997. № 7 (90).

³ *Дзиев М.И.* Основы обеспечения безопасности России: Учебное пособие для вузов / Рос. гос. торг.-экон. ун-т; НИИ проблем безопасности и устойчивого развития. М.: Экономика, 2003.

⁴ *Кузнецов В.Н.* Социология безопасности: Учебник / Ин-т соц. и полит. исслед. РАН. М.: Книги и бизнес, 2003.

⁵ См.: *Воскресенский А., Котлов М.* Китай и мир глазами Китая // *Свободная мысль*. 2000. № 10; *Цзян Сяоань.* Даго чжаньлюэ юй вэйлай Чжунго (Стратегия великих держав и будущее Китая). Пекин, 2003; *Ли Уи.* Даго гуаньси юй вэйлай

Чжунго (Взаимоотношения между великими державами и будущее Китая). Пекин, 2003; *Чэнь Юэ.* Чжунго гоцзи дивэй фэнси (Анализ положения Китая на международной арене). Пекин, 2002; *Сун Готао.* Чжунго гоцзи хуанцзин вэньти баогао (Китай и его международное окружение). Пекин, 2002; *Чэнь Ли.* Чжунго гоцзя чжаньлюэ вэньти баогао (Государственная стратегия Китая). Пекин, 2002.

⁶ *Цзян Сяоань.* Указ. соч.

⁷ *Сун Готао.* Указ. соч.

S. Rosefield. Russia in the 21st Century: The Prodigal Superpower. Cambridge University Press, 2005. 244 p.

Новая книга Стивена Роузфилда интригует уже своим броским заглавием «Россия в XXI веке: расточительная супердержава». Внимательный читатель заметит, что в названии отсутствует вопросительный знак. Так что же, автор действительно полагает, что в нынешнем веке России вновь суждено стать супердержавой, дорости до былого величия имперских либо советских времен? Или, может быть, он считает, что Россия всегда была, есть и будет супердержавой? По прочтении книги становится ясно, что ключевое слово для Роузфилда — «расточительная». Главный вопрос для него не в том, станет ли Россия в XXI веке супердержавой, а в том, какую цену ей и соседним государствам придется заплатить за такую попытку. Быть супердержавой нелегко и недешево, а в случае России, подчеркивает он, — это и вовсе настоящее расточительство.

К такому выводу стоит прислушаться. Роузфилд — автор и редактор одиннадцати книг и около сотни статей о России и Советском Союзе. К работе над «Расточительной супердержавой» он приступил еще в 1987-м и затем в течение почти двух десятилетий, вместивших и распад СССР, и реформы в годы правления Бориса Ельцина, и первый президентский срок Владимира Путина, собирал материалы для будущей книги. Результат столь продолжительных штудий на первый взгляд кажется скромным: небольшая по объему книга состоит из девяти коротких глав, каждую из которых завершают тезисы, суммирующие основное содержание. В каком-то смысле это удобно. Если у читателя нет времени на всю книгу, можно читать ее выборочно или только резюме

глав. И все же, несмотря на сжатость и скупой стиль изложения, рецензируемый труд содержателен и заслуживает внимания по двум причинам.

Во-первых, автор размышляет на актуальную тему: перспективы развития России в наступившем столетии. Во многом вопреки устоявшемуся мнению о слабости России и ее неизбежном сползании в Третий мир, Роузфилд пытается доказать, что у российского руководства есть все необходимое, чтобы реализовать стратегию возвращения страны в разряд супердержав.

Во-вторых, книга интересна критическим взглядом на то, как некоторые политологи и экономисты анализируют и строят прогнозы развития России. В их подходах автор обнаруживает множество неточностей, ошибочных толкований статистических данных, отмечает их приверженность стереотипам. В частности, эти исследователи ошибались в оценке масштабов кризиса советской плановой экономики и, как следствие, не смогли предвидеть крах СССР. Более того, бывшие «советологи», по мнению Роузфилда, наступают на те же грабли и сегодня, анализируя современную Россию. Они считают ее «нормальной страной», а политику Путина — рациональной, закрывая при этом глаза на очевидное стремление Москвы к «структурной милитаризации» экономики, к укреплению авторитарной модели и не желая замечать методичное движение России к «супердержавности». Короче говоря, работа Роузфилда продолжает дискуссию о перспективах развития России.

Начиная издалека, в первых трех главах автор подробно описывает пороки совет-

ской плановой экономики, ее расточительное отношение к людским и финансовым ресурсам, отсутствие гибких подходов и способности на равных конкурировать с экономическими системами западных стран, низкий жизненный уровень населения и т. д. Основная черта, присущая ей, полагает Роузфилд, — это «структурная милитаризация», то есть непропорционально большой удельный вес расходов государства на оборонные нужды, включая такой показатель, как доля населения, занятого в отраслях ВПК. Согласно расчетам, приводимым в книге, в военной промышленности СССР работали 16 млн человек; кроме того, 6 млн служили в вооруженных силах и еще 20 млн состояли в запасе. Милитаризация в Советском Союзе была системным фактором. По мнению Роузфилда, со времени окончания Второй мировой войны и вплоть до наших дней милитаризация экономики не диктовалась реальной внешней угрозой. В какой-то мере она проистекала из убеждения Сталина (которое разделяли или, во всяком случае, не оспаривали последующие лидеры страны), что огромный ВПК необходим для обеспечения обороны страны на случай затяжной войны с Западом. Как бы то ни было, системная милитаризация воспроизводила себя на протяжении десятилетий: профильные министерства не покладая рук совершенствовали систему обороны, а советский бюджет привычно покрывал их расходы, в то время как другие отрасли экономики стагнировали, не будучи в состоянии конкурировать с могущественным ВПК. По словам автора, подлинного успеха советская командная экономика добилась только в производстве вооружений, во всех же других отраслях наблюдалось качественное отставание от главных конкурентов — США и стран Западной Европы.

Обращаясь к постсоветскому периоду российской истории, Роузфилд утверждает, что,

несмотря на смену политического режима, крах советской плановой экономики и отказ от прежних идеологических установок, в России 1990-х не состоялся переход к демократии западного образца. Можно говорить лишь о частичной смене парадигмы развития с консервативно-авторитарной на либерально-авторитарную. Определяющие черты либерально-авторитарной модели — это высокий уровень безработицы, неэффективное использование экономического потенциала, разделение общества на тех, кто включен «в систему» (президент, его администрация, «силовики», высшая бюрократия, олигархи, мафия, «новые русские»), и на всех остальных (с. 84). Такая система неконкурентоспособна в современных условиях. И именно в продолжающемся существовании либерально-консервативной модели автор видит предпосылки усиления «структурной милитаризации», а отсюда и прямой путь к возрождению великодержавности. Читателю, хотя бы немного знакомому с либеральной критикой советской системы, а затем и системы, выстроенной Путиным в последние годы, эти аргументы не покажутся оригинальными. Следует, однако, принять во внимание, что Роузфилд не только экономист, но и специалист по российскому ВПК. Для него связь между «структурной милитаризацией» и неспособностью России преодолеть авторитарную парадигму представляется совершенно очевидной. Здесь мы подходим к самому интересному сюжету, ради которого и стоит познакомиться с книгой.

В центре исследования оказываются военная реформа и оборонная стратегия России на 2006—2010 годы. Задача, которую они преследуют, заключается, по логике автора, не в сокращении вооруженных сил и не в поиске соотношения между контрактным и призывным методами комплектования ВС, а в выборе экономической модели и, как следствие, политического режима. На сегодняш-

ний день высокие цены на нефть обеспечивают стабильность пусть и неэффективной российской экономики, а централизация власти позволяет президенту принимать решения, не считаясь ни с институтами демократии, ни с интересами бизнес-элит. В таких условиях единственным центром, который может повлиять на ход военной реформы и выработку оборонной стратегии, является Генеральный штаб. Как ни парадоксально это звучит, но, согласно Роузфилду, именно от меры влияния Генштаба зависит будущее России.

Перед страной или, скорее, Кремлем открыты два пути. Первый предполагает дальнейшую «структурную милитаризацию», когда российский Генштаб будет играть ту же роль, что и его предшественник в Советском Союзе периода застоя. Автор приводит длинный перечень запросов Генштаба, включающий новую военную технику, системы вооружений и т. д. Кроме того, возврат к масштабной милитаризации позволит решить проблему занятости населения. Альтернативой такому пути был бы переход к «структурной демилитаризации». Это потребовало бы установления гражданского контроля над Генштабом и дальнейшей либерализации экономики. Напомню, что Роузфилд не считает российскую экономику в достаточной степени рыночной по причине отсутствия свободной конкуренции, засилья административного лоббирования и несправедливого протекционизма. По прогнозу автора, российское руководство избежит, скорее всего, первый вариант развития. «Россия стоит на пути структурной активизации вооруженных сил по советскому образцу, что приведет к полномасштабной милитаризации, неэффективному управлению, восстановлению полной государственной собственности в сфере ВПК, а общество окажется отброшенным назад в тот экономический и военный уклад, который порождает иллю-

зию полной обороноспособности, но не обеспечивает жизненных стандартов, сравнимых с западными» (с. 95).

Выводы Роузфилда, без сомнения, актуальны. Но при этом возникает закономерный вопрос: откуда у него столь непоколебимая уверенность в том, что вектор развития России определяется милитаризацией, а не чем-то другим, например экономической конкуренцией? Сам автор не дает убедительного ответа, склоняясь к своего рода логическому редукционизму: мол, российская элита представляет себе Россию не иначе как в статусе супердержавы, обеспечить который может только все та же «структурная милитаризация». Вызывает недоумение, почему автор трактует понятие супердержавы — этого предмета мечтаний российского политического класса — исключительно в военном ключе. А как же пресловутое «удвоение ВВП», попытки догнать по уровню жизни Португалию, проекты либеральной империи, наконец? В чем-то с ним можно согласиться, например в том, что в сегодняшней России «великая держава», или «супердержава» (Роузфилд использует оба обозначения как синонимы), — это консенсусные термины для репрезентации российской государственности. Однако невозможно игнорировать тот факт, что отечественный политический дискурс наших дней переполнен разнообразными интерпретациями этих терминов. Кроме того, за рамками книги остался круг вопросов, связанных с экономическими интересами крупнейших российских компаний, вступлением в ВТО, интеграцией в мировую экономику.

Вообще, там, где Роузфилд отклоняется от своей излюбленной темы — ВПК и вооруженные силы, — качество фактического материала зримо понижается. Оставим на совести автора постоянное упоминание «новых русских» как социальной группы в современной России и другие неточности. Например,

генерал-полковник Валерий Миронов назван российским министром обороны, в действительности же он был заместителем министра. Термин *duvan* (транслитерация русского жаргонного «дуван», означающего долю награбленного, приходящуюся на одного из соучастников), который появляется на с. 68, в примечаниях в конце книги почему-то превращается в *divan*. И т. д.

В тех местах, где от автора ожидаешь внятных объяснений причин, по которым Россия заиклилась на «стратегической милитаризации» и «супердержавности», он ограничивается рассуждениями о некой «московитской» (*Muscovite*), или «московской», модели как об имманентно присущей России парадигме развития. То, как он излагает этот сюжет в своей книге, настолько забавно, что трудно не поддасться искушению привести его целиком. Итак: «Посткоммунистическая экономическая система России претерпела значительные метаморфозы от плановой к частично рыночной авторитарной системе с исключительно российскими чертами, которые можно найти в послемонгольском периоде возвышения Московии, включая современные формы автократии, господство государственной собственности над частной (*patrimonialism*), временные привилегии (*pomestie*), административную ренту (*kormlenie*), институциональные связи (*krugovaya poruka*), хищение (*duvan*), протекционизм (*Slavophilism*), подчинение и абсолютное неравенство, — система, которая, по-иному говоря, может быть названа московитской моделью» (с. 68). Представление о том, что в России (или, может быть, в Московии) с XV века вообще ничего не менялось, а если и менялось, то все больше в сторону круговой поруки и «славянофильства», конечно, не новое, но уж очень тенденциозное. Позволю себе привести еще несколько примеров. Роузфилд пишет: «Русские знают ответ на вопрос “что делать?”, но по культурным причинам или из

эгоистических побуждений редко поступают в соответствии со своими национальными интересами» (с. 3). Или еще: «У [русского] медведя необходимо изменить генетический код» (с. XIV).

Я далек от того, чтобы обвинять Роузфилда в предвзятом отношении к России, — пусть судит сам читатель. Но когда читаешь книгу, у автора которой есть готовый ответ на все вопросы («Россия такая, потому что она такая, и другой никогда не будет»), становится скучно. А может быть, Роузфилд изначально поставил перед собой другую задачу и свою книгу писал для того, чтобы провоцировать читателя? Уже на первых страницах он вступает в полемику с теми, кто, по его мнению, неверно оценивает Россию. Это и советологи из ЦРУ (правда, не совсем понятно, кому же адресована его критика, если он сам долгое время был консультантом нескольких директоров этой организации), и Эйбрам Бергсон — отец так называемой новой экономики велфэра и один из ведущих специалистов по Советскому Союзу, и экономисты из американского Кембриджа, и такие известные российской аудитории ученые, как Андерс Ослунд, Джеффри Сакс и Дэниел Трейсман. В книге утверждается, что все эти исследователи ошиблись в оценках Советского Союза и современной России. Особенно критично Роузфилд настроен по отношению к авторам известной статьи «Нормальная страна», первоначально напечатанной в журнале *Foreign Affairs* (март — апрель 2004 г.) и в расширенном виде под названием «Обычная страна» изданной на русском языке Московским центром Карнеги (Рабочие материалы. № 7. 2004), — Андрею Шлейферу и Дэниелу Трейсману. Он даже написал гневную отповедь авторам этой статьи, озаглавленную «Ненормальная страна» (см.: *Rosefielde S. An Abnormal Country // Bofit Discussion Papers. Bank of Finland Institute for Economies in Transition, 2004*).

Роузфилд считает, что в своих обнадёживающих оценках успехов российской экономики Шлейфер и Трейсмэн, как и многие другие, продемонстрировали *wishful thinking*, выдавая желаемое за действительное, и типичную для европейцев и американцев манеру подходить к любым странам с западными мерками. Он категорически не согласен с теми, кто считает Россию «нормальной страной», — такой же нормальной, как, скажем, Мексика или Венесуэла. Он полагает и пытается доказать это на страницах рецензируемой работы, что Россия остается в плену культурного детерминизма и «московитской модели», а потому любыми способами будет стремиться стать супердержавой. Автор, конечно, волен высказывать свое мнение, но приходится констатировать, что его логика ничем не лучше логики тех, кого он критикует.

Все дело в том, что считать за норму. Для Роузфилда нормальным является соответствие экономического развития так называемому закону Парето, то есть полная реализация экономического потенциала и максимизация полезности на основе конкуренции. В условиях же «московитской модели» закон Парето не действует и, значит, отсутствует свободная конкуренция, что неизбежно ведет к потере эффективности. А если это так, то Россию ни в коем случае нельзя считать нормальной страной. Между тем данный вывод вызывает серьезные сомнения. Во-первых, не лукавит ли автор, когда настаивает на соблюдении законов экономической теории в рамках модели, которую он сам же и породил (добавлю от себя, с многочисленными неточностями, упрощениями, с элементами культурного и исторического детерминизма)? Такой подход иначе как нормативным назвать нельзя. Во-вторых, почему в России реальной, а не смоделированной несоблюдение закона Парето обязательно должно привести к «структурной милитари-

зации» и возникновению «расточительной супердержавы»?

Собственно, к концу книги Роузфилд несколько смягчает свой приговор. Он говорит скорее о вероятности, нежели о предопределенности, и признаёт наличие альтернатив «московитской модели», таких, как социалистическая Югославия и страны Восточной Европы времен холодной войны, китайская и южнокорейская модели, даже экономическая модель гитлеровской Германии (государственный контроль в экономике, идея государства-крепости). Американскую либеральную и европейскую социал-демократическую модели автор считает наименее вероятными для России. Он полагает, что Путину будет трудно сделать необходимый выбор из-за свойственных ему «авторитарных инстинктов, которые постепенно примирят его со сторонниками структурной милитаризации» (с. 122). Наверное, примерно то же можно сказать и о самой книге Роузфилда: убежденность автора в неизбежности «московитской модели» и вера в непреложность закона Парето не позволяют ему примириться с альтернативными взглядами на будущее России в XXI веке.

В заключение хотелось бы сказать, что отмеченные недостатки являются чем-то вроде продолжения несомненных достоинств книги Роузфилда. Она заставляет нас задуматься не только над перспективами России в наступившем веке, но и над состоянием анализа российской экономики и политики. «Расточительная супердержава» ставит вопрос об отсутствии единых стандартов, норм или, как принято говорить, *benchmarks* для оценки выбора России. Можно с уверенностью сказать, что труд Стивена Роузфилда сам по себе есть некий индикатор положения дел в исследованиях новейшей российской истории. ■

ВАДИМ КОНОНЕНКО

ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 318 с. *

За последние 10–15 лет число исследований по различным аспектам функционирования ГУЛАГа росло едва ли не в геометрической прогрессии. Этому есть объяснение. В постсоветский период резко расширилась источниковая база: многие ранее засекреченные архивы стали доступны для отечественных и зарубежных ученых. Кроме того, появились многочисленные мемуарные публикации узников ГУЛАГа. Не последнюю роль сыграл также повышенный интерес у нас и на Западе к изучению советской машины террора 1920–1950-х годов, к раскрытию тайных пружин сталинской диктатуры. Но, несмотря на столь благоприятную исследовательскую ситуацию, остаются пока нерешенными важные теоретические проблемы. Одной из них и посвящена рецензируемая книга.

Общие механизмы развития и воспроизводства ГУЛАГА, а также его роль в экономике Советского Союза уже рассматривались в научной литературе. Однако до сих пор не ясно, насколько экономически эффективным был принудительный труд и какова была его специфика в контексте трудовых отношений, характерных для советской эпохи. Между тем эта проблема, на первый взгляд вроде бы частная, напрямую связана с более общим вопросом закономерностей экономического развития советской системы в целом и ее эффективности в разных политических и международных условиях. Группа ученых из России, США, Великобритании и Германии попыталась в коллективной монографии, о которой здесь и пойдет речь, проанализировать — на основе впервые вводимых в оборот архивных данных — особенно

сти работы исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа, эволюцию его структур управления и конкретные конфигурации территориальных моделей принудительного труда в Карелии, Норильске, на Дальнем Востоке, Урале и в Западной Сибири.

Начало массового применения принудительного труда в рамках ГУЛАГа датируется 1929-м, когда были приняты соответствующие постановления Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Предполагалось, что трудом заключенных будут осваиваться богатые природные ресурсы северных и восточных малонаселенных окраин страны (с. 21, 131). Тем самым был заложен политический и экономический фундамент быстрого развития всей системы ГУЛАГа и ее наиболее характерных черт. Сам образ ГУЛАГа оказался прочно связан с традиционной для России проблематикой окраинной колонизации. Хотя принудительный труд и играл существенную роль в освоении новых земель в более ранние эпохи — Московского царства и Российской империи, но лишь в советское время он стал господствующей формой трудовых отношений во многих районах Европейского Севера, Казахстана, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Парадоксально, но до 1861 года именно Русский Север и Сибирь были оплотом свободного и вольнонаемного труда, хотя уже с XVII века Сибирь становится местом каторги и ссылки.

С самого начала деятельности советских концентрационных лагерей (данный тер-

* Авторы: Л.И. Бородкин, К. Джойс, С.А. Красильников, Д. Норландер, А.К. Соколов, А.Б. Суслов, Дж. Хейнцен, О.В. Хлевнюк, С. Эрфт.

мин в 1929-м заменили на более завуалированный — «исправительно-трудоустройство», с. 131) перед ГУЛАГом были поставлены две основные задачи: 1) контроль над заключенными и за их перевоспитанием и 2) достижение экономической рентабельности. Полигоном для решения этих задач в 1920-е годы стали Соловецкие лагеря особого назначения (СЛОИ). Соловецкий опыт продемонстрировал, что достижение самоокупаемости не противоречит задаче обеспечения контроля над заключенными. Как только это выяснилось, пишет один из авторов монографии — Кристофер Джойс, «расширение лагерей стало неизбежным» (с. 178).

Однако стремительная экспансия системы лагерей в начале 1930-х привела к смещению акцентов. Мобилизационная модель ГУЛАГа сложилась к 1931–1933 годам (ударные стройки Красновишерского ЦБК, Беломорканала, канала Волга — Москва, начало строительства Байкало-Амурской магистрали, с. 275–276), при этом проблема экономической рентабельности самого ГУЛАГа отошла на второй план, хотя периодически и поднималась. На первый план вышла задача экономического участия ГУЛАГа в ускоренной индустриализации (с. 78–80).

Подробные данные о вкладе «лагерной экономики» в индустриализацию СССР в 1930–1950-х приводит Олег Хлевнюк (с. 69–75). Сама география лагерей, а также специфика используемой ими рабочей силы диктовали экономическую специализацию: лесная и топливная промышленность, черная и цветная металлургия, строительство (в том числе стройки атомной промышленности). Так, в 1938–1939 годах НКВД обеспечивал 13 проц. всех лесозаготовок СССР, а в 1940-м доля капиталовложений, освоенных этим ведомством, составила 14 проц. от общесоюзных (с. 71–72). Наиболее хозяйственно значимой была деятельность ГУЛАГа в сфере цветной металлургии и в атомной промыш-

ленности. Например, в 1952 году МВД обеспечивало производство примерно 70 проц. олова и трети никеля в стране (с. 74), а удельный вес его спецстроек в решающий период реализации атомного проекта вырос за два года (1947–1948) с 24,6 до 30,5 процента (с. 75). Серьезную роль играл ГУЛАГ и в отраслях промышленности, непосредственно работавших на военный потенциал СССР, хотя это была довольно узкая сфера.

Изучая историю ГУЛАГа, большинство исследователей оказываются перед дилеммой: что первично в столь быстром расширении сети лагерей и их многообразной деятельности — обслуживание политических репрессий и изоляция миллионов заключенных или же экономическая функция быстрой индустриализации за счет ресурсного освоения окраин? Анализ, проделанный авторами монографии, говорит о том, что, по существу, мышление политической верхушки СССР в том, что касается экономической деятельности ГУЛАГа, было реактивным. Большой террор 1937–1938 годов привнес в работу лагерных предприятий определенную долю хаоса. Как пишет Хлевнюк, «поступление сотен тысяч новых заключенных скорее дестабилизировало экономику НКВД, чем придало ее развитию новый импульс» (с. 82). Ситуацию усугубляло то, что значительную часть расстрелянных с августа 1937-го до ноября 1938-го «составляли трудоспособные мужчины, квалифицированные специалисты и рабочие, которых постоянно не хватало на объектах НКВД» (там же). Короче говоря, пики волн политических репрессий приводили к разлаживанию экономического механизма ГУЛАГа. Правда, со временем лагерное руководство все же находило то или иное применение новым трудовым ресурсам, но чаще всего это было экстенсивное расширение предприятий с преимущественно неквалифицированным трудом (к примеру, лесозаготовки). Характерно, что хронический

дефицит трудовых ресурсов в мобилизационной модели ГУЛАГа давал себя знать еще на заре ее формирования — в период строительства Беломорканала (с. 22). Таким образом, ГУЛАГ в своей ипостаси экономического предприятия страдал от избытка неквалифицированных трудовых ресурсов при хронической нехватке специалистов и квалифицированных кадров.

Если рассматривать деятельность советской лагерной системы с точки зрения экономической эффективности (соотношение конечного результата и затрат), то большинству исследователей сразу бросается в глаза ее низкая продуктивность, а то и попросту нерентабельность. Мало того что ГУЛАГ представлял собой своего рода организационного монстра, вынужденного преследовать две трудно сочетавшиеся или взаимоисключавшие друг друга цели (изоляция и контроль над заключенными и производственные задания), — для его функционирования были характерны также огромная текучесть рабочей силы (с. 39–40, 43), большие объемы незавершенного строительства (с. 86–87), систематическое отторжение достижений технического прогресса (с. 85). Кроме того, как отмечает Хлевнюк, «ГУЛАГ с его “дешевой” рабочей силой оказывал разлагающее воздействие и на те секторы экономики, которые базировались на вольнонаемном труде. Советские хозяйственные ведомства, в силу объективных системных причин мало заинтересованные в организационном и техническом прогрессе, предпочитали решать многие проблемы за счет “нарядов” на заключенных, что еще больше тормозило развитие рынка труда и социальной инфраструктуры. Труд заключенных становился своеобразным наркотиком для экономики» (там же). Что же тогда удерживало на плаву множество предприятий ГУЛАГа? Что определяло экономическую значимость лагерной системы?

Главным экономическим достоинством ГУЛАГа в глазах советских руководителей было обеспечение мобильных трудовых ресурсов, готовых к быстрой переброшке для решения насущных экономических задач. Именно мобилизационные возможности ГУЛАГа и определяли его специфическую эффективность в рамках экономики советского типа — такого взгляда придерживаются, по сути, все авторы монографии (см. особенно с. 153, 278). Кроме того, отбывшие срок заключения лагерники не обретали свободу передвижения, оседая в качестве вольнонаемных в тех же самых лагерях и колониях, где они «отсиживали». Механизмы такого прикрепления варьировались от района к району (с. 76–77, 134–135, 211), что не отменяло общего правила: высокая мобильность трудовых ресурсов ГУЛАГа сочеталась с очень низкой индивидуальной мобильностью как заключенных, так и «вольнонаемных».

Авторы книги — каждый по-своему — пытаются ответить на вопрос: в чем было различие между принудительным и вольнонаемным трудом, в том числе и с точки зрения экономической эффективности? Постановка этой проблемы осложняется тем, что в советской реальности понятие вольнонаемного труда фактически было эвфемизмом, скрывавшим тот факт, что любая занятость в той или иной мере содержала элементы принудительного труда (с. 274). Тем не менее в книге предпринята попытка ответить на данный вопрос.

Как показывает проведенный авторами анализ, больших различий в производительности между принудительным и вольнонаемным трудом не было. В одних случаях этот показатель был немного выше для первого, в других — для второго. Однако под конец существования ГУЛАГа производительность труда на его предприятиях и стройках стала заметно отставать от соответствующих «свободных» отраслей. Так, в конце 1940-х — нача-

ле 1950-х годов она составляла в производственных главках МВД 50–60 проц. от отраслевых показателей (с. 63). Характерно, что чем менее квалифицированным был труд, тем меньше была и разница в экономической эффективности между обеими формами. Особенно убедительно это продемонстрировал Андрей Суслов на примере Урала конца 1920-х – начала 1950-х (с. 255–279). Но есть одно исключение.

Изучая механизмы и результаты спецколонизации севера Западной Сибири в 1930-х годах, Сергей Красильников показал, что принудительный труд спецпереселенцев был несколько более производителен, чем труд местного – условно вольнонаемного – населения: фактически это был крепостной труд в колхозах и совхозах (с. 298–301). Ученый видит причины подобного феномена в том, что у спецпереселенцев «была повышенная мотивация к труду (в противном случае им грозила голодная смерть). Кроме того, от количества и качества труда (“ударничества”) зависели и перспективы восстановления их в гражданских правах... Помимо этого руководство ОГПУ-НКВД с 1933 по 1937 год регулярно добивалось правительственных решений о льготном финансировании неуставных артелей, списании с них задолженностей, отсрочке ряда госпоставок и платежей. Наконец, отделы спец(труд)поселений вели самостоятельную ведомственную отчетность, неподконтрольную государственным, в частности финансовым, органам, что давало широкие возможности для манипулирования статистикой» (с. 313). Для спецпоселений на начальном этапе их существования НКВД оказался, по сути, «щитом», оберегавшим их от жестких и даже жестоких условий функционирования советского сельского хозяйства (с. 302–303). Интересно, что, как только неуставные артели были переданы в 1938-м из ГУЛАГа советским и хозяйственным органам Нарыма, они, попав, как и все,

под пресс огромных налогов и повинностей, перестали по экономической эффективности отличаться от местных колхозов (с. 313).

Для адекватного понимания экономических закономерностей функционирования ГУЛАГа в советской системе необходимо знать структуры его управления. Эта важная работа была проделана одним из авторов монографии – Симоном Эртцем (с. 90–129). Он выявил существенные различия в структурах управления и территориальной организации двух исходных составляющих ГУЛАГа – исправительно-трудовых лагерей и исправительно-трудовых колоний. Хотя организаторы лагерной системы первоначально предполагали, что, в отличие от колоний, в лагерях будут отбывать срок осужденные с более длительными сроками заключения, в действительности лагеря стали просто более крупными – по сравнению с колониями – производственными ячейками, ядрами целых территориально-производственных комплексов, управлявшихся по отраслевому либо производственному принципу или же прямо из Центра. Крупные лагерь «могли быть рассредоточены на огромной территории, а численность заключенных в них могла доходить до многих десятков тысяч, превышая в некоторых случаях сотысячный уровень» (с. 96). Внутри самих лагерей была своя иерархия поселений («лагерные пункты», «отдельные лагерные пункты», «участки», «командировки» и т. п.), накладывавшаяся на традиционную систему расселения в том или ином районе. Колонии насчитывали, как правило, меньше заключенных, не имели сложной внутренней территориальной организации, управлялись местными карательными органами и занимались решением производственных задач местного уровня (в основном сельскохозяйственные работы, строительство).

Эволюция структуры лагерной системы и принципов ее управления в 1930–1950-х

годах, прослеженная Эртцем, характеризуется соперничеством двух главных функций ГУЛАГа — карательной и производственной: они вступали в противоречие друг с другом, снижая эффективность обеих. Первоначальное расширение лагерной системы в 1930-х привело к разрастанию производственной составляющей, которой лагерное руководство тяготилось. С конца 1930-х годов ГУЛАГ стремился ограничиться контролем над заключенными, отторгая производственную функцию. Это делалось путем создания производственных главков внутри НКВД-МВД, которым лагеря поставляли рабочую силу. К концу существования ГУЛАГа производство было просто передано в ведение гражданских министерств, а лагеря снабжали их трудовыми ресурсами. Несложно понять причины подобной эволюции: принудительный труд внутри ГУЛАГа был малоэффективным из-за слабости мотивации как у заключенных, так и у тех, кто их охранял.

Несмотря на то что исторически ГУЛАГ эволюционировал в сторону постепенного исключения из сферы его ответственности производственных объектов, он, тем не менее, сумел организовать мощные производственные структуры, формировавшие экономико-географические образы многих территорий СССР. Среди них Беломорско-Балтийский комбинат (ББК) в Карелии, Норильск на Таймыре и, наконец, любимое детище НКВД — знаменитый Дальстрой на северо-востоке страны. Эти поистине территориально-производственные комплексы концентрировали львиную долю экономических ресурсов территорий, зачастую игнорируя местные управленческие структуры. Так, ББК вел самостоятельную хозяйственную политику, практически не информируя о ней руководство Карелии, а иногда и вступая с ним в конфликт. Понятно, что для обеспечения подобной деятельности ББК обла-

дал собственной системой связи и передачи информации, имевшей экстерриториальный характер (с. 182—185, 187).

Еще более характерными с точки зрения формирования образов окраинных районов СССР были Норильский комбинат и Дальстрой (главы об экономической деятельности этих структур ГУЛАГа написаны Леонидом Бородкиным, Симоном Эртцем и Дейвидом Норландером). Данные структуры в использовании своих трудовых ресурсов пытались проводить политику, отличную от типовой политики ГУЛАГа и ориентированную на более рациональное использование рабочей силы (к этому подталкивали экстремальные климатические условия), а также на ее более эффективное воспроизводство (с. 236—238, 245—246). Внешне их деятельность чем-то напоминала деятельность британской Ост-Индской компании в Индии, являвшейся до какого-то времени полновластным хозяином британских владений в этом регионе мира. Подобное сравнение вполне корректно, если принять во внимание хотя бы размеры территории, контролируемой, например, Дальстроем: «Расположенный между Тихим и Северным Ледовитым океанами, Дальстрой управлял более чем 130 лагерями на территории, охватывающей почти 3 млн кв. км и простирающейся до Берингова пролива. Включающий реки Лена, Индигирка и Колыма, Чукотский полуостров и части северной Камчатки, этот регион объединил территорию, которая по размеру превышает Западную Европу» (с. 239). Другое дело, что итоги производственной деятельности этих структур ГУЛАГа жестко контролировались из Центра, а на их экономические результаты крайне негативное влияние оказывали волны политических репрессий (с. 255).

Суммируя сказанное, можно с уверенностью утверждать, что вскрытый авторами новый пласт исторических документов

и мемуарных свидетельств позволил им сделать ряд важных выводов об экономической специфике принудительного труда в ГУЛАГе. А это в свою очередь открывает возможности для выдвижения более широких концептуальных предположений о характере колонизации территории России/СССР.

Огромные лагерные комплексы ГУЛАГа на северных и восточных окраинах Советского Союза можно трактовать как попытку вторичной колонизации этих территорий в жестких условиях вынужденной индустриализации и модернизации СССР. Использование принудительного труда в столь значительных масштабах на фоне политических репрессий в Сибири, на Дальнем Востоке, Европейском Севере, в Казахстане способствовало формированию новых амбивалентных образов этих территорий. Существенно то, что образы лагерей ассоциировались с образами неосвоенных, диких, безлюдных и холодных районов, ставших источниками промышленного могущества Советского государства. Формирование подобных образов окраинных территорий было призвано усилить образ страны в целом, диверсифицируя его за счет ранее почти не использовавшихся или слабо использовавшихся образов богатых различными природными ресурсами фронтальных окраин. Поэтому и сам ГУЛАГ, и его порой вынужденные территориальные стратегии можно представить как попытку политического руководства СССР и лагерного начальства не только разработать слабо освоенные месторождения окраин потом и кровью миллионов заключенных, но и создать основы массового образа гигантской и могущественной страны, богатой прежде всего своими малоизвестными и отдаленными регионами.

Вполне очевидно, что гулаговская колонизация не могла быть эффективной по принятым экономическим критериям и в силу

этого обстоятельства — окончательной. Это — очередное образное наращивание смысла и значения огромных государственных пространств России/СССР, ставшее традиционным для российской государственности по крайней мере с XV века. В рамках подобного политического дискурса государственное пространство становится не столько экономическим и, как следствие, политическим ресурсом, сколько готовой к употреблению экономической формой, продуктом, предназначенным для своего рода символических обменов и трансакций.

Российские пространства являются синтетическим и весьма совершенным кластером экономико-географических образов. Данное обстоятельство порождает дискурсивные и методологические проблемы. Дискурс огромности, богатства и неисчерпаемости российских пространств, постоянно развертываемый или наблюдаемый в отечественной истории, означает не столько неизбежную экстенсивность российской экономики и ее низкую экономическую эффективность, сколько периодическое воспроизводство экономико-географических образов, служащих, по существу, одним из важных инвестиционных факторов как для внутренних инвесторов (к ним в российских условиях относятся чаще всего государственные и парагосударственные агенты), так и для внешних инвесторов, для которых образы российских пространств синонимичны образам неисчерпаемых природных ресурсов.

Представленная здесь интерпретация позволяет высказать и несколько предположений об исторической роли принудительного труда в экономике России/СССР. В классических концепциях российской истории хорошо зафиксировано значение крепостного права и различных форм принуждения в расширении и освоении территории России. Однако это его значение рассматривается в контексте либо жесткого

государственного освоения, подающего себя как политическая и экономическая необходимость, либо вольного, по существу внегосударственного, освоения, рассматриваемого как неизбежное следствие ужесточения государственных форм принуждения на уже освоенных территориях (бегство, миграция людей на территории, не контролируемые или слабо контролируемые государством). Но возможен и более объемный взгляд, опирающийся на представление о непосредственной значимости образов пространств в российской/советской экономике.

Постоянно воссоздаваемые и трансформируемые образы пространств, работающие как один из мощных моторов экстенсивной экономики, могут быть связаны с характером и формами принудительного труда. Пространство, репрезентируемое образами

огромности, широты, богатства, неисчерпаемости, как бы принуждает постоянно осваивать само себя; принуждение и принудительный труд встраиваются в пучок подобных образов вполне органично — они сами становятся неотъемлемой и естественной частью этой образной системы. Другими словами, экономика, ориентированная на пространство и оперирующая пространственными образами, вызывает к жизни различные формы принудительного труда, становясь чаще всего экономикой принудительного труда (в прямых и косвенных формах). Таким образом, принудительный труд оказывается существенной частью «экономики пространства», каковой в течение нескольких последних столетий и была отечественная экономика. ■

ДМИТРИЙ ЗАМЯТИН

И.В. Карацуба, И.В. Курукин, Н.П. Соколов. Выбирая свою историю: «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 650 с.

Учебники по отечественной истории, с завидным усердием штампуемые различными центральными и периферийными издательствами, к сожалению, в своем большинстве отличаются весьма низким качеством, о чем не один раз говорилось и в прессе, и с высоких трибун. Интересная современная книга для чтения и обучения, охватывающая весь период российской истории, давно стала насущной необходимостью. И теперь можно сказать, что такая книга появилась. Издательство «КоЛибри» выпустило в свет объемистый том, принадлежащий перу профессиональных историков — Ирины Карацубы, Игоря Курукина и Никиты Соколова.

«Выбирая свою историю» написана в необычном жанре, определяемом автора-

ми как «антиучебник». По их замыслу, книга должна противостоять тенденции, характерной для традиционных учебников, представлять исторический процесс в виде закономерности. Утверждая, что «целенаправленная деятельность человека в прошлом, составляющая существо истории, не подчиняется никакой кабинетно измышленной закономерности» (с. 9), авторы пытаются раскрыть для читателей мыслимые альтернативные пути исторического развития России от Киевской Руси до наших дней.

Книга имеет необычное построение. Каждая из ее 26 глав начинается тем или иным конкретным событием: празднованием тысячелетия Руси, наведением Александром Невским татар на Русь в 1252 году, отъездом Ивана Грозного в Александровскую слободу в

1564-м, отбытием Петра I с Великим посольством за границу в 1697-м, смертью Петра II в 1730-м, арестом Николая Новикова в 1792-м, восстанием Семёновского полка в 1820 году, роспуском редакционных комиссий накануне отмены крепостного права, оправданием Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника и т. д. Не буду перечислять все двадцать шесть вех, намеченных авторами в качестве отправных пунктов. Сами они называют их «точками бифуркации», довольно туманно ссылаясь при этом на «научную литературу» (с. 11).

Между тем понятие «точка бифуркации» требует пояснения. Его появление в историографии датируется вполне точно. Первым данный термин употребил Юрий Лотман сразу же с выходом в свет русского перевода книги Ильи Пригожина и Изабеллы Стенгерс «Порядок из хаоса» (М., 1986). В этой работе понятие бифуркации относится к химическим и биологическим процессам, вступившим в стадию динамического неравновесия, когда дальнейшая эволюция всей системы оказывается непредсказуемой. Само слово «бифуркация» (от лат. *bifurcus*, то есть «двузубый») наглядно обозначает развилку, по одной из ветвей которой и будет проходить дальнейшее движение. Состояние системы, достигшей «точки бифуркации», Пригожин определяет словом «флуктуация» (от лат. *fluctus* – «бурление, буря»).

Лотман, много размышлявший в 1980-е годы над альтернативными путями исторического развития, случайными и детерминированными факторами в истории, был поражен близостью своих собственных размышлений к выводам бельгийского физикохимика Пригожина. Сходство было настолько очевидным, что это позволило Лотману распространить на культурологию понятийный аппарат описания химических процессов.

Впрочем, дело не в терминах, как таковых, а в том, что следует понимать под аль-

тернативной историей, и в том, что может, а что не может позволить себе историк, размышляющий о путях и перепутьях исторического процесса. Самыми непродуктивными кажутся, к сожалению, все чаще встречающиеся в околонулевой литературе фантазии на тему, что могло бы быть, если бы... Соблазн столь велик, что от него не удерживаются порой и серьезные историки. В одной из глав рецензируемой книги авторы приводят рассуждения Натана Эйдельмана о том, что произошло бы, одержи Черниговский полк победу в 1826-м. В данном случае речь фактически идет не об альтернативной истории, а о прогнозах прошлого. Это любопытно как игра ума, но к научным знаниям и пониманию истории мало что добавляет.

Между тем альтернативная история как предмет изучения существует давно, и историки, вступая в ее область, часто не до конца сознают, что имеют дело именно с ней, подобно господину Журдену, не подозревавшему, что он говорит прозой. Давно стали привычными статьи, появляющиеся в научных изданиях под названиями типа «Неизвестный (или забытый) деятель N». Почему неизвестный и кем забытый? В действительности, как правило, имеется в виду человек, принадлежавший к той линии исторического развития, которая была отброшена в «точке бифуркации». По ней могла бы пойти, но не пошла дальнейшая история.

В главе «Меж ордой и орденом» повествуется об Александре Невском. Авторы, анализируя его протатарскую политику, соглашаются с мнением современного историка Михаила Сокольского: «Позор русского исторического сознания, русской исторической памяти в том, что Александр Невский стал непререкаемым понятием национальной гордости, стал фетишем, стал знаменем не секты или партии, а того самого народа, чью историческую судьбу он жестоко исковеркал» (с. 62). В качестве альтернативы

рассматриваются юго-западные князья, не пожелавшие «служить ордынским ханам». «Из этих земель со временем сформировалось другое государство — Великое княжество Литовское» (с. 63).

Среди таких князей в XIII веке на первое место следует поставить Даниила Галицкого. Рано осиротевший, воспитывавшийся в Венгрии при дворе венгерского короля Андраша II, он с детства впитал черты рыцарской европейской культуры. Героический участник сражения на Калке в 1223 году, Даниил становится ярым противником татар и в дальнейшей борьбе с ними, равно как и с русскими князьями, претендовавшими на его наследственные земли, использует свои европейские связи, опираясь на поддержку то венгров, то поляков. В 1246-м он вступает в контакт с папой Иннокентием IV и обещает подчинить русскую церковь Риму в обмен на общеевропейскую помощь в борьбе с татарами. Что произошло дальше, хорошо известно. Помощь не была оказана, и вся прозападная политика Даниила потерпела крах.

Но представим себе, что ему удалось сплотить Европу, не допустить установления татарского ига на Руси и, выполняя обещание перед Римом, сделать Русь католической. Как бы развивалась история католической Руси — это вопрос, выходящий за пределы исторической науки и вряд ли заслуживающий серьезного обсуждения. Но историка не могут не интересовать те линии в развитии Древней Руси, которые вели и могли привести к принятию католицизма. Русь, обратившаяся в католическую веру в XIII веке, имела бы не только другое *будущее*, но и другое *прошлое*. Московский путь русской государственности был бы утерян, и где проходили бы восточные границы Руси, сказать невозможно. Но в любом случае это были бы границы европейского культурно-пространства. Введение христианства на

Руси князем Владимиром в 988 году превратилось бы из судьбоносного события в мало-значительный эпизод — лишнее доказательство непопулярности этого князя при жизни. Андрей Боголюбский если бы и был нам известен, то только тем, что его войска учинили погром в Киеве в 1168-м, а какой-то там новгород-северский князь Игорь, которого мы знаем исключительно из «Слова о полку Игореве», был бы представлен как крупный политический деятель. Фигура князя Изяслава, бежавшего от восстания киевлян на Запад и там установившего контакты с папой Григорием VII и его врагом императором Генрихом IV, возможно, заслонила бы собой фигуру его отца Ярослава Мудрого. Одним словом, современный историк, размышляющий об истоках русского католицизма, выбирал бы из обширного калейдоскопа событий, зафиксированных в летописях, совсем не то, что интересует историков той России, которая реально состоялась.

«Точечный» взгляд на историю, представленный в рецензируемой книге, несомненно, придает драматическое напряжение излагаемому материалу, возбуждает читательский интерес, но вместе с тем препятствует прояснению генезиса тех или иных событий. Авторы, скорее всего, не разделяют ленинскую периодизацию русского освободительного движения, хотя прямо на этот счет не высказываются. Но вместе с тем, концентрируя свое внимание на тех же исторических узлах (декабристы, разночинцы-народники, большевики), они фактически воспроизводят ленинскую схему. И хотя их оценки неоднозначны и в целом не вызывают серьезных возражений, хотелось бы внести некоторые коррективы. Если отказаться от идеологии «освободительное движение», как относящейся к области языка описания, а не к самому объекту, то декабристы окажутся не «первенцами свободы», а людьми, завершающими определенный этап российской исто-

рии. Декабризм в силу ряда причин, на которых здесь нет возможности остановиться, — явление скорее завершающее, чем открывающее новую страницу. Перебросить от декабристов мостик к революционным демократам, как их принято было называть в советское время, вряд ли возможно. Это, кажется, понимал и сам Ленин. Не случайно же он поставил между ними Герцена как связующее звено. Декабристы «разбудили Герцена», тот, пробудившись, развернул пропаганду, а уж тогда ее «подхватили» и «размножили» разночинцы.

В действительности линия декабризма после 1826 года продолжена в сфере правительственного реформизма. Влияние декабристских идей на Николая I сегодня не вызывает сомнений. И при Александре II те из декабристов, кто дожил до его времени, были определенно на стороне правительственных реформ. Их оппозиционность стихала по мере уменьшения роли дворянства в общественной жизни страны. Генезис разночинской идеологии еще до конца не прояснен. Но было бы напрасным трудом искать его на магистральных путях исторического развития. Он теряется во множестве более ранних развилок и не виден за парадной историей того времени. Авторы книги верно подметили, что для разночинцев «сама наука становилась в силу культурных особенностей этой среды объектом веры» (с. 363), но не пояснили, что же это была за среда и каково было ее происхождение. История подобной среды — чаще всего это провинциальное духовенство, — отесненной реформами Петра I на обочину истории и влачившей жалкое существование, еще не написана. Но именно там, среди потомков полуграмотных и полуголодных семинаристов, следует искать многих властителей умов второй половины XIX столетия. Выходцы из этой среды, конечно, не представляли собой однородной массы. Были среди них и замеча-

тельные деятели земства, и ученые, и публицисты, внесшие заметный вклад в историю отечественной культуры. Но одновременно визитной карточкой этого поколения был Сергей Нечаев, от которого тянется прямая линия к Ленину — кстати сказать, его пылкому почитателю. Неудивительно, что Нечаеву отведено значительное место в рецензируемой книге. В его лице русская революция предстала в наиболее обнаженном виде. Когда же историки освободительного движения сводят проблему к осуждению тактики и методов Нечаева другими представителями революционного подполья, они подменяют общее частным. Достоевский судил намного глубже и объективнее. Сам факт того, что нечаевщина в лице Ленина одержала решительную победу над империей, лишь подтверждает гениальное прозрение автора «Бесов».

Проблематика книги, по замыслу ее авторов, ограничивается сферой гражданской истории. В этом формате судьба России предстает в крайне пессимистическом виде. Авторы показывают, как на всех развилках истории, когда решался вопрос о будущем политическом устройстве страны и появлялась перспектива построения гражданского общества, Россия неизменно делала самый неудачный выбор. Конституционная карта всегда оказывалась битой, и страна всякий раз отбрасывалась в своем развитии назад. Во всех правительствах, которые когда-либо существовали в России, ощущался дефицит умных и ответственных политиков. Наверное, никогда не утратят актуальность слова декабриста Михаила Лунина: «Многим нашим официальным решениям свойственна наивная и идиотическая простота». Попытки масштабных преобразований, предпринимавшиеся великими реформаторами от Михаила Сперанского до Петра Столыпина, лишь подтверждают это правило. Какой бы властью реформаторы ни наделялись, от их

усилий в итоге ничего не зависело. Но самое парадоксальное состоит в том, что и от царей зависело не больше. Чего стоит признание Николая I, одного из авторитарнейших правителей России, что страной правит не он, а столоначальники. Старания инициативных личностей, волею судеб вознесенных на вершины власти, разбивались о косную, безликую, противящуюся любым переменам среду. Враги преобразований не только тянули страну назад, но и всячески стремились, отгородившись от внешнего мира, опереться исключительно на внутренние ресурсы.

Авторы «антиучебника» хорошо вскрыли механизмы свертывания великих реформ 1860-х. Откат от реформаторства, наметившийся еще в царствование Александра II и ставший основой правительственного курса его сына Александра III, сопровождался ростом националистических настроений, быстро оформившихся в государственную идеологию. Национализм — это болезненная реакция на общее неблагополучие, стремление найти легкий выход из сложной ситуации. Когда националистическая политика подкрепляется мощным репрессивным аппаратом, она опасна прежде всего для тех, против кого направлена. Когда же правительство слабеет и оказывается не в состоянии подавлять нарастающее недовольство низов, национализм становится опасным для самого правительства. Участие инородцев в русских революциях начала XX века — прямое следствие национальной политики Александра III и ее продолжения в царствование Николая II.

Раздел книги, посвященный началу XX столетия, имеет ярко выраженный исследовательский характер. Если в предшествующих главах переосмысливается то, что обычно пишут в школьных учебниках, то применительно к прошлому веку переосмысливать, собственно говоря, было нечего. Еще не сложились устойчивые схемы,

вокруг которых строится изложение учебного материала. Поэтому авторам общего курса пришлось заново обращаться к первоисточникам, самостоятельно выделять узловые моменты, основные периоды и т. д. Очень интересно показано противостояние николаевских министров Сергея Витте и Вячеслава Плеве, экономиста и идеолога-националиста. Предпочтение, оказанное императором последнему, было политической ошибкой, но это было время, когда ошибки правительству уже не прощали. В стране параллельно действовало подпольное правительство, осуществлявшее альтернативную кадровую политику посредством террора. Плеве был убит эсерами, и, что характерно, он сам и основал оказавшуюся для него самоубийственной систему двойных агентов, которые, выдавая властям революционеров, одновременно совершали террористические акты против правительственных чинов. Взаимодействие охранки и революционного подполья — одна из наименее изученных и в то же время многообещающих тем.

Нетрадиционно трактуется в книге и реформаторство Столыпина, ставшего, кстати сказать, жертвой двойного агента Дмитрия Богрова. «В каком качестве он стрелял — члена революционной организации или агента департамента полиции... установить невозможно» (с. 416). Реформы Столыпина не устраивали ни правых, ни левых. Но главное (и это хорошо показано в книге) — они не соответствовали реальным потребностям крестьянства, во имя которого проводились. Реформатор, не знакомый с условиями реформируемой жизни, — типичная фигура в отечественной истории. Летопись русских реформ свидетельствует, что они балансировали между двумя полюсами. На одном — непродуманные, случайные и непоследовательные меры с непредсказуемыми последствиями для самих реформаторов. На другом — стремление воплотить в

жизнь жесткие схемы, почерпнутые, как правило, из западноевропейского опыта, но без понимания их нежизнеспособности на русской почве. Результат в обоих случаях один: вместо движения вперед топтание на месте. Столыпин не представлял собой исключения. Поэтому все разговоры о результатах его реформаторской деятельности, если бы ее не прервала внезапная смерть, беспочвенны. Как верно отмечено в рецензируемой книге, «Столыпин сделался “политическим трупом” задолго до выстрела Дмитрия Богрова» (с. 468).

Особняком в книге стоит советский период. На мой взгляд, авторская концепция в приложении к нему выглядит искусственно, подбор материала фрагментарен, а изложение слишком конспективно. Историк, обращающийся назад, видит гораздо меньше исторических развилок, чем современники, глядящие вперед. Ретроспективный взгляд значительно облегчает процесс построения научных моделей. По мере же приближения к сегодняшнему дню число развилок резко возрастает и сведение всех вариантов воедино становится практически невозможным.

Разговор с читателем о советской эпохе начинается с НЭПа, трактуемого авторами как очередная развилка. Здесь много интересных наблюдений и суждений о возможных исторических вариантах, открывавшихся при переходе большевиков к новой экономической политике. На этом месте было бы логично поставить точку и завершить книгу. Сталинская эпоха на всем ее протяжении была безальтернативной. «Вождь всех времен и народов» развилок не любил и старательно их избегал. Даже великая победа в великой войне не стала очередной «точкой бифуркации». Режим был моментально восстановлен во всей его полноте, и сам вождь сошел со сцены в преддверии очередной кровавой чистки в верхах. Наверное, поэтому авторы от главы о НЭПе, носящей назва-

ние «Соблазн большого скачка», совершают «большой скачок» в брежневскую эпоху, оставляя за текстом не только политические процессы 1930-х и рубежа 1940–1950-х годов, но и хрущёвскую «оттепель».

Выделяя в качестве развилки демонстрацию семерых правозащитников на Красной площади в августе 1968 года в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию, авторы ведут от нее линию к «демократической революции 1991-го». Попутно говорится о неудачной попытке так называемой косыгинской реформы несколько ослабить пресс плановой экономики, о процессе над Синявским и Даниэлем, о попытке «реабилитации» Сталина в 1970-е годы, о расстреле с воздуха противолодочного корабля «Сторожевой» под командой мятежного замполита и т. д. Сказанное выше и многое другое действительно яркие эпизоды эпохи застоя. Но их изложение в «антиучебнике» не образует стройной концепции эпохи. Все это до сих пор слишком памятно, пропитано субъективным отношением как пишущих, так и читающих. Еще в большей степени это касается двух последних глав, посвященных горбачёвской и ельцинской эпохам. Авторы лишь напоминают читателю о том, что он совсем недавно узнавал из газет и по телевидению и что не только не успел забыть, но и, может быть, помнит не хуже авторов книги.

Это значительно снижает информативность, а следовательно, и ценность последних глав. Однако такого рода недочеты меньше всего объясняются недостатком знаний или неумелостью авторов. Напомню, как стремительно падает качество исторического повествования в знаменитом «Курсе русской истории» Василия Ключевского (1841–1911), когда он переходит к XIX веку. Здесь дает себя знать объективная невозможность изучать современность историческим методом. Кстати, авторы это прекрасно пони-

мают, что следует из послесловия к книге. Они пишут: «Главная опасность, угрожающая историку при неосторожном приближении к сегодняшнему дню, исходит не от власти и не от цензуры. Это опасность совсем иного рода. С разбегу угодив в “сегодня”, историк немедленно теряет статус профессионала и попадает в малопочтенный разряд “пикейных жилетов”, обо всем имеющих свое мнение, которому, как правило, грош цена. Сам характер нашего ремесла не допускает суждения о событиях и деяниях, результаты которых — хотя бы предварительные — еще не наступили» (с. 637). Остается только недоумевать, почему же авторы сами так опрометчиво приблизились к сегодняшнему дню и не остановились «на некотором безопасном расстоянии от “сегодня”» (с. 637).

Избегая скороспелых суждений и оценок современности, авторы при ее изложении уподобляются летописцу, фиксирующему события без пояснения реалий и

без характеристики политических деятелей. Очень может быть, что через несколько десятилетий имена многих широко известных в нашей стране людей будут вызывать лишь недоумение у новых поколений читателей и будущим историкам-эрудитам придется в своих комментариях пояснять, кем были олигархи и политики, которые ныне у всех на слуху.

Авторам, сосредоточенным на изучении «точек бифуркации» в гражданской истории России, удалось сказать о многом, избегая при этом казенных суждений и тривиальных выводов. Рецензируемая книга, представляющая собой, по замыслу ее авторов, «антиучебник», тем не менее вполне могла бы при некотором тематическом расширении материала за счет внешней политики, культуры и быта стать полноценным учебником для вузов, потребность в котором давно назрела. ■

ВАДИМ ПАРСАМОВ

БОРОХ ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА — ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, кандидат экономических наук.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ — заведующий кафедрой востоковедения МГИМО (У), доктор политических наук, профессор, доктор философии Манчестерского университета.

ВУЛФ МАРТИН — заместитель редактора и ведущий экономический обозреватель *Financial Times* в Лондоне.

ГОЛЬЦ АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ — первый заместитель главного редактора интернет-издания «Ежедневный журнал».

ЗАЙОНЧКОВСКАЯ ЖАННА АНТОНОВНА — президент Центра изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, председатель Независимого исследовательского совета по миграции стран СНГ и Балтии.

ЗАМЯТИН ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ — заведующий сектором гуманитарной географии Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, доктор культурологии, кандидат географических наук.

КОНОНЕНКО ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ — научный сотрудник Финского института международных отношений (Хельсинки), кандидат политических наук.

ЛОМАНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ — ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, доктор исторических наук.

МИХЕЕВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ — руководитель Группы внутренней и внешней политики Китая ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН.

ПАРСАМОВ ВАДИМ СУРЕНОВИЧ — профессор Саратовского государственного университета, доктор исторических наук.

ПЕЙ МИНСИН — директор Китайской программы Фонда Карнеги за международный мир (Вашингтон).

ТРЕНИН ДМИТРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ — заместитель директора Московского центра Карнеги, ведущий научный сотрудник.

ЮДАЕВА КСЕНИЯ ВАЛЕНТИНОВНА — член научного совета Московского центра Карнеги, директор прикладных программ Центра экономических и финансовых исследований и разработок.

Vol. 9, No 3 (30)

COVER STORY
THE CHINA FACTOR IN THE NEW CENTURY

Chinese puzzle

BY VASILY MIKHEYEV

The Communist party's ability to ensure economic growth and social stability in the People's Republic of China guarantees its legitimacy in the eyes of both the Chinese people and the international community, including the West, which is not interested in the collapse of a vast country already deeply drawn into the global economy. The challenge is, on the one hand, not to rock Chinese state boat, lest it capsize, while pushing the Chinese leadership toward improving the quality of governance in the country, on the other. This would imply promoting the development and consolidation of the middle class, supporting constructive elements within the Chinese political elite and welcoming democratic trends within the Communist Party of China (CPC).

Dangerous Denials

BY MINXIN PEI

China's government rests on fragile political foundations, little rule of law, and corrupt governance. Worse, it has consistently placed highest value on economic growth and viewed all demands for curbing its discretion and power as threats to its goal of rapid modernization. The result has been social deficits in education, public health, and environmental protection. This is hardly surprising, as promoting high growth advances the careers of government officials. So for those who wonder how, if China's political system is so rotten, it can deliver robust growth year after year, the answer is that it delivers robust growth year after year in part because it is so rotten.

The neosocialism of Hu Zintao and the PRC's modern ideology

BY OLGA BOROKH AND ALEXANDER LOMANOV

Income disparity, corruption, environmental and raw-materials crises are now openly discussed in China. Chinese mass media may avoid blaming today's

problems on former leaders, but they publicize an increasing amount of worrying statistics.

Chairman Hu faces the difficult task of replacing the 25-year-old reform model launched by Deng Xiaopin. This was the focal point of a communiqué released by the CPC Plenum of October 2005, which called for a "change of vision with regard to development" and "the creation of a new model of development". As it undertakes "to reform the reforms", the Chinese government puts special emphasis on two ideological fronts: propagandizing a new economic policy of social justice, and the fight against liberal ideology regarded as a challenge to political stability in the country.

Why is China Growing so Slowly?

BY MARTIN WOLF

China's economy is still highly inefficient. The voracious maw of China's state-owned enterprises accounts for much of this drag. Between 1993 and 2000, more than 60 percent of all loans went to these state-owned behemoths. The country's notoriously high level of bad loans tells you how good an investment they have been: The Standard & Poor's rating agency currently estimates that China's banks have issued about \$650 billion in bad loans, or about 40 percent of outstanding loans. If an economy growing at close to 10 percent a year generates bad loans on this scale, the misallocation of capital has to be gigantic.

Russia between China and the USA

BY DMITRY TRENIN

The Beijing-Moscow-Washington "triangle" that first emerged in the early 1970s is once again taking shape. Yet, while thirty years ago the role of the initiator or the "solicitor" was played by the weakest party, Beijing, and Washington was the main beneficiary, today the initiative has been launched by the new weakest side, Russia, while Beijing may eventually gain the most. The idea of a "multipolar world" that was so popular in the Russian political circles in mid-1990s in practice implied Russia's interaction with other

“power centers”, first and foremost China, in order to counterbalance the US. However, even back then Russian policy-makers should have realized that in the Moscow-Beijing link the former would evolve as the led, while the latter was obviously set to become the leader. Thus, in 2005, Russia, after refusing to become a junior partner to the US, may play that role with respect to China.

A trade partner, a military ally

BY ALEXANDER GOLTS

Back in 1992, as Moscow and Beijing signed a contract on the sale of Russian weapons to China, neither country was trying to accomplish global objectives. Rather, they sought to resolve very concrete, momentary problems. In particular, by 1992 the Russian government’s purchase of weapons had diminished several fold, and arms exports were regarded as a panacea for the ailing defense industry. Military contacts between Russia and China gradually became broader and more diverse and went beyond the sale of arms and military equipment. Today, Russia and China are key participants in the defense programs of the Shanghai Cooperation Organization. Meanwhile, Beijing obviously plans to use Russia in order to solve its principal foreign-policy task and return Taiwan to the Middle Kingdom.

ARTICLES.....

How we ought to diversify exports?

BY KSENIYA YUDAYEVA

The Russian economy is currently and will remain heavily specialized in energy exports. This does not make Russia in any way deficient or incapable of

economic growth. On the contrary, Russia may as a result become one of the world’s wealthiest countries, with major influence on other national economies. However, as with any narrow specialization, a concentration on energy makes the Russian economy dependent on fluctuations in world prices for that commodity. In order to mitigate the effect of price variation, Russia needs to push forward with the policy of diversifying the financial assets of the Stabilization Fund. In addition, measures should be taken to reduce the reliance of the Russian economy on only one market, Europe, and further diversify Russia’s export markets.

Facing the immigration challenge

BY ZHANNA ZAYONCHKOVSKAYA

In the next two decades, as a result of the regional structure of workforce supply, the shortage of labor will get worse the farther one moves westward across Russian territory. The center of the country draws population from all over Russia, and the far east yields its population to all other regions. This trend will persist for at least another twenty-five years. Unless there is inflow from outside, the center may absorb the whole of Russia’s migration potential, while Siberia and the far east will likely become the center’s main donors. The vicinity of China, with its enormous demographic potential, is the key labor resource for the border territories of Siberia and the far east, which may help maintain the population density of these regions at least at the current level.

Book Reviews

Our Authors